

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Казахстан 2

Спектр НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2024
www.kisi.kz

**Анализ дискурса и терминологии
нациестроительства в контексте
Республики Казахстан**
Айгуль Садвакасова,
Адилет Амиров

**Религиозность в Казахстане:
ценности и смыслы**
Айгуль Забирова

**Оценка роли прав человека в политике
расширения Европейского Союза
в отношении стран-кандидатов**
Меруерт Малгаждарова,
Татьяна Секулич,
Сания Нурдавлетова

**Искусство дипломатии и политический
символизм: из истории подарков
первым лицам государства**
Алуа Асанбаева

**Контент-анализ китайских и
казахстанских СМИ: сотрудничество в области
автомобильной промышленности**
Ажар Сериккалиева,
Айдана Бапаева,
Лю Сяю

**Технологическая сингулярность как
аттрактор эволюции цифрового общества**
Владимир Дунаев,
Шолпан Джаманбалаева,
Валентина Курганская

**На горизонте устойчивости: роль водорода
в глобальной энергетике и перспективы
его развития в Казахстане**
Айгерим Ибраева

ISSN 1562-6318

0 2

9 771562 631162

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Айгуль Садвакасова, Адилет Амиров	Анализ дискурса и терминологии нациестроительства в контексте Республики Казахстан	7
--------------------------------------	--	---

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Айгуль Забирова	Религиозность в Казахстане: ценности и смыслы	24
Меруерт Малгаждарова, Татьяна Секулч, Сания Нурдаuletova	Оценка роли прав человека в политике расширения Европейского Союза в отношении стран-кандидатов	37
Алуа Асанбаева	Искусство дипломатии и политический символизм: из истории подарков первым лицам государства	51
Ажар Сериккалиева, Айдана Бапаева, Лю Сяю	Контент-анализ китайских и казахстанских СМИ: сотрудничество в области автомобильной промышленности	64

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Владимир Дунаев, Шолпан Джаманбалаева, Валентина Курганская	Технологическая сингулярность как аттрактор эволюции цифрового общества	79
Айгерим Ибраева	На горизонте устойчивости: роль водорода в глобальной энергетике и перспективы его развития в Казахстане	93

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Абен Асель**,
главный эксперт КИСИ при Президенте РК,
доктор PhD по экономике

Ответственный за выпуск: Алмас Арзикулов
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова
Верстка: Меруерт Әсіл

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Отпечатано в. Тираж.

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Айгүл Садвоқасова, Әділет Әміров	Қазақстан Республикасы контекстіндегі ұлт қалыптастыру дискурсы мен терминологиясын талдау	7
-------------------------------------	--	---

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Айгүл Забиров	Қазақстандағы діндарлық: құндылықтары мен мәні	24
---------------	---	----

Меруерт Малғаждарова, Татьяна Секулч, Сания Нұрдаuletova	Еуропалық Одақтың кандидат елдерге қатысты кеңейту саясатындағы адам құқықтарының рөлін бағалау.	37
--	--	----

Алуа Асанбаева	Дипломатия өнері және саяси символизм: мемлекеттің бірінші басшыларына арналған сыйлықтар тарихынан	51
----------------	---	----

Ажар Серікқалиева, Айдана Бапаева, Лю Сяю	Қытай және қазақ БАҚ-тарының контенттік талдауы: автомобиль өнеркәсіп саласындағы ынтымақтастық	64
---	---	----

АҚТУАЛДЫ ЭКОНОМИКА

Владимир Дунаев, Шолпан Джаманбалаева, Валентина Курганская	Технологиялық сингулярлық цифрлық қоғам эволюциясының аттракторы ретінде	79
---	---	----

Әйгерім Ібраева	Тұрақтылық көзжиектері: әлемдік энергетикадағы сутегінің рөлі және оның Қазақстандағы даму болашағы	93
-----------------	---	----

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Әбен Әсел**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы,
экономика ғылымдарының PhD докторы

Шығаруға жауапты: Алмас Арзықұлов
Редактор-корректор: Ақмарал Бекірова
Беттеу: Меруерт Әсіп
Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ.,
Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail:
office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997
жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға
сілтеме жасалынуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі
мүмкін. . Таралымы: .

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

- Aigul Sadvokassova,
Adilet Amirov** Analysis of discourse and terminology
of nation-building in the context
of the Republic of Kazakhstan 7

POLITICS AND SOCIETY

- Aigul Zabirowa** Religiosity in Kazakhstan: values and meanings 24

- Meruyert Malgazhdarova,
Tatjana Sekulić,
Saniya Nurdavletova** Assessing the role of human rights in the
European Union's enlargement policy
towards candidate countries 37

- Alua Assanbayeva** Art of diplomacy and political symbolism:
from the history of gifts to top state officials 51

- Azhar Serikkalieva,
Aidana Bapaeva,
Liu Siyao** Content analysis of Chinese and Kazakh media:
cooperation in the field of the automotive industry 64

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

- Vladimir Dunaev,
Sholpan Dzamanbalayeva,
Valentina Kurganskaya** Technological singularity as an attractor for
the evolution of digital society 79

- Aigerim Ibraeva** Horizons of sustainability: the role of hydrogen
in the world energy and prospects for its
development in Kazakhstan 93

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Aben**,
chief expert of the KazISS under the President
of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics

Responsible for publication: Almas Arzikulov

Editor-corrector: Akmaral Bakirova

Layout: Meruyert Asyl

Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.

Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.

The journal was registered by the National Agency of press and information of
the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318

All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the
editorial board may not coincide with that of the authors of articles.

Printed by.

Copies: .

Редакционный совет

Еркин Тукумов	– председатель Редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Рахман Алшанов	– президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
Гульмира Илеуова	– директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
Гульнар Насимова	– заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
Вячеслав Додонов	– главный научный сотрудник ИФПР Комитета науки МНВО РК, доктор экономических наук
Андрей Чеботарёв	– директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
Мартин Брусис	– доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
Синтия Каплан	– профессор Калифорнийского университета (США)
Геннадий Чуфрин	– академик РАН, доктор экономических наук, профессор
Асель Абен	– шеф-редактор, главный эксперт Казахского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор PhD по экономике

Редакциялық кеңес

- Еркін Тұқымов** – Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы ҚСЗИ директоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты
- Рахман Алшанов** – «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы ЖОО-лар Ассоциациясы президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Гүлмира Илеуова** – «Стратегия» әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы Қоғамдық қорының директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
- Гүлнар Насимова** – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
- Вячеслав Додонов** – ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің ФСДИ бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
- Андрей Чеботарёв** – «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Мартин Брусис** – әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Европаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг Максимилиан Мюнхен Университеті (Германия)
- Синтия Каплан** – Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
- Геннадий Чуфрин** – РФА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Әсел Әбен** – бас редактор, ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, экономика ғылымдарының PhD докторы

Editorial Board

- Yerkin Tukumov** – Chairman of the Editorial Board, Director of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Science
- Rakhman Alshanov** – President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economic Sciences, professor
- Gulmira Ileuova** – Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociological Sciences
- Gulnar Nasimova** – Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
- Vyacheslav Dodonov** – Chief Research Fellow of the IFPR of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
- Andrey Chebotarev** – Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Sciences
- Martin Brusis** – Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
- Cynthia Kaplan** – Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
- Gennady Chufrin** – Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Assel Aben** – Chief Editor, chief expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics

МРНТИ:
00.33

АНАЛИЗ ДИСКУРСА И ТЕРМИНОЛОГИИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Айгуль Садвокасова^{1*}
Адилет Амиров²,

¹ Доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований, г. Астана, Казахстан, e-mail*: Aigul.sad.astana@gmail.com

² Магистр социальных знаний, ведущий менеджер центра методических и образовательных программ Института прикладных этнополитических исследований

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-2.01>

Аннотация. В статье осуществляется анализ проблематики терминологии нациестроительства в программных документах, нормативно-правовых актах и общественно-научном дискурсе Казахстана с использованием трехмерной модели критического дискурса-анализа Нормана Фэйрклафа. Авторы делят структуру содержания на три измерения, соответствующих модели Фэйрклафа: текст, дискурсивную практику и социокультурную практику, что позволяет всесторонне оценить и анализировать языковые и концептуальные факторы, влияющие на формирование национальной политики и общественного мнения. Исследование направлено на выявление противоречий и разночтений, существующих в терминологической базе и дискурсивных практиках. Авторы предлагают конкретные рекомендации по унификации терминологии для повышения эффективности государственной политики в сфере нациестроительства.

Ключевые слова: *Казахстан, этнополитика, межэтнические отношения, нациестроительство, национальная идентичность, критический дискурс-анализ, нормативно-правовая база, дискурсивная практика, терминологическая унификация.*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ КОНТЕКСТІНДЕГІ ҰЛТ
ҚАЛЫПТАСТЫРУ ДИСКУРСЫ МЕН ТЕРМИНОЛОГИЯСЫН ТАЛДАУ

Айгүл Садвокасова^{1*}, Әділет Әміров²

¹ Әлеуметтану ғылымдарының докторы, Қолданбалы этносыяси

институтының директор орынбасары, Астана қ., Қазақстан, e-mail: Aigul.sad.astana@gmail.com

² Әлеуметтік ғылымдар магистрі, Қолданбалы этносаяси институтының әдістемелік және білім беру бағдарламалары орталығының жетекші менеджері, Астана қ., Қазақстан.

Аңдатпа. Мақалада Норман Фэйрклафтың сыни дискурс-талдауының үш өлшемді моделін пайдалана отырып, бағдарламалық құжаттардағы, нормативтік-құқықтық актілердегі және Қазақстанның қоғамдық-ғылыми дискурсындағы ұлт қалыптастыру терминологиясының проблематикасын талдау жүзеге асырылады. Авторлар мазмұн құрылымын Фэйрклаф моделіне сәйкес келетін үш өлшемге бөледі: мәтін, дискурсивті практика және әлеуметтік-мәдени практика, бұл ұлттық саясат пен қоғамдық пікірдің қалыптасуына әсер ететін тілдік және тұжырымдамалық факторларды жан-жақты бағалауға және талдауға мүмкіндік береді. Зерттеу терминологиялық базада және дискурсивті тәжірибеде бар қайшылықтар мен сәйкессіздіктерді анықтауға бағытталған. Авторлар ұлт қалыптастыру саласындағы мемлекеттік саясаттың тиімділігін арттыру үшін терминологияны біріздендіру бойынша нақты ұсыныстар ұсынады.

Түйінді сөздер: *Қазақстан, этносаясат, этносаралық қатынастар, ұлт қалыптастыру, ұлттық бірегейлік, сыни дискурс-талдау, нормативтік-құқықтық база, дискурсивті практика, терминологиялық біріздендіру.*

ANALYSIS OF DISCOURSE AND TERMINOLOGY OF NATION-BUILDING IN THE CONTEXT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Aigul Sadvokassova^{1*}, Adilet Amirov²

¹ Doctor of Social Sciences, Deputy director of Institute of Applied Ethno-Political Studies, Astana, Kazakhstan, e-mail: Aigul.sad.astana@gmail.com

² Master of Social Sciences, Leading Manager of the Center for Methodological and Educational Programs of Institute of Applied Ethno-Political Studies, Astana, Kazakhstan

Abstract. The article analyzes the problems of nation-building terminology in policy documents, regulatory legal acts and social scientific discourse of Kazakhstan, using Norman Fairclough's three-dimensional model of critical discourse analysis. The authors divide content structure into three dimensions corresponding to Fairclough's model: text, discursive practice and sociocultural practice, which allows for a comprehensive assessment and analysis of linguistic and conceptual factors influencing the formation of national policy and public opinion. The study is aimed at identifying contradictions and discrepancies that exist in the terminological base and discursive practices. The authors offer specific recommendations for unifying terminology to improve the effectiveness of public policy in the field of nation-building.

Keywords: *Kazakhstan, ethno-politics, interethnic relations, nation-building, national identity, critical discourse analysis, legal framework, discursive practice, terminological unification.*

Введение

В контексте глобализации и политических трансформаций последних десятилетий вопросы национальной идентичности, этноса и национальности приобретают особую актуальность. В Республике Казахстан, стремящейся к

укреплению национального единства и развитию государственности, эти вопросы становятся предметом оживленного обсуждения как в академических кругах, так и на уровне государственной политики. На третьем заседании Национального Курултая Глава государства К.К. Токаев отметил, что «крайне важно укреплять единство нашего народа».

Зарубежные исследования охватывают широкий спектр подходов к пониманию нации и национальности, включая работы Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона, Энтони Смита, Роджера Брюбейкера. В то время как мировой дискурс стремится к формированию универсальных определений, основанных на общепринятых теориях, в постсоветских странах, включая Казахстан, наблюдается влияние советской традиции многонациональности и этнокультурного разнообразия. Это находит отражение как в общественном дискурсе, так и в нормативно-правовой базе страны, где до сих пор прослеживается неоднозначное использование таких терминов, как «нация», «национальность» и «этнос».

Терминологическая ясность играет ключевую роль в формулировании и реализации любой государственной политики, особенно в такой чувствительной и многогранной сфере, как нациестроительство. В контексте Казахстана, стремящегося к укреплению национального единства и гармонизации межэтнических отношений, точность и согласованность в использовании ключевых терминов становятся не просто академическим требованием, но и практической необходимостью. Однозначное определение таких понятий, как «нация» и «национальность» может способствовать общему пониманию целей и задач национальной политики, а также формированию эффективных стратегий в области образования, культуры, законодательства и социальной интеграции.

Однако, несмотря на значительные усилия, проблема терминологических несоответствий и отсутствие единого подхода к определению ключевых понятий остается актуальной. Сложившаяся практика в нормативно-правовых актах и общественном дискурсе затрудняет не только взаимопонимание между различными слоями населения и институтами власти, но и вхождение в мировое пространство. Терминологическая ясность становится фундаментом для построения инклюзивного общества, в котором каждый гражданин, независимо от своей этнической принадлежности, чувствует свою причастность к общим национальным ценностям и идеалам. В этом контексте, устранение терминологической двусмысленности и разработка унифицированного категориального аппарата становятся первоочередными задачами для укрепления национальной идентичности и созданию социальной гармонии в Республике Казахстан.

Целью данного исследования является анализ терминологических аспектов нациестроительства в Казахстане, выявление основных несоответствий и двойственностей в нормативно-правовых актах и общественном дискурсе, а также разработка рекомендаций по унификации терминологии для повышения эффективности государственной политики в данной сфере.

Задачи исследования включают в себя анализ динамики развития базовых терминов нациестроительства в казахстанском, постсоветском и международном дискурсах; выявление и анализ терминологических несоответствий в нормативно-правовых актах; оценку влияния существующей терминологической двойственности на общественное восприятие и государственную по-

литику; разработку рекомендаций по унификации и гармонизации терминологического аппарата.

Методологическая база данного исследования включает в себя комплексный подход, сочетающий анализ документов, сравнительный анализ, контент-анализ и дискурс-анализ, что позволяет всесторонне изучить терминологические аспекты нациестроительства в контексте Республики Казахстан. Такой подход направлен на глубокое понимание как официальной, так и общественной риторики, связанной с национальной идентичностью, и идентификацию ключевых проблем и перспектив в сфере терминологической ясности. Для достижения поставленных целей исследования, применена *трехмерная модель критического дискурс-анализа Нормана Фэйрклафа*. Эта модель предполагает рассмотрение дискурса не только как языкового продукта, но и как инструмента социальной практики и культурного контекста, что особенно актуально для изучения терминологических несоответствий в таком многогранном процессе, как нациестроительство. Такой подход позволит не только выявить существующие несоответствия и двойственности, но и предложить эффективные стратегии их преодоления, направленные на укрепление национального единства и социальной гармонии.

Обзор литературы

На протяжении XIX-XX вв. мировой научный дискурс о нации, национализме и нациестроительстве постепенно развивался и вовлекал в себя ученых и школы с разными взглядами. Одним из фундаментальных текстов в теории наций и национализма является доклад Эрнеста Ренана «Что такое нация?», представленный в 1882 году. Ренан критически анализирует традиционные критерии, такие как раса, язык, религия и география, которые часто использовались для определения нации, и приходит к выводу, что ни один из них не является достаточным или необходимым для существования нации.

В центре внимания Ренана находится идея, что нация скорее формируется на основе общих переживаний и «ежедневного плебисцита» — совместного согласия людей жить вместе и поддерживать общую историю, которая включает как победы, так и трагедии. Он подчеркивает важность «забвения» исторических конфликтов как условие для формирования нации, а также «солидарности», проистекающей из общего прошлого и желания продолжать существование в будущем как единого политического сообщества. Доклад примечателен тем, что он предлагает концепцию нации, основанную на субъективных факторах — общей воле и коллективном сознании, — отходя от объективистских определений, основанных на фиксированных критериях. Он оказал глубокое влияние на последующие поколения исследователей и теоретиков национализма, предложив основу для понимания нации как социокультурного и политического конструкта, а не просто данности [1].

Продолжая данную идею, классические работы Эрнеста Геллнера и Бенедикта Андерсона рассматривают нацию как социокультурное и политическое образование, в котором язык выступает не просто средством коммуникации, но и инструментом мобилизации и объединения людей.

Наиболее известная работа Эрнеста Геллнера «Нации и национализм» представляет собой фундаментальный анализ процесса возникновения наций

и национализма в контексте модернизации. Геллнер аргументировал, что национализм возникает в условиях перехода от аграрного общества к промышленному, когда традиционные связи и идентичности разрушаются, а взамен возникает потребность в новой форме социальной организации и культурной однородности. Он утверждал, что национальное государство становится основным механизмом политической организации в мире модерна, а образование и стандартизация языка играют ключевую роль в создании национальной культуры и идентичности [2].

В своей книге «Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма» Бенедикт Андерсон излагает концепцию нации как воображаемого политического сообщества, которое воспринимается как ограниченное и суверенное. Он подчеркивает роль печатных СМИ и литературы в создании «глубокого, горизонтального товарищества», которое превосходит фактические неравенства и различия между людьми. По его мнению, национализм возникает не из предварительно существующих национальных идентичностей, а скорее из стилей восприятия и коммуникации, которые позволяют людям представить себя как часть широкой общности [3].

Энтони Д. Смит, выдающийся исследователь в области этнической идентичности и происхождения наций, критиковал современный взгляд на национализм как на продукт модернизации. Вместо этого он ввел концепцию «этносимволизма», подчеркивающую значение мифов, символов и общей истории для национальной идентичности. Основные работы Смита, такие как «Этнические истоки наций» (1986) и «Национализм: теория, идеология, история» (2001), исследуют формирование наций через исторические традиции и культурные символы, а также роль национализма в создании современных государств. Смит утверждал, что для полного понимания наций и национальной идентичности необходимо учитывать их «премодернистские» корни, выделяя важность долговременной перспективы и вклада исторического наследия в сохранение уникальной идентичности наций [4][5].

Современные исследователи, такие как Роджер Брюбейкер подчеркивают, что национальная идентичность формируется через социальные процессы и дискурсивные практики, с акцентом на важность языка и терминологии в определении «мы» и «они». Его исследования показывают, как язык становится активным элементом национального строительства и влияет на включение или исключение, а также на возможность возникновения общественного консенсуса или этнических конфликтов. В работе «Национализм переосмысленный», Брюбейкер видит нацию как переменное и контингентное явление, обусловленное политическими, социальными и культурными процессами [6]. В «Этничности без групп» он оспаривает взгляд на этничность как на характеристику стабильных групп и предлагает видеть ее в контексте динамичных социальных взаимодействий. Брюбейкер особенно фокусируется на практиках идентификации и политике принадлежности, исследуя, как разные акторы формируют, поддерживают и меняют национальные и этнические идентичности, а также механизмы включения и исключения, связанные с гражданством и национальной принадлежностью [7].

Все вышеперечисленные авторы подчеркивают центральную роль языка и терминологии в конструировании национальной идентичности и политической легитимации национальных государств.

Исследования в области социолингвистики и политической лингвистики Нормана Фэйрклафа изучают влияние языковой практики на восприятие социальной реальности и политические представления населения. Автор выделяет взаимосвязь между языком, властью и социальными изменениями. По его мнению, коммуникация – это социальное событие, поэтому язык и выбор слов формирует контекст, в котором существуют сообщества. Речь и дискурс способны передавать информацию об изменениях, адаптировать аудиторию к ним, и способствовать развитию изменений.

Он разработал модель критического дискурс-анализа (далее - КДА), состоящую из трех измерений:

1. **Описание:** Анализ самого текста, включая грамматику, синтаксис, лексику, фонологические особенности, литературные приемы (например, риторические вопросы) и изображения.
2. **Интерпретация:** На этом этапе анализируется, как дискурс создается и распространяется, а затем потребляется читателем/слушателем, т.е. изучается происходящее взаимодействие. На этом этапе дискурс понимается как дискурсивная практика.
3. **Объяснение:** На этом этапе исследуется взаимодействие с дискурсом и социальным контекстом. Здесь дискурс должен быть помещен в более широкую среду общества и рассматриваться как социальная практика.

Модель КДА Фэйрклафа основана на том, что *дискурс — это форма социальной практики*, которая одновременно отражает и формирует социальные структуры [8].

Результаты исследования и их обсуждение

Процесс нацистроительства в Казахстане представляет собой уникальный набор терминологических и дискурсивных проблем. Эти вопросы возникают из разнообразного этнического состава страны, исторического контекста и необходимости сбалансировать модернизацию с сохранением культуры. Несмотря на многолетние усилия, существует ряд терминологических несоответствий и двойственностей, затрудняющих разработку и реализацию эффективной политики нацистроительства.

Модель КДА Фэйрклафа может быть использована для изучения сложностей нацистроительства в Казахстане — процесса, который включает взаимодействие языковых, социальных и политических элементов.

Выбор терминологии в официальной речи, политических документах и образовательных материалах может либо устранить разногласия, либо усугубить напряженности. Применяя КДА Фэйрклафа становится возможным изучить, как конкретные термины способствуют инклюзивным или эксклюзивным дискурсивным и социокультурным практикам. Модель Фэйрклафа позволяет критически проанализировать, как различные дискурсы конкурируют или дополняют друг друга в публичной сфере и как они влияют на социальную интеграцию различных этнических групп. Определяя и отвергая дискурсивные стратегии, которые маргинализируют или привилегируют определенные группы или идеи, заинтересованные стороны могут работать над созданием более инклюзивных и объединяющих нарративов. Вот примеры сфер применения:

Формулирование политик и реформ: выявляя и бросая вызов дискур-

сивным практикам, которые препятствуют нациестроительству, КДА Фэйр-клафа может стать основой для более инклюзивной политики. Например, языковая политика, которая признает языковое многообразие и одновременно продвигает единый национальный язык.

Образовательные материалы: Анализ учебников и учебных программ, их адаптация, чтобы они способствовали сбалансированному и инклюзивному взгляду на историю, культуру и общество Казахстана.

Анализ СМИ: СМИ играют решающую роль в формировании общественного дискурса. КДА может помочь выявить предубеждения и представления в средствах массовой информации, которые могут повлиять на этнические отношения или восприятие национальной идентичности.

Информированность и участие общественности: Вовлечение общественности в дискуссии об использовании языка и его последствиях может способствовать формированию более инклюзивного и рефлексивного национального сознания.

1. Анализ текста (описание)

Это измерение предполагает детальное изучение фактического языка, используемого в дискурсе нациестроительства, включая выступления, программные документы, образовательные материалы и медиа-контент. К примеру, один и тот же человек может быть назван «чужеземцем», «иностранцем», «иммигрантом» или «гостем», что будет формировать отношение аудитории к нему. Подобная ситуация будет наблюдаться при выборе между выражениями «этническая группа», «национальность» или «диаспора».

Формирование казахстанской парадигмы нациестроительства изначально было ориентировано на построение гражданской нации с сильным этническим базисом. Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР подчеркивала коллективную ответственность за судьбу казахской нации и необходимость развития ее культуры и языка [9]. Конституционный Закон «О государственной независимости Республики Казахстан» установил правовую основу для суверенитета нации, народа и государства, подчеркивая независимость и демократический статус государства [10]. Конституция Республики Казахстан 1993 года акцентировалась на создании казахской нации и обеспечении равных прав всех граждан, с особым статусом для казахского и русского языков [11]. Однако, изменения в Конституции Республики Казахстан 1995 года изменили характер нациестроительства. В ней заметно отклонение от этнонациональной парадигмы, чем и объясняется отказ от использования в тексте Конституции «казахская нация», вместо чего декларируется «народ Казахстана» [12]. Зачастую в научной среде встречается мнение, что данная Конституция вернула Казахстан в советскую парадигму, чтобы не усиливать внешнеполитические противоречия.

Конституция не закрепляет ни одну идеологию в качестве официальной государственной. Поэтому основные конституционные ценности реализовывались через стратегические документы, такие как Стратегия «Казахстан-2030» (1997 г.), послания Президента народу Казахстана, Концепция формирования государственной идентичности Республики Казахстан (1996 г.), Доктрина национального единства (2010 г.), Стратегия «Казахстан-2050» (2012 г.). Программа «Рухани жаңғыру» (2017), идея «Мәңгілік Ел», Национальный проект «Ұлттық рухани жаңғыру» (2021).

Одновременно, в Казахстане активно развивалась политика **интеркультурализма** и политическая модернизация. Декларируется, что нынешняя государственная политика сосредоточена на построении справедливого общества и формировании порядочного гражданина через правовые и ценностные механизмы.

Тем не менее, во многих казахстанских нормативных правовых актах (далее - НПА) и личных документах этническая принадлежность гражданина до сих пор определяется как «Ұлты/национальность», что также влияет на восприятие гражданами данного вопроса и говорит о переходном состоянии государственной политики в сфере межэтнических отношений.

Термин «этнос» и его производные, как правило, используются лишь в нормативных правовых актах, связанных с деятельностью Ассамблеи народа Казахстана (далее - АНК) и Министерства культуры и информации РК (Министерства информации и общественного развития РК, 25 февр. 2019 г. – 4 сентября 2023 г.), тогда как в остальных НПА используется термин «национальность» и его производные.

Например, в тексте Указа Президента РК от 15 сентября 2022 года № 1014 «Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022-2026 годы» слово «этнос» и его производные встречаются 161 раз [13], а в Конституции РК – 0 раз, так как в данном документе, как и во многих других НПА (УК РК, ТК РК, др.), используется слово «**национальность**» и его производные [12].

Тем самым, анализ текстовых материалов в сфере нациестроительства показал, что в НПА и программных документах присутствуют разночтения, а развиваемые в период независимости идеологические проекты не имеют единой терминологии и целевой направленности. Применяемый язык как инструмент формирования дискурсивной практики не справляется с донесением четкого и однозначного сообщения до широкой аудитории.

2. Интерпретация (дискурсивная практика)

Этот аспект фокусируется на том, как дискурс создается, воспринимается и интерпретируется различными заинтересованными сторонами, включая политиков и представителей разных этнических групп. Это измерение подчеркивает важность диалогического общения в процессе нациестроительства, когда обратная связь от общественности служит основой для непрерывного развития дискурса.

По мнению Фэйрклафа, язык не является нейтральным и создает предпосылки для интерпретации и суждений, проводя ценности и подходы от автора к аудитории. Выбор применяемых слов и композиция текста способна менять отношение людей к определенному объекту. Так, распространение в обществе идей 1) о единой нации (национальности), состоящей из представителей разных этнических групп и 2) о гражданах, имеющих разную национальную принадлежность будут вести к развитию противоположных дискурсивных практик.

В общественном, официальном и научно-экспертном дискурсах Казахстана имеют место различные нарративы о нации, национальной идентичности и нациестроительстве.

Одной из основных проблем, выявленных в ходе анализа, стало существование множественных и зачастую разноречивых определений таких ключе-

вых понятий, как «нация» и «национальность». Например, в некоторых научных работах понятие «нация» интерпретируется преимущественно через призму культурно-исторического сообщества с общим языком и культурой, в то время как другие исследования акцентируют внимание на «нации» как на политическом сообществе, основанном на гражданстве и общегосударственных ценностях. Это приводит к трудностям в понимании и применении данных терминов в государственной политике и образовательных программах.

Дальнейший анализ показал, что существующие в казахстанском научном дискурсе определения терминов зачастую не соответствуют международным стандартам и практикам. Это несоответствие является основой для недопониманий между группами исследователей как в Казахстане, так и в СНГ. Кроме того, оно затрудняет международное академическое и политическое взаимодействие, а также усложняет процесс интеграции казахстанской науки в глобальное научное сообщество. Это объясняется сохранением советской традиции «многонациональности» и влиянием российской науки, в рамках которой национальность трактуется как принадлежность к одной из национальных республик или территорий, историческим или физическим выходцем из которой является то или иное лицо.

Термины «нация», «ұлт», «nation» имеют различные трактовки в казахстанском, советско-российском и международном дискурсах. По этой причине фундаментальный вопрос самого термина «**нациестроительство**» воспринимается по-разному. Советская трактовка «нации» в качестве «этноса» или «национальности» не соответствует современному пониманию «нации» как страны, государства. В казахском языке для определения «нации» и «этноса» используется термин «ұлт».

Международная терминология по теме наций и нациестроительства ориентируется на универсализм, адаптируясь под разнообразные культуры и контексты. В XIX-XX веках англоязычный дискурс эволюционировал от колониальной модели к универсальному пониманию нации, учитывающему культурные, языковые и исторические особенности каждой страны.

«Nation - a country considered as a group of people with the same language, culture and history, who live in a particular area under one government» [14]. Данная дефиниция связывает разные группы людей с похожим языком, культурой и историей, проживающих на конкретной территории под общим правительством, т.е. имеющих общее государство.

Нация рассматривается как политическое сообщество, стремящееся к единству и власти на определенной территории. Существуют различные концепции нации: как гражданского сообщества (демос) и этнической группы (этнос). Единого определения нации нет, оно зависит от исследовательского подхода. Для одних исследователей нация – это общность чувств (М. Вебер), для других – воображаемая общность (Б. Андерсон), для третьих – «ежедневный плебисцит» (А. Ренан), для четвертых – «категориальное» сообщество, связанное непосредственно и одинаковым образом, а не иерархически (К. Калхун).

В постсоветском пространстве всё еще сохраняются подходы к определению нации, принятые в советский период. Исследователи отождествляют «нацию» с этнической группой, либо представляют её как «фазу развития этноса», как в представленном ниже определении.

«Нация - социально-экономическая и культурно-политическая общность людей, сложившаяся в результате становления государства; фаза развития этноса, в которой данный конкретный этнос обретает суверенитет и создает собственную полноценную государственность» [15].

Это объяснимо особенностями устройства Российской империи, СССР и РФ. В составе Российской Федерации присутствует множество национальных республик и автономий, что подразумевает наличие множеств «наций» в пределах одного государства.

Представители данного дискурса традиционно обращают внимание на важность единства и солидарности в «многонациональных» обществах, подчеркивая роль государства в объединении национальных идентичностей.

При этом, российские публичные лица и отдельные исследователи опасаются тенденции формирования этноцентричного нациестроительства в Казахстане. Так, в статье «Нациестроительство в Казахстане в условиях авторитаризма: путь к этнократии?» автор Лубенец Е.В. рассматривает процесс нациестроительства в Казахстане и подчеркивает дилемму между формированием казахской этнической нации и казахстанской гражданской нации. Автор определяет риски возникновения этнократии из-за авторитарной политической структуры, подчеркивая проблемы в балансировании этнической и гражданской национальной идентичности среди политических, социальных и языковых разногласий. Автор предполагает, что без решения этих проблем усилия по построению нации могут непреднамеренно привести к этнократическому государству, а не к единой гражданской нации [16].

Казахстанские исследователи уделяют внимание специфическим историческим и культурным аспектам, связанным с Казахстаном и казахской нацией. В своих материалах они исходят из уникальности отдельных черт казахской нации и национальной истории, а также акцентируют на роль языка и культуры в формировании национальной идентичности.

Ұлт — қоғамды ұйымдастырудың анағұрлым кең тараған бірлігі. Негізінде ХХ-ХХІ ғасырлар ғаламдық деңгейдегі саяси ұйымдасудың негізгі бірлігі болып табылатын ұлттық мемлекетке сәйкес келуі керек. Ұлт мемлекетті қажетті заңдылықпен қамтамасыз етеді және тек ұлттық мемлекеттер халықаралық қатынастардың толыққанды субъектілері ретінде өмір сүре алады деген пікір қалыптасқан. Ұлттық емес мемлекеттер толыққанды болып есептелмейді. Олар не ұлттыққа айналуы керек, не өмір сүруін тоқтатуы керек [17].

В контексте унитарного строя Республики Казахстан и исторического стремления казахов к независимости, в публичном дискурсе акцентируется стремление к подтверждению национальной состоятельности через создание «национального государства», что отражается в определении слова «ұлт» на казахском языке. Этот процесс виден в постепенном переходе от советской этнополитики к международным подходам, например, в переименовании «Ассамблеи народов Казахстана» (1995-2007) в «Ассамблею народа Казахстана» (2007-н.в.) и последующем реформатировании национально-культурных центров в этнокультурные объединения. Современный дискурс стремится к укреплению идеи единой нации и отделению этнической принадлежности от политической, подчеркивая необходимость строительства национального государства.

Учитывая, что на начало 2023 года удельный вес казахов составил более 70%, то смысловая нагрузка термина «казах» переходит от этнического понимания к политическому. При этом особое внимание уделяется и государственному – казахскому языку.

В научно-экспертной среде Казахстана и в общественном дискурсе зачастую наблюдается поверхностное понимание «национализма», что также говорит о переходном характере нациестроительства. Исследователи отмечают параллельное использование гражданской и этнической идентичности в процессе формирования нации, подчеркивая распространение двух подходов: этнического и гражданского национализма. Динамика развития каждого направления зависит от множества факторов, включая этнодемографическую ситуацию и социально-экономическое положение различных этносов в регионах.

Экспертная дискуссия, организованная аналитической группой «КИПР» в 2014 году, выявила различные взгляды на нациестроительство в Казахстане. С одной стороны, спикер Р.Жумалы акцентировал внимание на гомогенизации и казахизации культурных основ общества, считая строительство казахской нации главной целью. С другой стороны, спикер К. Нуров поддерживал идею формирования единой гражданской нации, подчеркивая противоречие между этнократической и гражданской моделями национального государства. В контексте этих дебатов, обсуждение смещается от бинарной оппозиции между этнической и гражданской идентичностью к поиску способов их интеграции для консолидации и устойчивого развития казахстанского общества. Идеальная модель нациестроительства предполагает гармоничное сосуществование разных идентичностей, способствуя созданию уникальной нации на основе культурного наследия казахского народа и общечеловеческих ценностей [18].

Тема национальной идентификации (самоопределения) граждан Казахстана является одним из основных направлений исследований в контексте нациестроительства. На фоне двойственности терминологии, обозначились противоречия в самоопределении этнических казахов и граждан другого этнического происхождения, в том числе в отношении друг друга.

Приверженцы традиционалистского подхода, или примордиалисты, считают, что «казах» - это показатель историко-культурного и политического наследия. Это явление подчеркивает для них важность этнической идентичности и ее связи с национальной идентичностью.

С другой стороны, модернистские и постсоветские граждане используют понятие «казахстанцы» в отношении граждан Казахстана. Эта точка зрения относится к стремлению создать гражданское общество, в котором признание гражданства и принадлежности к стране важнее этнических различий.

Отличие казахоязычного и русскоязычного дискурса в данном контексте заметно в распространенности в быту термина «казахстанцы» в русскоязычной среде и слабой бытовой распространенности слова «қазақстандықтар» в казахоязычной среде, что подтверждается аналитикой по данным словам-маркерам.

Модернисты, или приверженцы конструктивистского подхода, также допускают возможность конструирования инклюзивной нации «казахов». В настоящее время обсуждаются перспективы термина «казах» в качестве политонима. Официальные лица и лидеры мнений всё чаще используют

идентификатор «казахи» вместо «казахстанцы», что вызывает неоднозначную реакцию в обществе.

Некоторые лидеры общественного мнения и их аудитория резко негативно относятся к этой тенденции, рассматривая ее как проявление этнического национализма или указывая на несоответствие в толковании терминов. Казахи традиционного толка могут как приветствовать эту риторику (поддерживая распространение казахского языка и казахской идентичности), так и выступать против, не желая «размывать» свою этническую идентичность.

Возможная замена термина «казахстанец» на гражданский термин «казах» вызывает ряд актуальных вопросов и в научно-экспертной среде. Один из таких вопросов связан с тем, что необходимо уточнить статус этнических казахов, проживающих в других странах, имеющих гражданство этих стран и не желающих отказываться от него. Возникает дилемма: если мы называем граждан Казахстана «казахами», значит ли, что казахи без гражданства РК «не казахи»? По мнению политического обозревателя Газиза Абишева, попытка адаптировать эти две категории одновременно может помешать укреплению национальной идентичности и привести к провалу задумки из-за путаницы и споров. Кроме того, возникает вопрос о статусе кандасов и о том, какие критерии следует использовать для их принятия в Казахстане [19].

Тем самым, анализ дискурсивной практики показывает неоднородность терминов и нарративов, применяемых в научной среде и в общественном дискурсе. Учитывая унитарность Казахстана, рост доли казахского населения и стремление государства к национальному единству, важно разрешить разночтения в сфере нациестроительства и отойти от советской многонациональной модели. Без достижения консенсуса по ключевым терминам и гармонизации их использования, способствовать популяризации более глубоких национальных идеологий, требующих активного понимания и вклада со стороны граждан будет затруднительно.

3. Социальный анализ (объяснение)

Последнее измерение предполагает размещение дискурса в более широком социально-политическом контексте. Это требует анализа того, как дискурс нациестроительства отражает и формирует социальные структуры, коллективные идентичности и отношения между обществом и властью. Социальный анализ также рассматривает, как дискурс способствует построению национальной идентичности, которая вписывается в разнообразный этнический и культурный ландшафт Казахстана, потенциально ослабляя или укрепляя существующие социальные иерархии и динамику власти.

На текущий момент в обществе сосуществуют все понятия и нарративы, которые были сформированы в предыдущие периоды, т.е. советские и западные формулировки, а также их различные интерпретации. При этом, они выходят за рамки экспертных обсуждений (научное сообщество, политическая и бизнес элита и др.) и становятся предметом разногласий в виртуальном пространстве (СМИ, социальные сети, мессенджеры).

Среди широкой общественности Казахстана (как русскоязычной, так и казахоязычной) распространено различное толкование таких понятий, как «нация» и «национальность». В бытовом понимании многих граждан, совокупность граждан Казахстана – это «народ» / «халық» (в русскоязычном дискурсе – иногда «народы»), «нация»/«ұлт» - это этническая группа, а

«национальность»/«ұлты» - этническая принадлежность гражданина.

Исследователи Галым Жусипбек и Жанар Нагаева отмечают усиление этнического сентимента в казахском обществе, объясняя это рядом факторов:

- Этнодемографические изменения с увеличением доли казахского населения и переездом сельских жителей в города, что способствует синтезу националистических настроений, особенно среди молодежи.

- Использование термина «диаспора» некоторыми СМИ и публичными лицами по отношению к этническим группам, что может создавать раздельные линии в обществе и приводить к дискриминации.

- Противоречие между государственным и общественным дискурсами, особенно на фоне преобладания русского языка и идеологии единства народа, что делает националистический дискурс объединяющим фактором среди казахоязычного населения.

- Усиление этноцентричного национализма в постсоветский период, с фокусом на доминирующий этнос и снижением инклюзивности в политических институтах, что ведет к неприязни к другим этническим группам.

- Возрождение архаики и традиционализация, способствующая доминированию эксклюзивных нарративов и ценностей [20].

Относительно нарративов о казахской и казахстанской нациях, результаты опроса 2023 года по проекту BR18574231 «Научно-методологические основы нациестроительства в Казахстане: оценка современных условий, тенденций и проекционных/оценочных моделей развития полиэтничного общества» в рамках программно-целевого финансирования КН МНВО РК (*квотная выборка в разрезе этнических групп - 4000 респондентов во всех регионах РК, анкетный опрос*) показывают, что на вопрос «*Какое из предложенных утверждений больше соответствует Вашим внутренним убеждениям?*» с вариантами «Я – часть казахстанской нации» и «Я – часть казахской нации», а также «Затрудняюсь ответить», 65,0% опрошенных причисляют себя к казахстанской нации, а 28,3% - к казахской нации.

Так, существенное количество *казахов* идентифицируют себя как с казахской (791 из 1400, или 56.5%), так и казахстанской (577 из 1400, или 41.2%) нациями. 2.3%, или 32 из 1400 казахов затрудняются с ответом.

Большинство *русских* (712 из 1000, или 71.2%) видят себя как часть казахстанской нации. Меньше русских (173 из 1000, или 17.3%) ощущают себя частью казахской нации. Относительно высокий процент русских (115 из 1000, или 11.5%) затрудняются ответить.

Подавляющее большинство *узбеков* (148 из 160, или 92.5%) ощущают себя частью казахстанской нации. Очень маленькое количество узбеков (8 из 160, или 5%) считают себя частью казахской нации. Незначительное число узбеков (4 из 160, или 2.5%) затрудняются ответить.

Украинцы, немцы, татары, азербайджанцы, корейцы, таджики, дунгане и чеченцы в большинстве видят себя как часть казахстанской нации, с процентами от 67.5% среди *корейцев* до 95.6% среди *уйгуров*. Для всех этих групп доля тех, кто ощущает себя частью казахской нации, не превышает 21%.

Количество респондентов, затруднившихся с ответом, варьируется от 0.6% среди уйгуров до 16.9% среди таджиков [21].

Эти данные могут указывать на то, что существует заметная разница в самоидентификации между казахами и представителями других этносов.

Казахи практически поровну идентифицируют себя с обоими названиями, в то время как большинство представителей других этносов сильнее ассоциируют себя с казахстанской нацией. Относительно высокий процент респондентов, затрудняющихся с ответом, может отражать неопределенность или смешанные чувства относительно их национальной идентичности. В данном случае это может быть свидетельством того, что респонденты не готовы отнести себя ни к одной из «наций», считая себя частью собственной нации (например, таджикской) вследствие привычности маркера «национальность» для этнокультурной самоидентификации.

Тем самым, социальный анализ показал неоднородность в социокультурной практике самоидентификации между представителями разных этносов, а также разность взглядов на тему гражданского и этнического национализма в Казахстане.

Выводы

Трехмерный критический дискурс-анализ выявил неоднозначности на каждом уровне формирования дискурса. Несоответствия в применяемом языке, многослойность дискурсивной практики, и развитие разъединяющей социальной практики имеют не только причинно-следственную связь, но и влияют на воспроизводство и углубление друг друга.

Для *гармонизации терминологии* в научном дискурсе Казахстана и развития нациестроительства в рамках единой дискурсивной практики предлагается комплекс мер.

Необходима *разработка унифицированного словаря терминов*, отражающего современное понимание ключевых понятий в контексте международного опыта и казахстанской специфики. Этот словарь должен лечь в основу научных исследований, образовательных программ и государственной политики. Также предлагается проведение регулярных междисциплинарных научных конференций для уточнения и обсуждения терминологии, что поможет укрепить консенсус и улучшить терминологическую точность.

На основе этого предлагается *редакционное обновление нормативных правовых актов*, в том числе Конституции. В личных документах предлагается либо переименовать графу «национальность» в «этническая принадлежность», либо исключить её, чтобы документы соответствовали научному дискурсу и способствовали устранению двусмысленности.

В общественном и научном дискурсе Казахстана понятие «нациестроительство» используется ограниченно, в основном специалистами в сфере этнополитики и работниками АНК. Использование этого термина наряду с его прямым переводом («ұлт құру»), вызывает ассоциации с советской политикой нациестроительства.

Требуется выработка термина «*nation-building*» на государственном языке, учитывая многогранность слова «ұлт», которое означает как этническое и культурное наследие, так и более широкую гражданскую общность. Выбор терминологии должен базироваться на консенсусе между лингвистами, общественностью и научным сообществом, чтобы наилучшим образом отразить цели и принципы нациестроительства в Казахстане и быть понятным для всех граждан.

Поддержка гражданского национализма со стороны государства и обще-

ственных структур подчеркивает идею единой нации, объединяющей все этносы Казахстана. Важно, чтобы государственная идеология активно продвигала преимущества гражданского национализма используя унифицированную терминологию. Разночтения в дискурсе приводят к разделению общества, создают негативные коннотации для общественной гармонии и национальной безопасности.

Источник финансирования. Данная статья подготовлена по проекту BR18574231 «Научно-методологические основы нациестроительства в Казахстане: оценка современных условий, тенденций и проекционных/оценочных моделей развития полиэтнического общества» в рамках программно-целевого финансирования КН МНВО РК. Проект реализуется Институтом прикладных этнополитических исследований (Астана, Казахстан).

Список литературы

1. Renan, E. Qu'est-ce qu'une nation? Paris, 1882. [эл.ресурс]. - URL: https://www.presselivre.fr/wp-content/uploads/2021/11/Renan_-_Qu'est-ce_qu'une_Nation.pdf (Дата доступа: 11 марта, 2024)
2. Геллнер, Э. Нации и национализм. М: Прогресс, 1991. [эл.ресурс]. - URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/index.php
3. Геллнер, Э. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с. ISBN 5-93354-017-3
4. Smith Anthony D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
5. Smith Anthony D. Nationalism : Theory Ideology History. Malden Mass: Polity Press, 2001.
6. Brubaker, R. Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1996.
7. Brubaker, R. Ethnicity without groups. European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie / Europäisches Archiv Für Soziologie, 43(2), 163–189. [эл.ресурс]. - URL: <http://www.jstor.org/stable/23999234>
8. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language (2nd ed.). Routledge, 2010. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315834368>
9. Верховный Совет Казахской ССР. Постановление от 25 октября 1990 г. № 307-XII «О Декларации о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики». [эл.ресурс]. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700_
10. Верховный Совет Республики Казахстан. Конституционный Закон от 16 декабря 1991 г. № 1771-XII «О государственной независимости Республики Казахстан». [эл.ресурс]. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004400_
11. Верховный Совет Республики Казахстан. Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 года. Принята 28 января 1993 года на девятой сессии Верховного Совета Республики Казахстан двенадцатого созыва. [эл.ресурс]. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000_
12. Конституция Республики Казахстан. Принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.) [эл.ресурс]. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_
13. Указ Президента РК от 15 сентября 2022 года № 1014 «Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022-2026 годы» [эл.ресурс]. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014>

14. Nation. Oxford Learner's Dictionaries, Oxford University Press. [эл.ресурсы] - URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/nation>.
15. Азимова М.М.; Нация: Философско-лингвистический и социологический анализ // Вестник науки. 2021. №3 (36). [эл.ресурсы] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsiya-filosofsko-lingvisticheskiy-i-sotsiologicheskii-analiz>
16. Лубенец Е.В. Национализм в Казахстане в условиях авторитаризма: путь к этнократии? / Власть, vol. 31, no. 4, 2023, pp. 261-267. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlaft.v31i4.9754>
17. Ұлт. Қазақстан энциклопедиясы. [эл.ресурсы] - URL: <https://kk.encyclopedia.kz/index.php/Ұлт>
18. Национализм в Казахстане: разговор по понятиям [эл.ресурсы] - URL: https://vlaft.kz/obsshestvo/naciestroitelstvo_v_kazahstane_razgovor_po_ponjatijam-6168.html
19. Казахстанцы или казахи? В поисках оптимальной модели национализма. Издание Qmonitor [эл.ресурсы] - URL: <https://qmonitor.kz/society/5840>
20. Жусипбек Г., Нагаева Ж. Неформальные институты и эксклюзивные идентичности в Казахстане: что показали погромы в Кордае. [эл.ресурсы] - URL: <https://www.caa-network.org/archives/19297>
21. Результаты опроса по проекту BR18574231 «Научно-методологические основы национализма в Казахстане: оценка современных условий, тенденций и проекционных/оценочных моделей развития полиэтничного общества» в рамках программно-целевого финансирования КН МНВО РК, Институт прикладных этнополитических исследований, 2023.

References

1. Renan, E. (1882). *Qu'est-ce qu'une nation?* [What is a Nation?] Paris. URL: https://www.presselibre.fr/wp-content/uploads/2021/11/Renan_-_Qu'est-ce_qu'une_Nation.pdf (Accessed: 11 March, 2024)
2. Gellner, E. (1991). *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/index.php
3. Gellner, E. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism] (Trans. from English by V. Nikolaeva; intro. by S. P. Bankovskaya). Moscow: Kuchkovo Pole. ISBN 5-93354-017-3
4. Smith, Anthony D. (1986). *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Basil Blackwell.
5. Smith, Anthony D. (2001). *Nationalism: Theory Ideology History*. Malden, MA: Polity Press.
6. Brubaker, R. (1996). *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
7. Brubaker, R. (2002). Ethnicity without groups. *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie / Europäisches Archiv Für Soziologie*, 43(2), 163–189. URL: <http://www.jstor.org/stable/23999234>
8. Fairclough, N. (2010). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language* (2nd ed.). Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315834368>
9. Verkhovnyi Sovet Kazakhskoi SSR (1990). *Postanovlenie ot 25 oktyabrya 1990 g. № 307-XII «O Deklaratsii o gosudarstvennom suverenitete Kazakhskoi Sovetskoj Sotsialisticheskoi Respubliki»* [Resolution of October 25, 1990 No. 307-XII "On the Declaration of State Sovereignty of the Kazakh Soviet Socialist Republic"]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700_
10. Verkhovnyi Sovet Respubliki Kazakhstan (1991). *Konstitutsionnyi Zakon ot 16 dekabrya 1991 g. № 1771-XII «O gosudarstvennoi nezavisimosti*

- Respubliki Kazakhstan» [Constitutional Law of December 16, 1991 No. 1771-XII "On the State Independence of the Republic of Kazakhstan"]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004400_
11. Verkhovnyi Sovet Respubliki Kazakhstan (1993). Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan ot 28 yanvarya 1993 goda [Constitution of the Republic of Kazakhstan of January 28, 1993]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000_
  12. Respublika Kazakhstan (1995). Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan [Constitution of the Republic of Kazakhstan] (Adopted by republic referendum on August 30, 1995, with amendments and additions as of September 19, 2022). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_
  13. Prezident Respubliki Kazakhstan (2022). Ukaz Prezidenta RK ot 15 sentyabrya 2022 goda № 1014 «Ob utverzhenii Kontseptsii razvitiya Assamblei naroda Kazakhstana na 2022-2026 gody» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 15, 2022 No. 1014 "On the Approval of the Concept for the Development of the Assembly of the People of Kazakhstan for 2022-2026"]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014>
  14. Oxford Learner's Dictionaries (n.d.). Nation. Oxford University Press. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/nation>
  15. Azimova, M.M. (2021). Natsiya: Filosofsko-lingvisticheskii i sotsiologicheskii analiz [Nation: Philosophical-Linguistic and Sociological Analysis]. *Vestnik nauki*, 3(36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsiya-filosofsko-lingvisticheskii-i-sotsiologicheskii-analiz>
  16. Lubenets, E.V. (2023). Natsiestroyatelstvo v Kazakhstane v usloviyakh avtoritarizma: put k etnokratii? [Nation-Building in Kazakhstan under Authoritarianism: Path to Ethnocracy?]. *Vlast*, 31(4), 261-267. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9754>
  17. Kazakhstan Entsiklopediya (n.d.). Ўлт [Nation]. URL: <https://kk.encyclopedia.kz/index.php/Ўлт>
  18. Vlast (n.d.). Natsiestroyatelstvo v Kazakhstane: razgovor po ponyatiyam [Nation-Building in Kazakhstan: A Conversation on Concepts]. URL: https://vlast.kz/obsshhestvo/naciestroitelstvo_v_kazahstane_razgovor_po_ponyatiyam-6168.html
  19. Qmonitor (n.d.). Kazakhstansty ili kazakhi? V poiskakh optimalnoi modeli natsiestroyatelstva [Kazakhstanis or Kazakhs? In Search of the Optimal Nation-Building Model]. URL: <https://qmonitor.kz/society/5840>
  20. Jusipbek, G., Nagaeva, Zh. (n.d.). Neformalnye instituty i eksklyuzivnye identichnosti v Kazakhstane: chto pokazali pogromy v Kordae [Informal Institutions and Exclusive Identities in Kazakhstan: What the Riots in Kordai Showed]. URL: <https://www.caa-network.org/archives/19297>
  21. KN MNVO RK (2023). Rezul'taty oprosa po proektu BR18574231 «Nauchno-metodologicheskie osnovy natsiestroyatelstva v Kazakhstane: otsenka sovremennykh uslovii, tendentsii i proektsionnykh/otsenochnykh modelei razvitiya polietnicheskogo obshchestva» [Results of the Survey on Project BR18574231 "Scientific and Methodological Foundations of Nation-Building in Kazakhstan: Assessment of Current Conditions, Trends, and Projection/Evaluation Models of Polyethnic Society Development"]. Institut prikladnykh etnopoliticheskikh issledovaniy.

Материал поступил в редакцию 02.04.2024

МРНТИ
21.31.00
04.51.59

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

Айгуль Забирова

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, e-mail: zabirova_a@kisi.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-2.02>

Аннотация. В работе предпринята попытка дать понимание религиозности казахов в сравнении с турками как народом, близким по истории, происхождению, языку и религии. Анализ основан на эмпирическом описании репрезентативных данных, собранных Всемирным обзором ценностей в 2018г. в обоих странах. Предметное поле работы очерчено рассмотрением религии как ценности, показаны сходства и различия у казахов и турков в понимании религии и ее смыслов. Предложена типологизация двух групп как верующих, турки определены в качестве практикующих (devout or practicing Muslim), а казахи номинальных (nominal or non-practicing Muslim) мусульман. В статье показаны такие факторы, формирующие религиозный ландшафт в Казахстане, как радикальный исламизм, религиозный ренессанс как часть национального возрождения и трактовка роста религиозности как результата «запоздалой» модернизации.

Ключевые слова: религиозность, ислам, верующие, Казахстан, казахи, Турция, турки.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ДІНДАРЛЫҚ: ҚҰНДЫЛЫҚТАРЫ МЕН МӘНІ

Айгүл Забирова

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: zabirova_a@kisi.kz

Аңдатпа. Мақалада тарихы, тегі, тілі, діні жақын халық ретінде түрік халқымен салыстыра отырып, қазақ халқының діндарлығын түсіндіруге әрекет жасалды. Талдау 2018 жылғы екі елден де World Values Survey

жинаған репрезентативті деректердің эмпирикалық сипаттамасына негізделген. Қазақ және түрік халқының дінді және оның мән мағынасын түсінудегі ұқсастықтары мен айырмашылықтарын көрсете отырып, дінді құндылық ретінде қарастыру арқылы жұмыстың тақырыптық өрісі айқындалған. Екі топты діндарлығы бойынша бөлу әрекеті жасалды, түріктер практиктер (devout or practicing Muslim), ал қазақтар әлі атаулы (nominal or non-practicing Muslim) мұсылмандар. Мақалада Қазақстандағы діни ландшафтты қалыптастыратын радикалды исламшылдық, ұлттық жаңғыру аясындағы діни ренессанс және «кешіккен» модернизация нәтижесінде діндарлықтың өсуін түсіндіру сияқты факторлар көрсетілген.

Түйін сөздер: діндарлық, ислам, діндарлар, Қазақстан, қазақтар, Түркия, түріктер

RELIGIOSITY IN KAZAKHSTAN: VALUES AND MEANINGS

Aigul Zabirowa

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, e-mail: zabirowa_a@kisi.kz

Abstract. This paper's goal is to examine Kazakh religiosity through a comparative analysis of Turkic religiosity, as the two cultures are closely related in terms of origin, history, language, and religion. Based on an empirical description of representative data collected in both countries in 2018 by the World Values Survey, the analysis of religiosity has been carried out. The paper's subject is defined through considering religion as a value and pointing out the similarities and differences between the meanings and ideas of religion in Kazakh and Turkish. Classification of the two groups as believers is created, based on empirical analysis. Turks are categorized as practicing Muslims, while Kazakhs remain as nominal or non-practicing Muslims. This essay also illustrates the key variables shaping Kazakhstan's religious environment, including radical Islamism, the view that "failed" modernization is to blame for the growth in religiosity, and religious rebirth as a part of national revival process.

Keywords: religiosity, islam, believers, Kazakhstan, Kazakhs, Turkey, Turks.

Введение

Известно, что в советские и особенно в позднесоветские годы население Казахстана, казахи, были конфессионально лояльными как вследствие политики государственно-конфессиональных отношений, так и благодаря социальной политике, гарантирующей бесплатное образование, здравоохранение, работу и жилье каждому гражданину страны. Другое понимание конфессиональной лояльности казахов кроется в их исторической самоидентификации. В Казахской степи, в отличие от других оседлых мусульманских народов, ислам не был столь основательно встроен в канву коче-

вого образа жизни, в отличие от городского образа жизни в таких мусульманских ареалах как ближневосточные общества. Сегодня, как это заметно из непосредственных наблюдений повседневной жизни, из исследований казахстанских ученых, «казахстанское общество в существенной своей части позиционирует себя религиозным. Религия стала играть значительную роль в общественном развитии, в сохранении стабильности казахстанского общества» [1, с.5].

Действительно, как роль, так и функции религии претерпевают серьезные изменения, а факторами, формирующими религиозный ландшафт в Казахстане, выступают:

- Идеи радикального исламизма, понимаемого как исключительно внешний фактор. Это глобальная, американская по происхождению, концепция «Радикальный исламизм в 21 веке», смысл которой в освещении неблагоприятного влияния исламского фактора на стабильность по всему миру [2]. Здесь, по всей видимости, находится официальная позиция РК.

- Понимание ислама как продукта официальных мусульманских духовных лидеров состоит в его интерпретации как конфессионального и духовного, никак не связанного с политикой, феномена.

- Академическое понимание религиозного ренессанса, когда в Казахстане и в целом в Центральной Азии ислам понимается как объект культурной идентификации, обретенный казахами в результате независимости [3, 4].

- В-четвертых, понимание новой религиозности как результата неудавшейся модернизации, вследствие чего возникают неразрешимые социальные проблемы и жизненная неустроенность больших социальных групп в обществе, дополненных кризисом идеологии, утратой ценностей, экзистенциальными кризисами на индивидуальном уровне, вызванных быстрыми социальными изменениями. В данном случае распространение ислама в его радикальной версии возникает в самих странах, но форма обретается в рамках глобального процесса, когда глобальные идеологии поощряют возрождение традиционной неопределённости, либо призывают к авторитарному решению проблем [5, 6].

В настоящей работе предпринята попытка дать понимание религиозности казахов в сравнении с турками как народом, близким по истории, происхождению, языку и религии. В Казахстане как постатеистическом обществе остается открытым вопрос кого считать верующим человеком? А кого религиозным? Как измерять и понимать религиозность человека? Насколько человек погружен в религиозность? Вопросы на эти ответы и составляют предметное поле работы, очерченное рассмотрением религии как ценности, анализом сходств и различий у казахов и турков в понимании религии и ее смыслов. Религиозность как зависимая переменная в данной работе измерена на основе отдельных вопросов анкеты ВОЦ и понимается как вовлечение в религию и следование религиозным нормам. Исследование религиозности казахов имеет сравнительный характер с религиозностью турков и основано на эмпирическом описании данных, собранных Всемирным обзором ценностей в 2018г. в обоих странах.

Казахстан и Турция – государства, расположенные на двух континентах,

в Европе и Азии. Население Казахстана составляет 20 миллионов человек, казахи составляют 70,65% населения или 14 миллионов человек. Население Турции составляет 86 миллионов человек, турки составляют подавляющее большинство населения - 86% населения, 12% составляют курды. Если валовый внутренний продукт в Казахстане в 2023 г. составил 259,7 миллиардов долларов, то в Турции в 2023г 1,024 триллиона долларов. Согласно классификации МВФ, Турция принадлежит к группе стран новой индустриальной экономики смешанного типа с доходами выше среднего. В городах Казахстана проживает 61,8% городского населения, в Турции – 77,5%, в сельской местности 38,2% и 22,5% соответственно. По уровню образования в Казахстане среднее образование является обязательным и составляет 11 лет, в Турции среднее образование также обязательно, но составляет 12 лет. Согласно Конституциям оба государства – унитарные, правовые и светские, Турция в формате республики с Президентом, парламентом и правительством, формируемым по итогам очередных парламентских выборов, Казахстан с президентской формой правления.

Исторически казахи и турки восходят к одной языковой семье – тюркской группе алтайской языковой семьи, имеются и генетические связи между казахами и турками, сформировавшимися в результате трех волн миграций: Огузы-Сельджуки, Хорезмийцы-Османы и Ногайцы-Крымские татары [7]. Связи турок со своей прародиной сохранялись с самого начала установления Османской империи, но присоединение Казахской степи к Российской империи и затем к СССР стали серьезным препятствием сохранения исторических связей. Если историческое прошлое турков — это бытность осевого народа Османской империи, то у казахов одной из исторических страниц является колониальное прошлое.

По вероисповеданию и казахи, и турки – мусульмане, сунниты, в Казахстане религия отделена от государства, на протяжении 20 века в СССР был провозглашен атеизм, в независимом Казахстане провозглашен принцип секуляризма. Официально Турция — это светская страна, где религия законодательно отделена от государства. В 1925 году Турция стала первым мусульманским государством, официально запретившим ношение платков женщинам. В 1984 г. премьер-министр Тургут Озал отменил этот запрет, но под давлением светской общественности этот запрет на ношение платков был возобновлен. В 2013г. запрет на ношение хиджаба в государственных учреждениях был снят Реджеп Эрдоганом, в сентябре 2014г. почти вековой запрет на ношение платков в старших классах государственных школ также был отменен. В Турции Рамазан и Курбан-Айт включены в число национальных праздников, в Казахстане Курбан айт относится к числу официальных праздников.

Казахстан - светское государство, где, несмотря на активные внешние воздействия, попытки исламизации всего региона, государство весьма успешно принимает меры по нейтрализации международного воздействия на функционирование ислама в обществе, что позволяет сохранять светский характер государства. В свою очередь Духовному управлению мусульман Казахстана удается удерживать ханнафитский мазхаб функционирува-

ния ислама как аутентичного для общества. Тем не менее, как свидетельствуют эмпирические данные, с момента независимости, под воздействием как внешних, так и внутренних факторов (религиозное возрождение как часть более широкого процесса национального возрождения), меняется как роль, так и функции религии, все больше людей в обществе позиционируют не просто верующими, а религиозными.

Методы сбора и анализа данных

С тем, чтобы представить тенденции религиозности казахов в сравнении с турками и сделать выводы об основных трендах в религиозности, используются эмпирические данные Всемирного обзора ценностей, собранных в седьмой волне. Данные в Казахстане и Турции были собраны весной 2018г., в Казахстане 1500 респондентов, в Турции 2415 респондентов [8]. Данные по обеим странам заявлены Всемирным обзором ценностей как репрезентативные и валидные, обе базы доступны в формате SPSS, преимущество которого в возможности сравнительного анализа данных. Данные могут выглядеть как устаревшие, но мы исходим из того, что ценностные структуры, религиозный ландшафт не меняются на протяжении одного поколения, это не происходит в одночасье, это медленный процесс, как минимум эти данные позволяют зафиксировать тенденции, поэтому данная эмпирическая база представляется валидной.

Для анализа из базы данных по Казахстану была создана подвыборка, состоящая только из казахов (851 человек). По Турции используется весь массив данных, поскольку вопроса об этнической принадлежности в вопросе Турция не было, с учетом того, что турки в Турции составляют абсолютное большинство населения - 86% населения, допустим анализ по всей выборке. Использование количественных методов в изучении религиозности как констелляции самых разных факторов, имеет свои ограничения, за «занавесом» остается разнообразие индивидуального опыта и убеждений, поэтому отдельное значение придается не только верованиям, но и практикам.

Метод анализа данных – измерение центральной тенденции, среднее значение, мода и медиана.

Результаты исследования и их обсуждение

Демографический и социально-экономический профили респондентов

Обе выборки пропорциональны по полу: 50% мужчин и столько же женщин в Турции, в Казахстане 48,3% мужчин и 51,7% женщин. По возрасту в Турции 29,5% - 16-29 лет, 45% - 30-49 лет и 25,5% - от 50 лет и старше в Турции. В Казахстане: 25% от 16 до 29 лет, 49,4% от 30 до 49 лет и 25,9% от 50 лет и старше. Городские жители респонденты в Турции – 73,6% и 56,2% в Казахстане, сельские жители в Турции – 26,4% и 43,8% в Казахстане.

По семейному статусу в Турции 62% респондентов состоят в браке, 32,4% - холостые, разведенных – 2,6%, овдовевших – 2,5%, живущих вместе – 0,2% респондентов, живущие отдельно – 0,2%. По семейному ста-

тусу в Казахстане 63,7% респондентов состоят в браке, 17,6% - холостые, разведенных – 8,6%, овдовевших – 5,8%, живущих вместе, но не зарегистрированных в браке – 0,6%, зарегистрированных в браке, но живущие раздельно – 0,6% респондентов. По детности в турецкой выборке больше всего бездетных респондентов - 40,3%, с одним ребенком – 15,9% респондентов, с двумя детьми – 24,3%, с тремя детьми – 10,8%, с четырьмя детьми – 4,8%, с пятью – 2,3%, с шестью детьми – 1,2 и с семью детьми – 0,3%. По детности в Казахстане бездетных респондентов - 25,1% респондентов, с двумя детьми – 24,9%, с одним ребенком – 19% с тремя детьми – 18,2%, с четырьмя детьми – 7,5%, с пятью – 3,6%, с шестью детьми – 1,0 и с семью детьми – 0% респондентов.

По уровню образования дошкольное образование у 2,1% респондентов в Казахстане и 11,5% в Турции, начальное образование – 0,4% и 36,4% соответственно, 7 классов средней школы – 1,8% и 10,6% соответственно, 9 классов средней школы 24,3% респондентов в РК, средняя школа – 20,7% и 24,3% соответственно, профессионально-техническое образование – 12,5% в Казахстане, колледж – 15,1% в Казахстане, степень бакалавра/ высшее образование – 24% и 17% в Турции, степень магистра, доктора и эквивалентные им ученые степени- 23,4% респондентов в Казахстане, в турецкой выборке таковых нет.

По статусу занятости полная занятость у 57,4% респондентов в Казахстане и 42,4% в Турции, неполная занятость – 7,2% и 4,1% соответственно, самозанятые – 7,8% и 9,7% соответственно, пенсионеры – 10,1% и 6,0% соответственно, домохозяйки или домохозяйины – 10,2% и 25,5% соответственно, студенты 3,2% респондентов и 4,7%, безработные 3,6% и 6,7% соответственно.

Самоидентификация социального статуса. К нижнему классу относят себя 1,7 % респондентов в Казахстане и 7,5% в Турции, к рабочему классу 24,2% и 29,0%, к нижнему среднему классу – 30,9% и 33,3%, средний класс – 38,4% и 29,2% в Турции, высший средний класс – 4,8% в РК и 1,1% респондентов в Турции.

Эмпирические результаты: уровень религиозности

Вопрос, кого считать верующим, а кого религиозным, является дискуссионным на протяжении десятилетий, оставаясь открытым, поскольку конвенциональных определений социология религии пока что не выработала. Верующими здесь определяются те, для кого религиозная ориентация выступает важной, но не определяющей, а религиозными те, для кого религиозная ориентация не подчинена другим, не религиозным.

По обеим полным выборкам верующими себя определили 88,3% респондентов в Казахстане и 94,5% в Турции, но религиозными себя идентифицируют 81,9% в Казахстане и 66,0% респондентов в Турции. Очевидно, что для казахов и турков приверженность к религиозному миропониманию и мироощущению, как мы увидим далее, скорее всего имеет несколько иное значение и возможно разные смыслы как исторически и контекстно зависимые.

Для измерения религиозности ВОЦ использует следующие вопросы:

«Независимо от того, посещаете Вы религиозные службы или нет, можете ли Вы сказать, что Вы» и используется шкала: «1. Верующий 2. Неверующий 3. Атеист», «Верите Вы или нет во что-нибудь из того, что я Вам сейчас назову?», используется номинальная оценочная шкала: «В Бога, в жизнь после смерти, в существование ада, в существование рая».

Таблица 1. Религиозные верования

	Вы верующий человек		Вера в бога		Вера в жизнь после смерти		Вера в ад		Вера в рай	
	ТР	КЗ	ТР	КЗ	ТР	КЗ	ТР	КЗ	ТР	КЗ
Среднее	1,29	1,13	1,05	1,05	1,06	1,34	1,08	1,35	1,07	1,31
Медиана	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Мода	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Ст.откл.	0,476	0,563	0,211	0,251	0,240	0,260	0,272	0,485	0,261	0,430

Источник: составлено автором на основе социологического опроса

Одним из базовых индикаторов религиозности выступают религиозные верования. Во-первых, судя по эмпирическим данным (таблица 1), подавляющее большинство, как казахов, так и турков определяют себя верующими. Как видно из показателей среднего значения, медианы и моды (1=«да») статус религиозных верований у обеих культур идентичный, в обеих группах доминируют религиозные верования. При этом надо понимать, что метафизическое значение данных верований - предпосылки и побудительные мотивы - может различаться у казахов от турков в силу исторических обстоятельств и социально-экономических условий.

С определённой степенью условности мусульмане в исламе делятся на практикующих (*devout or practicing Muslim*) и номинальных (*nominal or non-practicing Muslim*). Большинство казахов до недавнего времени идентифицировались как номинальные мусульмане, что означало секулярное мировоззрение, но в силу семейного бэкграунда, этнической принадлежности, культурной социализации они все же идентифицировали себя мусульманами. При встрече казахов с мусульманами из иных ареалов мусульманского мира, Аравийского полуострова, к примеру, они не отождествлялись в качестве мусульман, поскольку не выполняли все пять столпов ислама – свидетельство веры, пятикратный намаз, милостыня в размере 10 процентов от годового дохода, месячный пост и хадж, паломничество в Мекку. Процессы нацистроительства, культурного возрождения повлекли за собой и шлейф изменений в религиозной сфере, попробуем понять происходит ли переход казахов от верующих к религиозным?

Для измерения культовых действий ВОЦ использует следующие вопросы: «Не считая свадеб и похорон, как часто Вы посещаете религиозные службы в настоящее время?», шкала: «(1) Чаше, чем раз в неделю (2) Раз в неделю (3) Раз в месяц (4) По особым религиозным праздникам (5) Раз в год

(6) Реже, чем раз в год (7) Никогда, почти никогда». Следующий вопрос «Не считая свадеб и похорон, как часто Вы молитесь Богу?». Шкала: «(1) Несколько раз в день (2) Один раз в день (3) Несколько раз в неделю (4) Только когда посещаю религиозные службы (5) Только по особым религиозным праздникам (6) Раз в год (7) Реже, чем раз в год (8) Никогда, почти никогда».

Таблица 2. Культурные действия

	Как часто вы посещаете мечеть		Как часто вы молитесь/совершаете намаз		Единственно приемлемая религия — это моя религия	
	ТР	КЗ	ТР	КЗ	ТР	КЗ
Среднее	3,71	3,96	2,63	4,06	1,77	2,35
Медиана	4	4	2	4	2	2
Мода	4	4	1	4	1	3
Ст.откл.	1,852	1,861	1,925	2,407	0,827	0,992

Источник: составлено автором на основе социологического опроса

Как видно из таблицы 2, казахи и турки идентичны в посещении мечети. Но большинство турков (43,1%) совершают намаз несколько раз в день, тогда как только 13% казахов придерживается этого столпа ислама. Большинство казахов совершает намаз, посещает мечеть по особым религиозным праздникам. Своевременное и обязательное выполнение пятикратного намаза, как одного из столпов ислама, расценивается лучшим действием для мусульманина. В советское время волны антиисламской пропаганды, уничтожение исламского образования, запрет на письменное исламское наследие и отсутствие мечетей ставили под вопрос выполнение обязательной молитвы, сделав ее возможной только для пожилого населения, пенсионеров. После независимости, в рамках национального, культурного возрождения, стала формироваться и религиозная идентичность, в большей степени во фрейме этнического, казахского возрождения. Но стало возрастать количество мечетей, если в 1990 г. их было 50, то в 2024 их насчитывается 2742, стало расти и количество посещающих мечеть. В Турции же, на протяжении всего 20 века, несмотря на многочисленные волны отрицания ислама и шариата, модернизации страны, ее европеизации, идеологии светскости и национализма, религиозность де факто, на уровне повседневности сохранилась.

В измерении толерантности используется утверждение «Единственная приемлемая религия – это моя религия» и к ней пятичленная шкала Лайкерта. Данные показывают различия в понимании собственной религии, если для турков единственно приемлемой религией выступает собственная религия, то казахи не находят собственную религию единственно приемлемой.

Эмпирическое измерение религии как ценности

Религия, будучи частью культуры и одной из форм выражения духовности, выступает индивидуальной и субъективной ценностью. Религиозные ценности можно определить как устойчивую веру в то, что конечная цель

существования человека и его поведение выступают единственно предпочтительными с социальной позиции и индивидуальной точки зрения. Насколько сегодня в 21 веке религия важна как ценность для казахов? Для измерения религии как ценности в ВОЦ используется следующий вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько важно в Вашей жизни то, что я сейчас перечислю:», используется шкала со следующими индикаторами «Семья, друзья, свободное время, политика, работа, религия», основанная на пятичленной шкале Лайкерта. В измерении списка качеств, которые можно воспитать у детей в семье используется вопрос: «Какие из них, если такие есть, являются, по Вашему мнению, наиболее важными? Выберите, пожалуйста, не более пяти качеств». Предлагается шкала с 11 индикаторами, один из которых «религиозность». В определении доверия используется вопрос: «Насколько Вы доверяете тем или иным людям. По каждой группе, которую я буду называть, скажите, Вы полностью доверяете, в некоторой степени доверяете, не очень доверяете или совсем не доверяете этим людям?». В шкале шесть индикаторов, один из них «Люди другой веры».

Как видно из таблицы 3 религия как ценность очень важна как для казахов, так и для турков. Но на вопрос насколько религиозная вера важна как качество у ребенка обе культуры отвечают да, важно, но не очень. Установки родителей в воспитании ребенка у казахов и турков идентичны и детей своих они видят менее религиозными. Уровень доверия к людям другой религии не высокий: «не очень доверяю», отметим, что для казахов это достаточно новое явление, меньше доверять человеку другой религии.

Таблица 3. Религия как ценность

	Религия как ценность		Религиозная вера как важное качество ребенка		Насколько я доверяю людям другой религии?	
	ТР	КЗ	ТР	КЗ	ТР	КЗ
Среднее	1,52	2,12	1,56	1,86	2,84	2,82
Медиана	1,0	2,0	2,00	2,00	3,00	3,00
Мода	1	2	2	2	3	3
Ст.откл.	0,721	0,948	0,465	0,316	0,800	0,852

Источник: составлено автором на основе социологического опроса

В Казахстане с советских времен взаимоотношения религии и науки имели установленный характер в смысле науки как доминирующей ценности в сравнении с религией. Сегодня общество находится в состоянии транзита к рыночной экономике, что привело к смене социально-экономических укладов, поведения. В этой связи важно понять, какие изменения происходят на уровне сознания? В основе религии – вера, то есть если религия возникла из потребности человека в надежде, то зерно науки составляет сомнение, фундаментальное же различие между двумя миропониманиями в том, что научные открытия требуют эмпирических свидетельств, а религиозное принимается на веру.

В измерении ценностных предпочтений по оси религия – наука исполь-

зуются вопросы: «По каждому из утверждений, которые я Вам сейчас зачитаю, скажите, Вы с ним полностью согласны; согласны; не согласны или полностью не согласны? Если возникает конфликт между наукой и религией, религия всегда права», шкала альтернативная. «По каждому из утверждений, которые я Вам сейчас зачитаю, скажите, насколько Вы с ним согласны или не согласны? «Наука и технологии делают нашу жизнь здоровее, легче, комфортнее», «Мы чрезмерно полагаемся на науку и недостаточно на веру», «Благодаря науке и технологиям у нового поколения будет больше возможностей». Для ответа использована шкала, где 1 означает «полностью не согласен», а 10 - «полностью согласен»:

Как видно из таблицы 4, турки в конфликте между наукой и религией полагают правой религию, но в сознании казахов антагонизма между религией и наукой нет. Обе культуры в равной мере позитивны в оценке науки и технологии как средств, делающих нашу жизнь здоровее, легче, комфортнее, в равной степени науки и технологии оцениваются казахами и турками как способы, дающие новому поколению больше возможностей.

Таблица 4. Религия или наука

	Если возникает конфликт между наукой и религией, религия всегда права		Наука и технологии делают нашу жизнь здоровее, легче, комфортнее		Мы чрезмерно полагаемся на науку и недостаточно на веру		Благодаря науке и технологиям у нового поколения будет больше возможностей	
	ТР	КЗ	ТР	КЗ	ТР	КЗ	ТР	КЗ
Среднее	1,99	2,39	7,33	7,26	5,52	6,07	7,44	7,59
Медиана	2,00	3	8	8	6	6	8	8
Мода	1	3	10	10	5	10	10	10
Ст.откл.	0,911	0,854	0,856	2,249	2,521	2,881	0,839	2,249

Источник: составлено автором на основе социологического опроса

Смыслы религии

Структурным компонентом культуры как смысловой системы выступает религия. Одна из функций религии как системы сакральных смыслов состоит в том, чтобы быть ключевым инструментом в осмыслении действия человека, придавания социальным действиям установленных смыслов и значений. Во многих обществах религия все еще выполняет мировоззренческую функцию, помогающая формировать определенную картину мира, дает смысл для существования, решает экзистенциальные вопросы и воспитывает мировоззренческие основы.

Рассмотрим в какой степени религия дает казахам и туркам представление о картине мира. Респондентам была предложена диада в форме альтернативного вопроса: «Основной смысл религии — это следовать религиозным нормам и ритуалам» и вторая часть вопроса «Основной смысл религии — это делать добро другим людям». Как видно из таблицы 5, если для турков смысл религии в следовании религиозным нормам и ритуалам, то для

казахов смысл религии в том, чтобы делать добро другим людям.

То, как распределились данные (таблица 5), объясняет, почему большинство турок видит смысл религии в следовании религиозным нормам и ритуалам и тем самым определяется как практикующие мусульмане. Как следует из базы данных, большинство турок следуют пяти основным положениям веры в исламе: вера в Аллаха, ангелов, Коран, пророков, и Судный день, а также в предопределение как у суннитов ханафитского мазхаба.

Смысл ислама как способа делать добро другим людям у казахов объясняется не только отлучением или забвением ислама в советском Казахстане, действительно многие обычаи и ритуалы оказались под запретом, невозможно было исполнять такие обряды как хадж, соблюдать намаз или пост. Отличительный смысл ислама у казахов объясняется более всего подъемом уровня образования казахов. Так согласно данным последней советской переписи 1989г. на каждую тысячу человек в возрасте до 15 лет по СССР приходилось 812 человек, а в Казахстане этот показатель составил 838 человек. В 1985г. число студентов среди казахов на десять тысяч человек составила у казахов 232 человека, тогда как у узбеков – 137 человек. Рост уровня образования отразился не только в вовлеченности казахов в современные ниши рынка труда, но и ростом казахов в научной и творческой деятельности.

Таблица 5. Смыслы религии

	Основной смысл религии - это следовать религиозным нормам и ритуалам		Основной смысл религии - это делать добро другим людям	
	ТР	КЗ	ТР	КЗ
Среднее	1,45	1,69	1,36	1,79
Медиана	1,00	2	1,00	2
Мода	1	2	1	2
Ст.откл.	0,498	0,463	0,480	0,405

Источник: составлено автором на основе социологического опроса

Заключение (выводы)

Предпринятый анализ показывает степень религиозности казахов в современном Казахстане в сравнении с турками. Очевидно, что турки более вовлечены в религиозную жизнь, так практически половина опрошенных читает пятикратный намаз. Вовлеченность турков в религию очевидна и в том, что смысл религии для них, в отличие от казахов, состоит в следовании религиозным нормам и ритуалам. Иначе говоря для значительной части населения Турции религия вплетена в канву повседневной жизни, а религиозные ценности доминируют перед остальными.

Судя по всему религиозная традиция для отдельных классов в турецком обществе не прерывалась. Турция, вступив в 20 век самой отсталой империей двух континентов, закрывает последнее десятилетие 20 века как современное государство, уникально балансирующее между демократией, религией и секуляризмом. Оживление религиозного потенциала, начавше-

еся в восьмидесятые годы, и ставшее влиятельным политическим фактором, позже привело к росту этатизма и появлению происламской партии национального спасения.

В 21 век Турция вошла с Партией Справедливости и развития как партией умеренного ислама, видимо все это не позволило турецкому обществу полностью секуляризоваться. Смещение исламских и западных традиций сыграв важную роль в формировании культурной и политической идентичности Турции сохранило умеренное восприятие религии, более того религиозная свобода всегда гарантировалась населению, к какой бы религии не принадлежал человек.

В постатеистическом Казахстане, судя по данным, большинство населения остается в рамках светской культуры, но процессы нациестроительства, культурного возрождения, влияние внешних сил, неразрешимые социальные проблемы и жизненная неустроенность отдельных социальных групп, дополненных идеологическим вакуумом и ценностным кризисом привели к росту религиозности в стране. Таким образом, на основе доступных эмпирических данных половина населения Турции, турки определяются как практикующие (devoted) мусульмане, а казахи в большинстве своем определяются все еще как номинальные (nominal) мусульмане.

Статья подготовлена в рамках финансирования Комитета Науки Министерства Науки и Высшего Образования РК (ПЦФ BR21882428 «Влияние и перспективы ислама как духовно-культурного, политического, социального явления в постнормальные времена: опыт стран Ближнего Востока и Центральной Азии»)

Список литературы

1. Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Елена Бурова, Анатолий Косиченко. Актуальные проблемы развития религиозной ситуации в Республике Казахстан. Алматы, 2013. 137 с.
2. Yom S. US Foreign Policy in the Middle East: The Logic of Hegemonic Retreat // Global Policy. 2020. Vol. 11, no. 1. Pp. 75-83.
3. Забирова А.Т. Формирование, воспроизводство и легитимация идентичности в постсоветском Казахстане // Социологические исследования. 2003. № 12. Сс. 118-125.
4. Султангалиева А.К. Эволюция ислама в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 5. С. 23-36.
5. Rashad A.S., Shara M.F. Socioeconomic Inequalities in Maternity Care Utilization: Evidence from Jordan, Egypt and Yemen // Journal of International Development. 2017. Vol. 29, no. 8. Pp. 1062-1074.
6. Morel R., Chowdhury R. Reaching the Ultra-Poor: Adapting Targeting Strategy in the Context of South Sudan // Journal of International Development. 2015. Vol. 27, no. 7. Pp. 987-1011.
7. The genetic origin of the Turko-Mongols and review of the genetic legacy of the Mongols. Part 1: the Y-chromosomal lineages of Chinggis Khan // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). 2012. С. 1-8.
8. Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. et al. World Val-

ues Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile // JD Systems Institute & WVSA Secretariat. Madrid, Spain & Vienna, Austria, 2020. doi.org/10.14281/18241.1.

References

1. Burova, E., Kosichenko, A. (2013). Aktualnye voprosy religioznoi situatsii v Respublike Kazakhstan [Actual Issues of Religious Situation in the Republic of Kazakhstan]. Institute of philosophy, political sciences, religious studies under the Committee of science the Ministry of education and sciences Republic of Kazakhstan. Almaty, 137 pages.
2. Yom, S. (2020). US Foreign Policy in the Middle East: The Logic of Hegemonic Retreat. *Global Policy*, 11(1), pp. 75-83.
3. Zabirowa, A. (2003). Formirovanie, vosproizvodstvo i legitimizatsiya identichnosti v postsovetском Kazakhstane [Formation, Reproduction and Legitimation of Identity in Post-Soviet Kazakhstan]. *SOCIS*, (12), pp. 118-225.
4. Sultangaliyeva, A. (1999). Evolyutsiya islama v Kazakhstane [Islam Evolution in Kazakhstan]. *The Journal of Central Asia and Caucasus*, (5), pp. 23-36.
5. Rashad, A.S., Shara, M.F. (2017). Socioeconomic Inequalities in Maternity Care Utilization: Evidence from Jordan, Egypt and Yemen. *Journal of International Development*, 29(8), pp. 1062-1074.
6. Morel, R., Chowdhury, R. (2015). Reaching the Ultra-Poor: Adapting Targeting Strategy in the Context of South Sudan. *Journal of International Development*, 27(7), pp. 987-1011.
7. The Genetic Origin of the Turko-Mongols and Review of the Genetic Legacy of the Mongols. Part 1: The Y-Chromosomal Lineages of Chinggis Khan. (2012). *The Russian Journal of Genetic Genealogy (Russkaya versiya)*, pp. 1-8.
8. Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin, E., Puranen, B. et al. (2020). World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. doi.org/10.14281/18241.1.

Материал поступил в редакцию 05.06.2024

ASSESSING THE ROLE OF HUMAN RIGHTS IN THE EUROPEAN UNION'S ENLARGEMENT POLICY TOWARDS CANDIDATE COUNTRIES

Meruyert Malgazhdarova^{1*}

Tatjana Sekulić²

Saniya Nurdavletova³

^{1*} PhD student at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan), e-mail: miru1997@mail.ru

² Associate Professor of Political Sociology at the University of Milan-Bicocca (Milan, Italy), e-mail: tanja.sekulic@unimib.it

³ Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan), e-mail: saniyanm83@mail.ru

---

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-2.03>

Abstract. This article explores the role of human rights in the process of enlargement of the European Union (EU) and its impact on candidate countries. The EU pays considerable attention to the protection and promotion of human rights, making them a fundamental aspect of its values and principles. Through the adoption of framework conditions such as the Copenhagen Criteria, the EU evaluates the acceptability of candidate countries based on their commitment to democracy, the rule of law, human rights and minority rights.

The article highlights the progress made in promoting human rights in the EU enlargement process and discusses the importance of effective monitoring and dialogue mechanisms to ensure compliance with human rights standards. The EU uses tools such as progress reports and assessments to assess the progress of candidate countries and engage in constructive dialogue to promote necessary reforms.

To analyze the impact of human rights on the EU accession process, this study focuses on three candidate countries: Albania, North Macedonia and Bosnia and Herzegovina.

Keywords: *Human rights, EU, enlargement, Albania, North Macedonia, Bosnia and Herzegovina.*

ЕУРОПАЛЫҚ ОДАҚТЫҢ КАНДИДАТ ЕЛДЕРГЕ ҚАТЫСТЫ КЕҢЕЙТУ САЯСАТЫНДАҒЫ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫНЫҢ РӨЛІН БАҒАЛАУ

Меруерт Малғаждарова^{1*}, Татьяна Секулич², Сания Нұрдаuletова³

¹ Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің PhD студенті (Астана, Қазақстан), e-mail*: miru1997@mail.ru

² Милан-Бикокка университетінің саяси әлеуметтану кафедрасының доценті (Милан, Италия), e-mail: tanja.sekulic@unimib.it

³ Тарих ғылымдарының кандидаты, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Халықаралық қатынастар кафедрасының доценті (Астана, Қазақстан), e-mail: saniyanm83@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақалада Еуропалық Одақтың (ЕО) кеңею процесінде адам құқықтарының рөлі және оның кандидат елдерге әсері қарастырылады. ЕО адам құқықтарын қорғауға және көтермелеуге, оларды құндылықтар мен принциптердің негізгі аспектісіне айналдыруға көп көңіл бөледі. Копенгаген критерийлері сияқты негіздемелік шарттарды қабылдау арқылы ЕО кандидат елдердің демократияға, заңның үстемдігіне, адам құқықтарына және азшылық құқықтарына деген адалдығына негізделген жарамдылығын бағалайды.

Мақалада ЕО-ны кеңейту процесінде адам құқықтарын ілгерілетудегі жетістіктері баяндалады және адам құқықтары саласындағы стандарттардың сақталуын қамтамасыз ету үшін тиімді мониторинг пен диалог тетіктерінің маңыздылығы талқыланады. ЕО үміткер елдердің үлгерімін бағалау және қажетті реформаларды ілгерілету үшін сындарлы диалогқа қатысу үшін жұмыс барысы туралы есептер мен бағалау сияқты құралдарды пайдаланады.

Адам құқықтарының ЕО-ға кіру процесіне әсерін талдау үшін бұл зерттеу үш үміткер елге бағытталған: Албания, Македония және Босния және Герцеговина.

Түйін сөздер: Адам құқықтары, ЕО, кеңейту, Албания, Македония, Босния және Герцеговина.

ОЦЕНКА РОЛИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИКЕ РАСШИРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ СТРАН-КАНДИДАТОВ

Меруерт Малғаждарова^{1*}, Татьяна Секулич², Сания Нұрдаuletова³

¹ PhD студент Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), e-mail*: miru1997@mail.ru

² Доцент кафедры политической социологии Миланского университета Бикокка (Милан, Италия), e-mail: tanja.sekulic@unimib.it

³ Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), e-mail: saniyanm83@mail.ru

Аннотация. В этой статье исследуется роль прав человека в процессе расширения Европейского союза (ЕС) и его влияние на страны-кандидаты. ЕС уделяет значительное внимание защите и поощрению прав человека, делая

их фундаментальным аспектом своих ценностей и принципов. Посредством принятия рамочных условий, таких как Копенгагенские критерии, ЕС оценивает приемлемость стран-кандидатов на основе их приверженности демократии, верховенству закона, правам человека и правам меньшинств.

В статье освещается прогресс, достигнутый в продвижении прав человека в процессе расширения ЕС, и обсуждается важность эффективных механизмов мониторинга и диалога для обеспечения соблюдения стандартов в области прав человека. ЕС использует такие инструменты, как отчеты о ходе работы и оценки, для оценки прогресса стран-кандидатов и участия в конструктивном диалоге для продвижения необходимых реформ.

Чтобы проанализировать влияние прав человека на процесс вступления в ЕС, данное исследование сосредоточено на трех странах-кандидатах: Албании, Македонии и Боснии и Герцеговине.

Ключевые слова: *Права человека, ЕС, расширение, Албания, Македония, Босния и Герцеговина.*

Introduction

The European Union (EU) has been at the forefront of promoting and protecting human rights within its member states and beyond. This commitment to human rights is enshrined in various treaties and agreements, including the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (commonly known as the European Convention on Human Rights), the Lisbon Treaty, the Amsterdam Treaty, the Maastricht Treaty, and the Nice Treaty. This article delves into the significance of these legal instruments and the mechanisms they establish to ensure the protection of human rights in the EU.

There is a need to review these documents. First of all, let's try to analyze key points of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, which was established in 1950 and remains one of the foundational documents for human rights protection in Europe [1]. It is an instrument of the Council of Europe and is not exclusive to EU member states but is binding on all signatory states. The Convention delineates an extensive list of civil and political rights, such as the right to life, freedom from torture, and the right to a fair trial. It establishes the European Court of Human Rights (ECHR) as the judicial body responsible for adjudicating alleged violations of the Convention.

Another document – the Maastricht Treaty, effective from November 1, 1993, was a milestone in the development of the EU as a political and economic union. It introduced the concept of EU citizenship, providing individuals with certain rights and privileges, such as the right to move and reside freely within the EU. It recognized the need to protect the rights of individuals as part of the broader European project [2].

For example, the Amsterdam Treaty, in force since May 1, 1999, marked an important step in integrating human rights into the EU's core principles. It amended the EU Treaty and explicitly mentioned the importance of human rights and democracy in the preamble. This treaty laid the foundation for the development of EU human rights policy. It also established the position of a High Representative for Common Foreign and Security Policy, who plays a crucial role in promoting the EU's values, including human rights, in its external relations [3].

The Nice Treaty, which entered into force on February 1, 2003, focused primarily on the EU's institutional reforms, preparing the Union for the next important stage of its enlargement in 2004. While it did not introduce new human rights provisions, it indirectly reinforced the importance of human rights within the EU. As the EU expanded to include more member states, the protection of human rights became even more critical to ensure the cohesion and unity of the Union [4].

The European Union (EU) is committed to upholding and promoting human rights as a fundamental pillar of its values and principles. The Lisbon Treaty, which entered into force on December 1, 2009, further solidified the EU's commitment to human rights. In this scientific article, we will examine the importance and implications of several key articles of the Lisbon Treaty concerning human rights, namely, Article 2, Article 3, Article 6, Article 21, and Article 218.

Article 2 of the Lisbon Treaty lays down the fundamental values on which the EU is founded. This article highlights the importance of human dignity, freedom, equality, and respect for human rights as core principles of the EU. It explicitly states that the EU is founded on the respect for human rights, including the rights of persons belonging to minorities.

Article 3 of the Lisbon Treaty outlines the EU's objectives, one of which is to promote its values, including human rights, both within the EU and in its external actions. This article commits the EU to uphold and foster these values when developing policies and legislation. It is essential to recognize that the EU does not solely seek to protect human rights within its borders but also actively endeavors to promote and protect these rights on a global scale.

Article 6 of the Lisbon Treaty is significant in that it officially incorporates the Charter of Fundamental Rights of the European Union into EU primary law. This Charter is a comprehensive catalog of civil, political, economic, and social rights enjoyed by individuals within the EU. By elevating the Charter to a binding legal instrument, the Lisbon Treaty enhances the protection and enforcement of human rights across the EU, ensuring that these rights are upheld consistently by the EU's institutions and member states.

Article 21 of the Lisbon Treaty reinforces the EU's commitment to promoting human rights on the global stage. It calls for the EU to maintain a dedicated foreign policy that actively supports the universal values of democracy, the rule of law, human rights, and respect for international law. This provision not only signals the EU's commitment to promoting human rights worldwide but also establishes a legal framework for its external actions, including diplomatic and development initiatives, that advance human rights and democracy.

Article 218 is vital for understanding the EU's role in the international arena concerning human rights. It outlines the procedures and decision-making mechanisms for concluding international agreements, including those related to human rights. This article underscores the EU's ability to negotiate and enter into agreements with third countries, international organizations, or other entities to promote and protect human rights. It is a key mechanism through which the EU can leverage its influence and resources to advance the global human rights agenda.

The Lisbon Treaty significantly strengthened the EU's commitment to human

rights by enshrining them in its fundamental values and objectives, incorporating the Charter of Fundamental Rights into primary law, and establishing a framework for external action on human rights. Articles 2, 3, 6, 21, and 218 of the Lisbon Treaty collectively provide a robust legal foundation for the EU's efforts to uphold and promote human rights both within its borders and on the international stage. As the EU continues to evolve and engage with global challenges, the principles articulated in these treaty articles remain central to its commitment to human rights [5].

The Copenhagen criteria, established in 1993, serve as a framework for assessing the eligibility of countries aspiring to join the EU [6]. One of the key criteria is the stability of institutions guaranteeing democracy, the rule of law, human rights, and respect for and protection of minorities. This criterion aligns with the principles enshrined in the Maastricht Treaty, Amsterdam Treaty, Nice Treaty, and the ECHR, emphasizing the importance of human rights protection in the EU integration process. In summary, the Copenhagen criteria and the Maastricht Treaty, Lisbon Treaty, Amsterdam Treaty, Nice Treaty, and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms are interconnected in their shared goal of promoting and safeguarding human rights within the EU. They collectively establish a comprehensive framework that ensures respect for human rights as a fundamental principle of the EU and its member states.

The European Union (EU) has demonstrated substantial progress in the realm of human rights protection, employing a combination of international agreements and domestic legislation. The Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, also known as the European Convention on Human Rights (ECHR), stands as a cornerstone instrument for the advancement and preservation of human rights within the EU. Moreover, pivotal treaties such as the Lisbon Treaty, the Amsterdam Treaty, the Maastricht Treaty, and the Nice Treaty further contribute to the promotion and safeguarding of human rights in the EU context. These legal frameworks collectively establish a comprehensive foundation, ensuring that the EU and its member states uphold the fundamental rights and freedoms of all individuals under their jurisdiction. By adhering to the principles enshrined in these treaties, the EU not only sets a prime example for its member states but also solidifies its global role as a steadfast defender of human rights in our ever-evolving world. The EU's commitment to human rights not only extends to its internal affairs but also resonates on the international stage, emphasizing its dedication to promoting and upholding human rights globally. Furthermore, these treaties assume a critical role in the accession process for new countries aspiring to join the EU. Compliance with the principles and standards outlined in these agreements serves as a pivotal criterion for membership. Recognizing the significance of human rights in this context is imperative, as it underscores the EU's commitment to ensuring that new member states adhere to the principles of human rights during the integration process.

The primary objective of this article is to underscore the importance of human rights in the context of new countries seeking accession to the EU. By highlighting the role of these treaties as criteria for membership, the article aims to emphasize the EU's commitment to upholding and promoting human rights

during the integration of new member states.

The bibliography for our research draws upon a range of authoritative sources. These include the treaties of the European Union, along with analytical reports and progress reports. In addition, we have gathered valuable insights from the scholarly works of Tatjana Sekulić and Milica Uvalić, both renowned experts in the field of EU affairs and the Western Balkan region. By incorporating these diverse sources, our study aims to provide a comprehensive understanding of the subject matter.

Materials and Methods

The scientific methods used in this analysis, based on a literature review, included several qualitative methodologies. We have reviewed relevant analytical reports, progress reports and EU treaties to gather information on the role of human rights in the accession process of Albania, Bosnia and Herzegovina and Northern Macedonia. This allowed us to create a comprehensive data set for analysis by extracting data and information from EU reports and treaties.

The next step was to categorize and classify the data. We have developed a framework for categorizing and classifying the state of affairs - progress, regression or stagnation that is observed in the efforts of each candidate country in the field of human rights.

To better address these problems, a comparative analysis was used: comparing the indicators of each candidate country with EU human rights standards and benchmarks to assess their progress.

Content analysis has helped us to systematize and analyze the content of EU reports and treaties in order to identify key topics, goals and indicators related to human rights in the accession process.

The qualitative analysis was based on the interpretation and evaluation of qualitative data, including textual analysis of reports and international treaties to identify links and relationships between the results.

Finally, the interpretation of the analyzed data allowed us to draw conclusions about the role of human rights in the accession process of candidate countries.

Research results and their discussion

The process of European Union (EU) enlargement has played a significant role in shaping the development of the Union. This process involves admitting new member states into the EU, which raises important questions about the deepening and widening of the Union.

The first step in the enlargement process is called "screening," where the European Commission (EC) identifies areas in a candidate country's legislation, institutions, or practices that need alignment with the EU [7]. Before negotiations can begin, the candidate country must submit its position and the EU must adopt a common position. The EC conducts a detailed examination of each policy field, in collaboration with the candidate country, to assess its preparedness. Based on this screening process, the Commission either recommends opening negotiations directly or requires certain conditions to be met first.

Negotiations take place between the EU Member States and each individual candidate country, and the speed of progress depends on how well the country

meets the requirements. Candidates have an incentive to implement necessary reforms quickly, some of which may involve significant and challenging transformations of their political and economic structures. It typically takes several years for a country to successfully address all these aspects. Once negotiations and accompanying reforms are completed, the country can join the EU by signing the Accession Treaty. After signing the treaty, the candidate country becomes an "Acceding State" and enjoys provisional privileges until it officially becomes an EU Member State.

To assist countries in preparing for future membership, the EU has developed a pre-accession strategy. This strategy includes agreements that outline rights and obligations, as well as special cooperation mechanisms like Accession or European Partnerships, which define specific reform goals for the candidates to achieve [8]. The first Accession Partnerships were established in 1998 to identify priority areas for further work towards EU membership, allocate financial resources to support these priorities, and specify the conditions for assistance.

Monitoring plays a crucial role in understanding how the pre-accession policy has been implemented over the past 15 years. The EC has adopted a monitoring mechanism to assess the compliance of candidate and potential candidate countries with EU requirements. The Commission regularly informs the Council and the European Parliament about the progress of candidate countries through strategy papers and individual country progress reports. It monitors the fulfillment of requirements and progress in meeting commitments. The progress reports provide valuable feedback to the countries and highlight areas that require further efforts. Since 1998, the EC has monitored the compliance of all candidate and potential candidate countries through annual progress reports, focusing on political and economic criteria for membership and the ability to assume membership obligations [9].

Overall, the enlargement process of the EU involves a series of steps, including screening, negotiations, reforms, and the signing of the Accession Treaty. Pre-accession strategies and monitoring mechanisms are in place to assist candidate countries in their preparations for membership and to ensure compliance with EU requirements.

Human rights in the enlargement process of the European Union

Human rights hold immense importance in the EU enlargement process, as they are fundamental to the Union's values and principles. The EU places a strong emphasis on the protection and promotion of human rights, both within its member states and in its external relations. Therefore, considering human rights is crucial in assessing the eligibility of candidate countries for EU membership.

The EU has established a framework of conditionality, which requires candidate countries to fulfill certain political, economic, and human rights criteria before being granted membership. The Copenhagen criteria, adopted in 1993, highlight the significance of democracy, the rule of law, respect for human rights, and the protection of minority rights. These criteria serve as benchmarks for evaluating the progress of candidate countries in meeting EU standards.

The EU enlargement process has witnessed notable progress in promoting human rights. Candidate countries are required to align their legislation and practices with EU human rights standards, resulting in advancements in areas such as judi-

cial reform, freedom of expression, and the protection of minority rights. Additionally, the EU actively supports candidate countries in their efforts to strengthen human rights institutions and practices.

However, challenges remain in ensuring the effective implementation and enforcement of human rights standards in candidate countries. Some countries may encounter difficulties in fully embracing EU norms and values, leading to ongoing concerns regarding issues such as corruption, media freedom, and the treatment of minority groups. These challenges highlight the need for continuous monitoring, dialogue, and support from the EU to address human rights issues during the enlargement process.

Effective monitoring mechanisms are essential in the EU enlargement process to ensure the adherence to human rights standards. The EU employs various tools, such as progress reports and regular assessments, to evaluate candidate countries' progress in fulfilling human rights obligations. Through these mechanisms, the EU actively engages with candidate countries, providing feedback, recommendations, and necessary support to address human rights challenges.

Moreover, dialogue plays a crucial role in addressing human rights concerns during the enlargement process. The EU engages in constructive dialogue with candidate countries, encouraging them to adopt necessary reforms and strengthen human rights protections. This dialogue fosters mutual understanding, cooperation, and the exchange of best practices in promoting and protecting human rights.

To examine the impact of human rights on the European Union (EU) accession process, this study employed three analytical reports and ten progressive reports from three candidate countries: Albania, North Macedonia, and Bosnia and Herzegovina.

The selection of these countries as examples is justified by the recent events that have occurred in the region, which have raised security concerns at the EU borders. The first Russian intervention in Ukraine, specifically in Crimea in 2014, and the migration crisis of 2015 have brought the Balkans back into the spotlight. These events have highlighted the need to address security issues and have prompted renewed discussions on EU accession and the establishment of additional European institutions.

The global financial crisis of 2007-09 had previously slowed down the EU accession process, and enthusiasm for further expansion or consolidation of the Union's achievements in the east had waned. However, recent initiatives such as French President Macron's proposal to create a European political community, the German-led Berlin Process, and the Slovenian-Croatian Brdo-Briuni process indicate a potential shift in the situation.

Moreover, the second aggression by Russia against Ukraine in February 2022 has further emphasized the importance of considering these countries as examples. This recent development has once again brought the security concerns in the region to the forefront and may have implications for the future of EU integration and enlargement.

Therefore, given the current circumstances and the significance of these events, selecting these countries as examples for consideration is a pertinent and valuable idea. They provide a case stage to examine the challenges and opportunities associated with EU expansion and the potential impact of external factors on the

region's security and integration processes [10].

These reports were carefully selected to provide a comprehensive understanding of the human rights situation in these countries. The selected indicators for assessing the state of human rights encompassed various aspects, including the freedom of thought, conscience, and religion, which reflects the extent to which individuals are allowed to hold and express their beliefs without interference. Freedom of expression, on the other hand, focuses on the ability of individuals to express their opinions and ideas freely, without censorship or fear of reprisal.

Another crucial indicator is the freedom of association and assembly, which evaluates the extent to which individuals are permitted to form and join associations, including political, social, and cultural organizations, as well as their right to peaceful assembly. Non-discrimination based on race, skin color, and ethnic origin is an essential aspect of human rights, ensuring that all individuals are treated equally and without prejudice. Gender equality is also a significant parameter, as it highlights the level of gender-based discrimination and the promotion of equal opportunities for men and women.

The study also explored the protection of children's rights, recognizing the importance of safeguarding their well-being, education, and protection from exploitation. Furthermore, the rights of persons with disabilities were examined, emphasizing the inclusion and support required to ensure their full participation in society. Lastly, the participation of minority groups was investigated, aiming to assess the extent to which these groups are granted equal rights and opportunities within the candidate countries.

By analyzing these key parameters, this study aimed to provide insights into the human rights situation in Albania, North Macedonia, and Bosnia and Herzegovina, shedding light on their progress and challenges in meeting the EU's human rights standards. The findings from this investigation are presented in the table below, offering a comprehensive overview of the state of human rights in these candidate countries.

Table 1. Human rights typology: progress/stagnation/regression

	Freedom of thought, conscience, and religion	Freedom of expression	Freedom of association and assembly	Non-discrimination based on race, color, and ethnic origin	Gender equality	Children's rights	Persons with disabilities	Minority participation
Albania								
2016	Progress	Stagnation	Progress	Stagnation	Progress	Progress	Progress	Progress
2019	Progress	Progress	Progress	Progress	Progress	Progress	Progress	Progress
2023	Progress	Limited progress	Progress	Stagnation	Progress	Progress	Progress	Stagnation
Analytical report 2010	Progress	Stagnation	Progress	Progress	Stagnation	Progress	Stagnation	Regression
Bosnia and Herzegovina								
2010	Regression	Regression	Stagnation	Stagnation	Progress	Stagnation	Limited Progress	Stagnation
2016	Progress	Stagnation	Progress	Stagnation	Stagnation	Progress	Progress	Progress

2023	Regression	Regression	Regression	Stagnation	Progress	Stagnation	Stagnation	Stagnation
Analytical report 2019	Progress	Stagnation	Regression	Stagnation	Progress	Stagnation	Progress	Stagnation
FYROM / North Macedonia								
2010	Progress	Progress	Progress	Limited progress	Progress	Progress	Progress	Limited progress
2016	Progress	Regression	Progress	Stagnation	Stagnation	Stagnation	Regression	Regression
2019	Progress	Progress	Progress	Progress	Progress	Progress	Progress	Progress
2023	Progress	Progress	Progress	Progress	Progress	Stagnation	Progress	Progress
Analytical report 2005	Progress	Progress	Stagnation	Progress	Progress	Progress	Stagnation	Progress

Source: compiled by the author on [10-22].

The analysis of the data presented in the table 1 enables us to draw conclusions regarding the progress, regression, or stagnation in the realm of human rights during the EU accession process. The findings reveal that North Macedonia and Albania have demonstrated progress, as evidenced by their consistent improvement in the indicators required for EU membership. Conversely, Bosnia and Herzegovina has shown no signs of progress.

When considering the impact of EU instruments on the enhancement or deterioration of the human rights situation, several noteworthy conclusions can be drawn. In the case of North Macedonia and Albania, the positive influence of EU instruments can be attributed to their commitment to implementing recommended reforms and policies. This proactive approach has resulted in tangible improvements in their human rights indicators. Conversely, Bosnia and Herzegovina has shown no signs of progress, mainly due to the insufficient efficiency or limited utilization of EU instruments. Political polarization and disagreements within the ruling coalition have led to a stagnation in democratic institutions and reforms, necessitating more active cooperation and support from the EU [23]. It is crucial for more active cooperation and support from the EU to be provided to stimulate positive changes in the field of human rights within this country.

Critical discourse

Also, the article highlights certain challenges in compiling statistical data related to human rights indicators. In this study, reports related to the compilation of statistical data in accordance with the rules of the European Union were analyzed. The main requirements include professional independence, impartiality, reliability, transparency and confidentiality. There are also general rules regarding the methodology, preparation and dissemination of statistical information.

It is expected that all Member States will regularly provide relevant data to the common Eurostat database and participate in various European statistical tools such as the European Social Survey. Progress in this area is regularly monitored and reported by the European Commission.

Statistical monitoring of reform and transformation processes is of great importance for the consultative procedures of EU institutions. Special attention is paid to the so-called "structural indicators", which reflect trends and fluctuations in various social and economic fields.

However, during the analysis of statistical data, some problems were identified. Firstly, data sources are not always specified, which makes it difficult to verify their reliability. Secondly, some data are estimated or preliminary, but are not accompanied by an explanation of the assessment methodology or a source for verification. There

are also cases when the same data is repeated from year to year without feedback or verification. Thirdly, the use of different units of measurement can distort the comparison of data between different countries and over different time periods.

In general, it is necessary to improve the transparency and reliability of the statistical data provided in order to ensure their reliability and comparability. It is also recommended to install a feedback mechanism to verify the data and prevent unauthorized use of preliminary data. Further research may be aimed at comparing and verifying European statistical data with other reliable sources in order to confirm their accuracy and reliability [24].

Overall, the analysis findings underscore the significance and effectiveness of EU instruments in promoting progress in human rights adherence among candidate countries for EU accession. However, in order to achieve positive changes across all countries, it is imperative to allocate greater attention and resources, particularly in the case of Bosnia and Herzegovina. This will ensure a more balanced and sustainable advancement in the realm of human rights. In addition to the impact of EU instruments, it is important to acknowledge the transformation power of the European Union in promoting human rights standards. The EU's accession process serves as a catalyst for change, as candidate countries are required to align their legislation and practices with EU norms and standards, including those related to human rights.

The prospect of EU membership creates a strong incentive for candidate countries to undertake necessary reforms and make substantial improvements in the field of human rights. The EU sets clear benchmarks and monitors the progress of these countries, providing guidance and technical assistance throughout the accession process. This transformative power of the EU not only influences the legal and institutional frameworks but also encourages a shift in societal attitudes and practices towards greater respect for human rights.

Furthermore, the EU's emphasis on human rights as a fundamental value and condition for membership sends a powerful signal to candidate countries and their societies. It fosters a culture of accountability, transparency, and respect for human rights, which becomes embedded in the national discourse and policy-making processes. As a result, the EU accession process serves as a driving force for positive change and progress in the field of human rights in candidate countries.

However, it is crucial to acknowledge the limitations of the EU's transformation power. The pace and extent of change in human rights adherence can vary among candidate countries due to their unique historical, political, and socio-cultural contexts. What works in one country may not necessarily work in another, and therefore, the EU's influence may be constrained by these internal challenges.

Moreover, there may be political resistance or limited capacity for implementation within candidate countries, which can further hinder the effectiveness of the EU's efforts. It is important to consider these factors when assessing the impact of the EU's emphasis on human rights.

In this context, it is necessary to conduct a more detailed analysis of the negative aspects and identify possible causes of regression or stagnation in the countries under consideration. When studying an article by Kazakh specialists E. Juraev and N. Murataliev on cooperation between the European Union and Central Asian countries in the field of human rights, a coincidence in statements was revealed [25]. The authors discussed the negative consequences of Europeanization for the culture and national identity of Central Asian countries. Candidate countries were also mentioned, which for various reasons still cannot join the EU. These remarks served as an incentive for further analysis of the reasons, which led to the conclusion that

some aspects of EU policy arouse suspicion and rejection among participants, despite their mostly positive and friendly image. As the authors note, excessive idealization of the EU may have negative consequences for Central Asian countries and other countries under study. In particular, there is a fear of loss of national identity and culture due to imitation of the lifestyle of EU countries. It should be noted that the cultural differences between the EU countries and the Balkan countries (Central Asian countries) are significant, with the latter more committed to traditional values. Another important issue is the rights of sexual minorities, which, although protected in EU countries, face discontent in Central Asia and the Balkans.

In case North Macedonia, Albania and Bosnia and Herzegovina are admitted to the European Union, there is a risk of encountering problems of bureaucracy, where theoretical concepts may not find practical application due to possible contradictions with traditional values. Issues related to the cultural and social heritage of these countries may create obstacles to successful integration within the EU.

For example, the traditional values and customs present in Northern Macedonia, Albania and Bosnia and Herzegovina may not comply with the standards and principles adopted in the EU countries. This can cause conflicts and misunderstandings, as well as complicate the process of adaptation to European norms and standards.

Moreover, bureaucratic processes in the EU can be difficult and difficult to access for new members, which can lead to a slowdown in decision-making and implementation of reforms. If traditional values are incompatible with European standards, there is a risk of conflicts and obstacles to successful integration.

Thus, it is necessary to take into account potential problems with bureaucracy and contradictions in values when considering the possibility of admitting Northern Macedonia, Albania and Bosnia and Herzegovina into the European Union, and take appropriate measures to minimize risks and ensure a successful integration process.

To enhance the reliability and accuracy of statistical data, it is recommended to improve transparency by specifying data sources and providing comprehensive methodology explanations. This would allow for better scrutiny and understanding of the data presented. Additionally, establishing a feedback mechanism for data verification would further ensure data accuracy, as it would allow for independent verification and correction of any errors.

Furthermore, it is important to consider the validity of the European statistical data by comparing and verifying it with other reliable sources. This would help confirm the accuracy and reliability of the data, adding further credibility to the findings presented in the article.

While the EU's emphasis on human rights as a fundamental value and condition for membership can have a positive impact on candidate countries, it is important to acknowledge the limitations and challenges that may arise. By addressing these limitations and ensuring transparency and accuracy in statistical data, the EU can strive for more effective and impactful human rights initiatives.

Conclusion

In conclusion, the transformative power of the EU in promoting human rights standards should not be underestimated. During the accession process, the EU encourages candidate countries to carry out the necessary reforms and bring their practices in line with EU standards. This not only leads to legal and institutional changes, but also affects the attitude and practice of society. Nevertheless, it is important to recognize the complexities and limitations that may hinder the full realization of the EU's transformational human rights capabilities.

The study also highlights the importance of increasing the transparency

and reliability of statistical data, recommends clear data sources, explains the methodology and verification mechanisms. While the transformational power of the EU in advancing human rights standards is obvious, issues such as political resistance and differences in the potential of candidate countries need to be addressed in order to achieve more effective results. It is also important to be aware of the complexities and limitations that can affect the pace and scale of change, requiring individual approaches and ongoing efforts to ensure meaningful progress.

References

1. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. 1950. URL: https://www.eods.eu/library/coe/European%20Convention%20for%20the%20Protection%20of%20Human%20Rights%20and%20Fundamental%20Freedoms_1950_EN.pdf
2. Maastricht Treaty. 1993. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?Uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed: 15.10.2023)
3. Amsterdam Treaty. 1997. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?Uri=CELEX:11997D/TXT> (accessed: 01.10.2023)
4. The Nice Treaty. 2001. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/treaty-of-nice.html> (accessed: 14.07.2023)
5. Lisbon Treaty. 2007. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?Uri=CELEX%3A12007L%2FTXT> (accessed: 20.10.2023)
6. Copenhagen criteria. 1993. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/accession-criteria-copenhagen-criteria.html> (accessed: 05.05.2023)
7. European Commission. 2011. URL: [https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/com/com_com\(2011\)0681/_com_com\(2011\)0681_en.pdf](https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/com/com_com(2011)0681/_com_com(2011)0681_en.pdf) (accessed: 25.10.2023)
8. Baracani E. (2009). EU democratic rule of law promotion. London: Routledge.
9. Baracani E., Dallara C. (2005). European Union democracy and rule of law promotion in South-Eastern Europe. *The Journal of European Affairs*, 3(1), 14-22.
10. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2010). Analytical Report on Albania's application for membership of the European Union. Brussels: European Commission. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52010SC1335> (accessed: 25.10.2023).
11. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2016). Report on Albania's application for membership of the European Union. Brussels: European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2018-12/20161109_report_albania.pdf (accessed: 25.10.2023).
12. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2019). Analytical Report on Albania's application for membership of the European Union. Brussels: European Commission. URL: <https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2019-07/20190529-albania-report.pdf> (accessed: 25.10.2023).
13. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2023). Progress report on Albania. Brussels: European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/albania-report-2023_en (accessed: 25.10.2023).

14. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2010). Progress report on Bosnia and Herzegovina. Brussels: European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/bosnia-and-herzegovina-progress-report-2010_en (accessed: 25.10.2023).
15. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2016). Progress report on Bosnia and Herzegovina. Brussels: European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2018-12/20161109_report_bosnia_and_herzegovina.pdf (accessed: 25.10.2023).
16. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2019). Analytical Report on Bosnia and Herzegovina's application for membership of the European Union. Brussels: European Commission. URL: <https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2019-05/20190529-bosnia-and-herzegovina-analytical-report.pdf> (accessed: 25.10.2023).
17. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2023). Progress report on Bosnia and Herzegovina. Brussels: European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/bosnia-and-herzegovina-report-2023_en (accessed: 25.10.2023).
18. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2005). Analytical report for the opinion on Macedonia for EU membership. Brussels: European Commission. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/ALL/?uri=CELEX%3A52005SC1425> (accessed: 25.10.2023).
19. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2010). The former Yugoslav Republic of Macedonia Report. Brussels: European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/former-yugoslav-republic-macedonia-progress-report-2010_en (accessed: 25.10.2023).
20. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2016). The former Yugoslav Republic of Macedonia Report. Brussels: European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2018-12/20161109_report_the_former_yugoslav_republic_of_macedonia.pdf (accessed: 25.10.2023).
21. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2019). The former Yugoslav Republic of Macedonia Report. Brussels: European Commission. URL: <https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2019-05/20190529-north-macedonia-report.pdf> (accessed: 25.10.2023).
22. Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations. (2023). The former Yugoslav Republic of Macedonia Report. Brussels: European Commission. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/north-macedonia-report-2023_en (accessed: 25.10.2023).
23. Uvalić M. (2023). Integrating the Western Balkans Into the EU: Overcoming Mutual Misperceptions, pp. 64-66.
24. Sekulić T. (2020). The European Union and the Paradox of Enlargement. The Complex Accession of the Western Balkans, pp. 164-166.
25. Juraev E., Muratalieva N. (2020). EU Strategy in Central Asia. To the Successful Implementation of the New Strategy, pp. 20.

Материал поступил в редакцию 20.02.2024

ИСКУССТВО ДИПЛОМАТИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ: ИЗ ИСТОРИИ ПОДАРКОВ ПЕРВЫМ ЛИЦАМ ГОСУДАРСТВА

Алуа Асанбаева

Ведущий эксперт Президентского центра Республики Казахстан, кандидат исторических наук, (Казахстан, Астана), e-mail: aluaasanbay@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-2.04>

Аннотация. Подарки являются неотъемлемой частью человеческого общения, их дарили и ими обменивались в самых различных ситуациях. Уникальную категорию представляют те подарки, которые преподносятся первым лицам государства. Они очень часто имеют символическое значение, так как вручение и обмен подарками между сторонами, участвующими в процессе, направлено на формирование позитивного характера отношений.

На протяжении веков обмен подарками между иностранными лидерами был традицией, тесно связанной с деликатной работой международной дипломатии. Дипломатические подарки, которые часто официально преподносятся во время государственных визитов или визитов вежливости, обладают потенциалом для установления более тесных связей между странами.

В статье рассматривается история одной из неотъемлемых частей протокольной практики каждого государства, символа внимания к высокому гостю – подарков первым лицам государства советского периода и независимого Казахстана. На основе проведенного анализа, выявлены некоторые особенности в практике преподнесения даров, основанных на тех или иных традициях определенного исторического периода.

В статье приведен ранее нигде не опубликованный эпизод из жизни простого советского гражданина о посещении в 1950 г. выставки подарков первому лицу страны в г. Москве. Данная выдержка из письма наглядно демонстрирует какие подарки вручались руководителям страны, а также какое впечатление они производили на обычных людей. Публикация материала стала возможной благодаря дочери автора письма, бережно сохранившей и предоставившей документы семейного архива, ветерана архивного дела Казахской ССР и Республики Казахстан – Грибановой Елены Михайловны.

Ключевые слова: подарки, награды, юбилей и выставка подарков, руководители СССР, Казахская ССР, Республики Казахстан.

ДИПЛОМАТИЯ ӨНЕРІ ЖӘНЕ САЯСИ СИМВОЛИЗМ: МЕМЛЕКЕТТІҢ БІРІНШІ БАСШЫЛАРЫНА АРНАЛҒАН СЫЙЛЫҚТАР ТАРИХЫНАН

Асанбаева Алуа

Қазақстан Республикасының Президенттік орталығының жетекші са-
рапшысы, тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан, Астана), e-mail:
aluaasanbay@gmail.com

Аңдатпа. Сыйлықтар әр түрлі жағдайлар мен мәмілелер кезінде берілетін және айырбасталатын қоғамдық қарым-қатынастың ажыра-
мас бөлігі болып табылады. Мемлекеттің бірінші басшыларына неме-
се жоғары лауазымды тұлғаларына берілетін ресми немесе мемлекеттік
сыйлықтар ерекше санаттағы сыйлықтар қатарын білдіреді. Олар, ең алды-
мен, символикалық мәнге ие, ал қатысушылардың арасында сыйлықтарды
беру және алмасу олардың арасында орын алатын қарым-қатынастың си-
патын қалыптастырады.

Ғасырлар бойы шетелдік көшбасшылардың сыйлық алмасуы
халықаралық дипломатиямен тығыз байланысты дәстүрге айналды.
Ал, мемлекеттік деңгейдегі маңызы бар сапарлар кезінде ресми түрде
ұсынылатын дипломатиялық сыйлықтар елдер арасында тығыз байланыс
орнатуға мүмкіндік береді.

Мақалада әр мемлекеттің хаттамалық практикасының ажырамас
бөліктерінің бірі, мәртебелі шетелдік қонаққа назар аударудың символы
– Кеңестік кезеңдегі және тәуелсіз Қазақстанның бірінші басшыларына
арналған сыйлықтардың тарихы қарастырылады. Талдау негізінде белгілі
бір тарихи кезеңнің белгілі бір дәстүрлеріне негізделген сыйлықтарды
ұсыну тәжірибесінде кейбір ерекшеліктер анықталды.

Мақалада бұрын-соңды жарияланбаған, 1950 ж. Мәскеудегі мемлекет
басшының сыйлықтар көрмесіне барған қарапайым кеңес азаматының
өміріндегі қызықты эпизод келтірілген. Хаттан алынған бұл үзінді мем-
лекет басшыларына қандай сыйлықтар берілгенін, сондай-ақ бұл рәсімнің
қарапайым адамдарға қандай әсер қалдырғанын анық көрсетеді. Мате-
риалды жариялау отбасы архивінің құжаттарын ұқыпты сақтаған және
ұсынған хат авторының қызы, Қазақ КСР және Қазақстан Республикасы
архив ісінің ардагері Елена Михайловна Грибанованың арқасында мүмкін
болды.

***Түйін сөздер:** сыйлықтар, марапаттар, мерейтой мен сыйлықтар
көрмесі, КСРО, Қазақ КСР, Қазақстан Республикасының басшылары.*

ART OF DIPLOMACY AND POLITICAL SYMBOLISM: FROM THE HISTORY OF GIFTS TO TOP STATE OFFICIALS

Alua Assanbayeva

Leading expert of the Presidential Center of the Republic of Kazakhstan,

Candidate of Historical Sciences, (Kazakhstan, Astana), e-mail: aluaasanbay@gmail.com

Abstract. Gifts are an integral part of human communication, given and exchanged in various situations and transactions. At the same time, official or state gifts to top officials of the state represent a unique category of gifts. They are primarily of symbolic value, and the giving and exchange of gifts between the parties involved shapes the nature of the relationship that develops between them.

Moreover, for centuries, the exchange of gifts between foreign leaders has been a tradition closely associated with the delicate work of international diplomacy. Diplomatic gifts, often formally presented during state or courtesy visits, have the potential to forge closer ties between countries.

The article examines the history of one of the integral parts of the protocol practice of each state, a symbol of attention to a distinguished guest – gifts to the first persons of the state during the Soviet period and independent Kazakhstan. Based on the analysis, some features have been identified in the practice of presenting gifts based on certain traditions of a certain historical period.

The article contains a previously unpublished interesting episode from the life of an ordinary Soviet citizen while his visiting the exhibition of gifts to top officials of the state, in Moscow in 1950. This excerpt from the letter clearly demonstrates what gifts were given to the heads of the state, as well as what impression they made on ordinary people. The publication of the material became possible owing to the daughter of the author of the letter, who carefully preserved and provided documents from the family archive, a veteran of archiving of the Kazakh SSR and the Republic of Kazakhstan, Elena Mikhailovna Griбанова.

Keywords: *state gifts, honors, anniversary and exhibition of gifts, the USSR, the Kazakh SSR, the Republic of Kazakhstan.*

Введение

Традиция дарить подарки первым лицам государства уходит корнями в глубину веков. Подарок – обязательный атрибут международного этикета. Существовали и существуют определенные нормы дипломатического протокола, связанные с преподнесением даров, среди которых наиболее популярными во все времена являлись оружие, ювелирные изделия, произведения живописи. Каждая эпоха вносила свои коррективы в этот список, не меняя сути самого явления, должного подчеркнуть уважение к одариваемому и благие намерениям дарителя. Подарки, преподнесенные первым руководителям государства, в силу значимости самой фигуры, заслуживают отдельного изучения, но эта одна из очень интересных тем не так часто привлекает внимание специалистов. Она затрагивается в основном в музейных исследованиях, иногда – историками дипломатических отношений.

Методология исследования

Теоретико-методологической основой работы послужили принципы

историзма, всесторонности, полноты и научной объективности. Принцип историзма в данном исследовании выразился в изложении событий и фактов в последовательном порядке. Принцип всесторонности позволил автору на основе анализа исторических источников и предметов из музейных фондов рассмотреть проблему комплексно. На основе исследований, опирающихся на архивные документы, самих исторических источников, а также экспонатов из фондов музеев был достигнут принцип полноты и научной объективности. Поскольку работа носит междисциплинарный характер дополнительно был использован семиотический метод исследования. Семиотический анализ выступает механизмом изучения подарка как особого рода знаковой системы, несущей определенную информацию.

Источниковой базой исследования послужили работы, опирающиеся на архивные документы, материалы, отложившиеся в семейном архиве, а также экспонаты из музейных фондов Республики Казахстан.

Целью данного исследования является изучение традиции дарения подарков первым лицам государства. Исходя из этой цели были поставлены задачи выявления некоторых особенностей в практике преподнесения даров, основанных на тех или иных традициях в определенный исторический период. Кроме того, материал будет интересен для культурологов, служб протокола для обозначения элементов культурного кода нации, определения набора сведений о природе знаков, используемых в отечественном культурном коде.

Обзор литературы

В отечественной историографии исследования по данной проблематике практически не встречаются. Среди имеющихся публикаций, прежде всего, следует отметить труд Козыбаева И.М. по истории дипломатии Казахстана, в котором автор, опираясь на документальные источники достаточно подробно привел конкретные примеры дарообмена между посольствами со времен Абылай хана [1].

Фундаментальные проблемы теоретических вопросов традиции обмена подарками как одной из культурных универсалий исследованы в таких трудах французских ученых как «Очерк о даре» Марселя Мосса [2] и «Дар философов. Переосмысление взаимности» Марселя Энаффа [3].

Социолог Марсель Мосс, изучая племена, для которых постоянный обмен дарами являлся средством поддержания общественной структуры пришел к выводу, что обмен предметами является способом конструирования отношений и поддержания иерархий в отдельных сообществах. Современная культура лишь на первый взгляд далека от традиций коллективного обмена дарами, о которых пишет Мосс. Мы также можем рассматривать подарок как объективирование социальных отношений, предметное воплощение значимых связей. Мы не дарим подарки кому угодно, но выбираем узкий круг людей, отношения с которыми имеют для нас особую важность.

В развитие взглядов М. Мосса, культуролог М. Энафф также обращается к проблеме дара, анализу его трактовки в философско-социальной мыс-

ли. М.Энафф стремится отыскать основы человеческой цивилизации, обращаясь к проблемам дара и признания.

Вопросам подарков как одной из составляющей дипломатического протокола посвящены работы доктора исторических наук О.Ю. Захаровой [4]. Автор на основе архивных документов детально проследил эволюцию советского дипломатического протокола с начала 20-х до середины 80-х гг. XX века.

Результаты исследования и их обсуждение

Ритуал взаимного обмена, ставший позже традицией вручения подарков, издревле имел важный общественный, социально-культурный, политический контекст. Эта традиция символизировала желание и готовность дарителя вступить в определенные отношения с одариваемым или же продлить ранее установленные отношения. Как отмечал М. Мосс, начиная с примитивных обществ субъектами дарообмена выступали, главным образом, не индивиды, а группы, либо такие индивиды, которые олицетворяют всю группу и выступали от её имени, например, племенные вожди [1, с. 35-36].

С появлением институтов государственности дарообмен превращается в важную часть межгосударственных отношений, одним из обязательных элементов традиционной дипломатии. Как верно замечают Г. Альтхоф, Б. Штольберг-Рилинген, преподнесение даров стало ритуально-символическим действием, совершаемым в процессе установления мира и заключения союза [5, с. 8].

Начиная с XX века традиция вручения подарков и взаимного обмена подарками становится также одним из инструментов культурной или публичной дипломатии, являясь альтернативной формой решения государством внешнеполитических задач и оказания им влияния на зарубежную аудиторию [6, с. 11]. В этой связи, сегодняшние лидеры многих стран не случайно получают подарки, имеющие сугубо символический подтекст и адресованные в первую очередь аудитории, стоящей за определенными дарополучателями. Именно в данном ракурсе рассмотрим политический символизм дарообмена в случае с первыми лицами государства советского периода и независимого Казахстана.

Прежде всего следует отметить, что в советский период не существовало законодательных актов, ограничивающих принятие подарков официальными лицами от зарубежных гостей, своих сослуживцев, коллег и т.д. Государственные и партийные деятели страны получали самые разнообразные дары от указанных выше лиц.

Самым непритязательным советским руководителем считается В. Ленин, который радовался, когда ему дарили книги, сувениры с советской символикой. Самый дорогой подарок он получил в 1922 г.: как заядлому шахматисту, товарищи по партии презентовали ему шахматный стол и два кресла [7].

Итоги Второй мировой войны на многие десятилетия определила характер международных отношений и отношение к советскому руковод-

ству. Президент Франции Ш. де Голль во время своего визита в СССР в 1944 г. передал И.В. Сталину гравюру работы художника Демаре, на которой изображен прием Петра Великого Людовиком XV в Париже 11 мая 1717 г. (гравюра находилась в Версальском дворце, для чего потребовалось издание специального декрета французского правительства) [4, с. 63]. За указанный период ему преподнесли столько подарков, сколько не получал ни один из руководителей XX века.

Но особым событием стало его 70-летие. В 1949 г. поздравительные телеграммы шли потоками не только из союзных республик, городов страны, но и от руководителей зарубежных стран. Десятки тысяч подарков, миллионы писем, адресов и телеграмм поступило в Кремль к его юбилею. Список подарков Сталину в честь его семидесятилетия печатался в советских газетах с декабря 1949 г. по март 1953 гг. Всего поступило 23 162 подарка. Все они были размещены на выставках в зданиях Музея революции, Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и Политехнического музея. Среди дарителей – главы государств, союзных республик, рабочие коллективы и отдельные граждане [8].

Для этих даров в 1949 г. в Москве была организована «Выставка подарков И.В. Сталину от народов СССР и зарубежных стран». Какое впечатление производило это собрание даров наглядно свидетельствует выдержка из письма от 13 июля 1950 г. 20-летней студентки Киевского мединститута: «Подарки находятся в большом красивом доме, раньше там был какой-то музей. Комнат, вернее залов, много. В каждом зале всё битком набито. Я тебе писала, что буквально разбегаются глаза. Мне очень понравился зал с китайскими подарками. Китайцы желают Сталину долгих лет жизни. Это они выражают в панно, на котором искусными руками вышит старик Шоу-Син (у них это символ долголетия). Старик весел, видны крепкие зубы, большая борода, на лбу – шишка, признак мудрости. Над стариком летучая мышь (символ счастья, кстати, летучая мышь и счастье обозначаются одним словом «фу»), возле старика – олень (символ богатства), в руках – персик (символ бодрости). Слово счастье имеет сто различных написаний в китайском языке. Эти все написания тоже присланы. Меня изумил подарок от Мао Цзедуна. Представь, из клыка мамонта сделана ваза, на которой свыше ста различных фигур, отображающих быт китайского народа. Если бы ты видел, как это тонко сделано. Фигурки прямо-таки с один сантиметр, а всё хорошо различишь. Из Франции одна мать прислала портрет своего сынишки, как бы надежда, что отстоим мир. Видела знамя, вышитое чехословацкой женщиной, у которой нет кистей на обеих руках, а вместо них культяпки. (Я не знаю, как это называется, когда делают операцию и раздваивают лучевую и локтевую кости, получается вроде двух пальцев.) Возле знамени её письмо Сталину и её фотография. Очень много различных скульптур из каменного угля и из сахара. Там, например, есть небольшой комодик, что ли. Из него выдвинуты два ящика, полных шоколадных конфет и каких! Этот комодик сделан из сахара, представляешь? Я даже облизнуться не смогла, так была удивлена. А сколько, мебели, одежды, детских игрушек, вина! Есть там интересный стол для заседа-

ний. Нажмешь кнопку – поднимается радиоприемник, нажмешь другую – письменный прибор и пр. Есть портрет Сталина, сделанный из табачных листьев. Также есть портрет Сталина и Ворошилова, присланный колхозом-миллионером. Портрет сделан из семян хлопка, риса, огурцов, тыквы. Есть замечательный ковер, отображающий всю жизнь Сталина. За него получили Сталинскую премию. Есть также ковер, вытканый 18-ю тысячами чехословацкими женщинами, ковер 117 кв. м. Видела 103 тома с 9-ю миллионами подписей жителей, а какой страны, я не помню. Есть массивный сундук с бельём на 120 персон. Сколько различной красивой посуды! Знаешь, там есть один серебряный ларец, который весит 48 кг, а делали его наши 28 месяцев. Там есть знамя (чье и какое, не помню), которое хранила француженка во время оккупации. Много различных прострелянных вещей. Каждая наша республика присылала свои подарки. Видишь, их так много, что обо всех никогда нельзя рассказать» [9].

Как очевидно из публикуемого письма студентки, у простых людей выставка вызвала ажиотаж, она надолго стала одним из самых популярных мест в Москве. Даже несколько лет спустя, чтобы увидеть подарки Сталину, нужно было отстоять длинную очередь. Устроители выставки, конечно, рассчитывали на пропагандистский эффект, но посетителей привлекала не политика. «В трудные, полуголодные послевоенные годы людям хотелось увидеть диковинные предметы быта, о которых тогда можно было только мечтать. Кого-то привлекал фарфор, кого-то – французские модели одежды, других – удивительные изделия из дерева и металла, резьба. Каждый посетитель на этой выставке что-то для себя находил. Никто не уходил разочарованным» [10].

Подарок от Казахской ССР был представлен стендом, состоящим из нескольких предметов. Инкрустированный стол из букового дерева отделан литьем из бронзы, а также самоцветами, найденными в горах республики. На столе установлена двухсторонняя карта, увенчанная бронзовым барельефом Сталина и гербом Казахской ССР. На одной стороне карты с помощью фотоминиатур показывается основное сельскохозяйственное направление каждой области Казахстана; на другой – в естественных образцах представлены богатства недр республики [8]. Сей дар имел свой смысл: в Казахстане еще в годы войны были начаты поиски полезных ископаемых, и уже в 1946 г. создана Академия наук во главе с академиком К.И. Сатпаевым. Кроме того, Казахстан был одним из основных поставщиков сельскохозяйственной продукции для Красной армии.

Закрыли выставку в 1955 г.

Щедрые подарки были вручены в 1959 г. премьер-министром Великобритании М.Г. Макмилланом Н.С. Хрущеву: книжный шкаф-бюро в стиле Георга I из ореха, с резным золоченым украшением на фронте и золоченым гипсовым обрамлением на зеркальных дверцах (время изготовления 1715–1720 гг.) [4, с. 71]. Одним из самых запоминающихся подарков Хрущеву был позолоченный початок кукурузы от первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидова [7].

Известна знаменитая коллекция дорогостоящих автомобилей, полу-

ченных в подарок Л.И. Брежневым, питавшим к ним слабость. Поэтому при подготовке зарубежных визитов или визитов лидеров иностранных государств в СССР советская сторона давала понять своим партнерам, что «лучшим подарком Брежневу была бы хорошая машина известной фирмы» [4, с. 76]. Ещё одной страстью Л.И. Брежнева была охота. Поэтому чаще всего генсеку дарили охотничьи ружья. За годы нахождения «у руля партии» у него скопилось коллекция из более чем сотни раритетных стволов. Некоторые были инкрустированы золотом и слоновой костью [7].

Главы советских республик опирались на традиции, закладываемые первым лицом государства и союзной дипломатической службой и, конечно же, на национальные традиции. На Востоке неизменным атрибутом любых внешнеполитических отношений было вручение даров-подношений. Об одном из таких эпизодов свидетельствует картина 1757 г. «Казахи преподносят дары лошадьми (Дарственные лошади казахов)», где изображен дипломатический церемониал передачи казахским посланниками даров китайскому императору в знак союза и дружбы. В настоящее время это полотно хранится в запасниках Национального музея восточных искусств – музея Гиме в г. Париже [1, с. 24]. Лошадь – богатство кочевников, считались священными (киели) животными и наделялись свойствами оберега, талисмана – «күт» – приносящего счастье, богатство, удачу. Подарить коня уважаемому гостю считалось высшим знаком уважения.

В осуществлении Казахской ССР внешних связей (до образования НКВД КазССР в 1944 г.) существовало Управление уполномоченного НКВД СССР при правительстве КазССР, которое достойно справилось с протокольной встречей в Алма-Ате вице-президента США Г.Э. Уоллеса и представителей дипломатического корпуса. На обеде в честь вице-президента США, данном от имени председателя СНК КазССР Н.Д. Ундасынова, было продемонстрировано восточное гостеприимство. Г. Э. Уоллесу преподнесли халат и шапку (шапан, бөрік – Авт.), книги «20 лет Казахстана», «Атлас плодов Казахстана», поэмы Джамбула. Причем, и халат, и шапка были надеты на гостя, который просидел в них до конца приема. Покидая СССР, Г.Э. Уоллес направил письмо И.В. Сталину с выражением глубокой признательности за оказанное ему гостеприимство [1, с. 61-62]. Чапан – не просто верхняя одежда, преподнести чапан в дар – признак большого уважения, оказание почести. У наших предков, независимо от этноса, одежда был «говорящей»: она сообщала о статусе, материальном благополучии, возрасте, семейном положении. Ее роль была необычайно велика: «По одежке встречают, по уму провожают». Выбор книг был также не случаен: поэмы Джамбула в тот период являлись своеобразным символом нового времени.

Еще одним из ранних упоминаний, зафиксированных документально, является подарок, преподнесенный руководством Казахской ССР в ноябре 1945 г. гостям из Монгольской народной республики во главе с премьер-министром маршалом Чойбалсаном. Тогда ему были подарены мех черно-бурой лисицы, плюшевый халат с шелковым кушаком, шелковый халат, кондитерские и табачные изделия, литература, посвященная 25-ле-

тию Казахской ССР, керамическая ваза, чернильный прибор. При этом не было полностью поддержано предложение Наркоминдела КазССР учесть национальные традиции при вручении подарков членам делегации, как-то: лошадь со всеми принадлежностями для езды, чапаны, шелковые кушаки и казахские шапки-борик из куницы. Выбор даров предусматривал высшие почести казахской степи – скакун, чапан и мужской головной убор [1, с. 82-83].

В воспоминаниях Д.А. Кунаева фигурирует упоминание о подарке президенту Алжира Х. Бумедьену от имени казахской делегации казахского национального халата. Несмотря на подробный рассказ о зарубежных поездках, которых у секретаря ЦК Компартии Казахстана было немало, более тема подарков не затрагивается, что, впрочем, неудивительно. Этикет номенклатурных работников исключал возможность акцентировать внимание на дарах, как врученных, так и полученных [11, с. 173].

Обширный материал по данной тематике находится в Музее Д.А. Кунаева в г. Алматы. Динмухамед Ахметович руководил республикой почти четверть века – с 1960 г. по 1986 г. (с перерывом с 1962 г. по 1964 г.). Здесь можно увидеть подарки, врученные Д.А. Кунаеву политическими лидерами, выдающимися деятелями культуры, науки из самых различных уголков земли. Среди них особо ценные – фигура слона от премьер-министра Индии Дж. Неру, совершившего свой официальный визит в республику в 1955 г.; значок, подаренный 34-м президентом США Д. Эйзенхауэром; зажигалка от Ив Сен-Лорана, приехавшего в Алма-Ату на фабрику Алма-Атинского хлопчатобумажного комбината за тканями для женских рядов, кинжал с инициалами Д.А. Кунаева, врученный Н.А. Назарбаевым в честь дня рождения; предметы, преподнесённые в знак уважения Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым, Премьер-Министром Индии И. Ганди, главами бывших союзных республик, членами Политбюро ЦК Компартии Советского Союза.

«В те годы мы широко отмечали исторические даты страны и республики» – вспоминает Динмухамед Ахмедович [11, с. 194]. Наряду с персональными юбилеями это составляло немалое количество мероприятий. Поэтому одной из форм «одаривания» являлось вручение государственных наград. Расцвет этого явления пришёлся на брежневский период. Лично Л.И. Брежнев был четырежды Героем Советского Союза, Героем Социалистического труда, обладателем 114 наград. Из них – 8 орденов Ленина, 2 ордена Красного Знамени, 2 ордена Октябрьской Революции, 4 «Золотых звезд» Героя Советского Союза, 2 маршальские звезды, свыше 50 зарубежных наград и др.

Д.А. Кунаев был трижды Героем Социалистического труда, имел 8 орденов Ленина, ордена Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени. Для сравнения Ж. Шаяхметов, руководивший республикой в 1946–1954 гг., имел 3 ордена Ленина, орден «Знак Почета» и орден Трудового Красного Знамени. Последний орден Ленина получил в 50 лет в 1952 г. за заслуги перед Компартией и государством.

Кроме того, государственными наградами, помимо выдающихся лю-

дей, награждались промышленные, строительные и сельскохозяйственные предприятия, города и даже целые республики. Например, Казахская ССР награждалась 5 раз: три раза орденом Ленина, орденом Октябрьской революции и орденом Дружбы народов. Из советских республик одной из самых высоких наград – орденом Ленина трижды награждались только Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Казахская ССР и Узбекская ССР. В 1971 г. Темиртау стал шестым городом в СССР, который был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1984 г. к Темиртау присоединилась и Караганда.

Получая зарубежные государственные знаки отличия, необходимо было делать ответные шаги. Лидеров дружественных держав советское руководство также награждало. Так, Кунаев вручал орден Ленина Ким Ир Сену в связи с его 60-летием [11, с. 197].

Традиция одаривания со сменой общественно-политической формации не исчезла. Она получила ещё больший размах. В одном из интервью сам Н.А. Назарбаев говорил, что «постсоветские республики подарками увлекаются. Например, Бердымухамедов ахалтекинскому коню подарил, хороший подарок, от души. Или узбекские халаты дарят, или изделия и так далее. Кыргызы тоже лошадой дарят. Мы тоже... Так принято», – вспоминал он [12]. В последние годы это явление стало рассматриваться и в правовом поле. Законом Республики Казахстан «О государственной службе» предусмотрены нормы, устанавливающие полный запрет на подарки государственным служащим и членам их семей. Запрещено как дарить, так и принимать их [13].

Коллекция подарков Первому Президенту Республики Казахстан начала формироваться уже в первые годы независимости государства. Именно тогда, в адрес страны и ее Президента Н.А. Назарбаева поступают первые поздравления и дары от лидеров мировых стран. Все эти дары впоследствии составили основу фондов Музея Первого Президента, затем Библиотеки Первого Президента, а ныне – Президентского центра Республики Казахстан. Здесь находятся более двух тысяч предметов: сувениры, ювелирные изделия, оружие, произведения живописи и декоративно-прикладного искусства.

Среди дипломатических подарков из разных государств мира можно увидеть: настольные часы, шлем, сувениры, графины, панно, каминные часы, чаши-кубки, декоративные вазы, жезл на подставке, тарелки сувенирные, даже наборы посуды, чайный сервиз и много-много интересных вещей. В 1999 г. делегация из Российской Федерации подарила ему кинжал «Восточный» из дамасской стали и кости. В.В. Путин в 2015 г. подарил налук с луком и колчан со стрелами, а король Филипп VI в 2017 г. – саблю с ножнами. Президент США Д. Трамп во время одной из встреч подарил Н.А. Назарбаеву набор для игры в гольф и книгу, в которой описывается история полей для игры в гольф в США. Наиболее ценные экспонаты собрания музея – изделия из кости, золота, серебра, бронзы и драгоценных камней.

Здесь же находится коллекция наград от иностранных государств. Все-

го их 47. Все они изготовлены в основном из золота и украшены драгоценными камнями. Среди них особое место занимают – «Большой крест Ордена Святого Михаила и Святого Георгия» (в знак признания заслуг в деле ядерного разоружения, Великобритания, 2000 г.) «Золотая цепь ордена Пия» (самая высокая награда Ватикана, только 15 лиц получили эту награду, Государство Ватикан, 2001 г.), «Орден Хризантемы на большой ленте» (за выдающийся вклад в деле ядерного разоружения, Япония, 2008 г.), «Орден Александра Невского» (единственная награда, существовавшая в наградных системах Российской Империи, Советского Союза и Российской Федерации, 2015 г.), «Орден Дружбы» (высший орден для вручения иностранцам за выдающиеся заслуги, КНР, 2019 г.) и многие другие [14].

Выводы

Таким образом, государственные подарки – неперенный атрибут международных, дипломатических отношений и связей. Их воспринимают как знак уважения, отражение отношений равенства или благорасположенности, как элемент культурного кода нации. Изучая государственные подарки, возможно проследить историю взаимоотношений государств между собой, их эволюцию.

Традиция подарков, связанных с решением серьезных политических вопросов также имела место в истории. Мы можем исследовать ту или иную эпоху через этот феномен материальной культуры. Подарок – вещь неординарная. Она, с одной стороны, связывает, с другой – создает дистанцию. Особый сегмент отношений – диалог между простыми людьми и властью.

Список литературы

1. Козыбаев И.М. Дипломатия Казахстана: страницы истории. – Алматы, 2001. – 208 с.
2. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с франц., предисловие, вступит. статья, комментарии А. Б. Гофмана. – М.: КДУ, 2011. – 416 с.
3. Энафф М. Дар философов. Переосмысление взаимности / Пер с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2015. – 320 с.
4. Захарова О.Ю. Подарки как важная составляющая дипломатического протокола (СССР 20-е – 80-е годы XX столетия) // Литература та культура Полісся № 97. Серія «Історичні науки». №12. – С. 59–84; Как в СССР принимали высоких гостей. Официальные и неофициальные встречи, переговоры, подарки, меню, развлечения, поездки по стране. Главы государств и правительств, партийные и общественные деятели, зарубежные дипломаты в гостях у Сталина, Хрущева, Брежнева / Захарова Оксана Юрьевна. – Москва: Центрполиграф, 2018. – 495 с.
5. Альтхоф Г., Штольберг-Рилинген Б. Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / Отв. ред. Г. Альтхоф, М. А. Бойцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 263 с.

6. Попов А.Д. Символический дарообмен в советской культурной дипломатии периода Холодной войны (на материале зарубежного туризма) // Управление в современных системах. № 4 (15) 2017. – С. 10-16.
7. Даже кукуруза – в золоте. Какие подарки дарили генсекам в СССР [электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20200107/1562551982.html> (дата обращения: 11.03.2024).
8. Жирнов Е. Всего поступило 23 162 подарка. Что отправляли в Москву к 21 декабря // Коммерсант Власть. № 49. 15.12.2014 г. [электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2618629> (дата обращения: 14.03.2024).
9. Автор письма Д.Н. Калачёва. Вместе со своим мужем М.Н. Грибановым, которому было адресовано письмо, в 1955 г. приехала в Казахстан в зону освоения целинных и залежных земель. М.Н. Грибанов в 1977–1988 гг. – первый заместитель министра здравоохранения Казахской ССР. Личный архив семьи Грибановых, г. Алматы.
10. Тростин Е. День рождения вождя // Оpub.: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/6103> (дата обращения: 11.03.2024).
11. Кунаев Д.А. О моем времени. Воспоминания. – Алма-Ата: Дәуір, МП «Ынтымак», 1992. – 312 с.
12. Данилевская О. Первый Президент рассказал, как подарил ковёр Биллу Клинтону. [электронный ресурс] URL: <https://informburo.kz/povosti/elbasy-postsovetskie-respubliki-podarkami-uvlekayutsya> (дата обращения: 14.03.2024).
13. Закон Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» от 23 ноября 2015 года № 416-V. [электронный ресурс] // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (дата обращения: 14.03.2024).
14. Высшие государственные награды Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Н.А. Назарбаева. – Нур-Султан, 2019. – 120 с.

References

1. Kozybaev, I.M. (2001). *Diplomatiya Kazakhstana: stranitsy istorii* [Diplomacy of Kazakhstan: Pages of History]. Almaty, 208 p.
2. Moss, M. (2011). *Obshchestva. Obmen. Lichnost. Trudy po sotsialnoi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]. A.B. Gofman (Ed. and Trans.). Moscow: KDU, 416 p.
3. Enaff, M. (2015). *Dar filosofov. Pereosmyslenie vzaimnosti* [The Gift of Philosophers. Rethinking Reciprocity]. Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoi literatury, 320 p.
4. Zakharova, O.Yu. (2018). *Podarki kak vazhnaya sostavlyayushchaya diplomaticheskogo protokola (SSSR 20-e – 80-e gody XX stoletiya)* [Gifts as an Important Component of Diplomatic Protocol (USSR 1920s – 1980s)]. *Literaturnaya i kulturnaya Polessya*, 97, Seriya Istoricheskie nauki, 12, pp. 59-84; *Kak v SSSR prinimali vysokikh gostei. Ofitsialnye i neofitsialnye vstrechi, peregovory, podarki, menu, razvlecheniya, poezdki po strane. Glavy gosudarstv i pravitelstv, partiinye i obshchestvennye deyateli, zarubezhnye diplomaty v gostyakh u Stalina, Khrushcheva, Brezhneva* [How High Guests Were Received in the USSR. Official and Unofficial Meetings, Negotiations, Gifts, Menu, Entertainment, Trips Around the Country. Heads of State and Government, Party and Public Figures, Foreign Diplomats Visiting Stalin, Khrushchev, Brezhnev]. Moscow: Tsentropoligraf, 495 p.
5. Althof, G., Stolberg-Rilingen, B. (2016). *Yazyk darov. Logika i semantika obmena darami v Evrope do nachala Novogo vremeni* [The Language of Gifts. The Logic and Semantics of Gift Exchange in Europe Before

- the Modern Era]. In G. Althof, M. A. Boitsov (Eds.), *Na yazyke darov: pravila simvolicheskoi kommunikatsii v Evrope. 1000–1700 gg.* Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 263 p.
6. Popov, A.D. (2017). Simvolicheskii daroobmen v sovetskoj kulturnoi diplomatii perioda Kholodnoi voiny (na materiale zarubezhnogo turizma) [Symbolic Gift Exchange in Soviet Cultural Diplomacy During the Cold War (Based on Foreign Tourism)]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*, 4(15), pp. 10–16.
  7. [Da zhe kukuruza – v zolote. Kakie podarki darili gensekam v SSSR] [Even Corn – in Gold. What Gifts Were Given to General Secretaries in the USSR]. URL: <https://ria.ru/20200107/1562551982.html> (data obrashcheniya: 11.03.2024).
  8. Zhirnov, E. (2014). Vsego postypilo 23 162 podarka. Chto otpravlyali v Moskvu k 21 dekabrya [A Total of 23,162 Gifts Received. What Was Sent to Moscow by December 21]. *Kommersant Vlast*, 49. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2618629> (data obrashcheniya: 14.03.2024).
  9. Avtor pisma D.N. Kalachova. Vmeste so svoim muzhom M.N. Gribanovym, kotoromu bylo adresovano pis'mo, v 1955 g. priekhala v Kazakhstan v zonu osvoboizheniya tselinnykh i zaleznykh zemel. M.N. Gribanov v 1977–1988 gg. – pervyi zamestitel ministra zdravookhraneniya Kazakhskoi SSR. Lichnyi arkhiv sem'i Gribanovykh, g. Almaty.
  10. Trostin, E. Den' rozhdeniya vozhdya [The Leader's Birthday]. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/6103> (data obrashcheniya: 11.03.2024).
  11. Kunaev, D.A. (1992). O moem vremeni. Vospominaniya [About My Time. Memoirs]. Almaty: Deyrip, MP «Yntymak», 312 p.
  12. Danilevskaya, O. (2024). Pervyi Prezident rasskazal, kak podaril kovyor Billu Klintonu [The First President Told How He Gave a Carpet to Bill Clinton]. URL: <https://informburo.kz/novosti/elbasy-postsovetskie-respubliki-podarkami-uvlekayutsya> (data obrashcheniya: 14.03.2024).
  13. Zakon Respubliki Kazakhstan «O gosudarstvennoi sluzhbe Respubliki Kazakhstan» ot 23 noyabrya 2015 goda № 416-V [Law of the Republic of Kazakhstan "On Civil Service of the Republic of Kazakhstan" dated November 23, 2015 No. 416-V]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (data obrashcheniya: 14.03.2024).
  14. Vysshie gosudarstvennye nagrady Pervogo Prezidenta Respubliki Kazakhstan – Elbasy N.A. Nazarbaeva [Highest State Awards of the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy N.A. Nazarbayev]. (2019). Nur-Sultan, 120 p.

Материал поступил в редакцию 12.04.2024

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ И КАЗАХСТАНСКИХ СМИ: СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ажар Сериккалиева^{1*}
Айдана Бапаева²
Лю Сяо³

¹ Доктор PhD, исследователь Алматы менеджмент университета, e-mail*: serikkaliyeva@gmail.com

² Магистрант кафедры китаеведения Казахского национального университета им. аль-Фараби

³ Докторант кафедры китаеведения Казахского национального университета им. аль-Фараби

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-2.05>

Аннотация. В последнее десятилетие с возрастанием международного статуса Китая и его «выходом во вне», а именно реализацией геоэкономической стратегии «Инициатива Пояса и Пути» на Евразийском континенте, а также повышением стратегической значимости Казахстана, сотрудничество между нашими странами динамично развивается в различных областях. Взаимодействие Казахстана и Китая в области автомобильной промышленности является новой и динамично развивающейся отраслью сотрудничества. Проведенный контент-анализ публикаций в китайских и казахстанских СМИ, посвященных сотрудничеству в автомобильной промышленности с 2015 по 2023 год, включает в себя как качественную, так и количественную оценку содержания новостных статей обеих стран, обзоров и интервью пресс-служб китайских автокомпаний. Целью данного исследования является выявление ключевых тем и тенденций в области сотрудничества в автомобильной промышленности через анализ публикаций о сотрудничестве Китая и Казахстана в государственных и негосударственных СМИ обеих стран, выявление их сходств и различий. Это исследование имеет потенциал активно способствовать более глубокому пониманию и продвижению сотрудничества и диалога между Казахстаном и Китаем, особенно в экономической и политической сферах.

Ключевые слова: контент-анализ, казахстанско-китайские отноше-

ҚЫТАЙ ЖӘНЕ ҚАЗАҚ БАҚ-ТАРЫНЫҢ КОНТЕНТТЫҚ ТАЛДАУЫ: АВТОМОБИЛЬ ӨНЕРКӘСІП САЛАСЫНДАҒЫ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ

Ажар Серікқалиева^{1*}, Айдана Бапаева², Лю Сяо³

¹ Доктор PhD, Алматы Менеджмент Университетінің ғылыми қызметкері, e-mail*: serikkaliyeva@gmail.com

² Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің қытайтану кафедрасының магистранты

³ Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің ҚазҰУ қытайтану кафедрасының докторанты

Аңдатпа. Соңғы онжылдықта Қытайдың халықаралық мәртебесінің артуы және оның «сыртқа шығуы», атап айтқанда Еуразия континентінде «Белдеу және жол бастамасы» геоэкономикалық стратегиясын жүзеге асыру, сондай-ақ Қазақстанның стратегиялық маңыздылығының артуы, елдер арасындағы ынтымақтастық елдеріміз әртүрлі салаларда қарқынды дамып келеді. Қазақстан мен Қытайдың автомобиль өнеркәсібіндегі өзара іс-қимылы ынтымақтастықтың жаңа және қарқынды дамып келе жатқан саласы болып табылады. 2015 жылдан 2023 жылға дейін автомобиль өнеркәсібіндегі ынтымақтастыққа арналған қытайлық және қазақстандық БАҚ-тардағы жарияланымдарға жүргізілген контент-талдау екі елдің жаңалықтар мақалаларының мазмұнын сапалы да, сандық жағынан да бағалауды, қытайлық автокомпаниялардың баспасөз қызметтеріне шолулар мен сұхбаттарды қамтиды. Бұл зерттеудің мақсаты екі елдің мемлекеттік және мемлекеттік емес бұқаралық ақпарат құралдарында Қытай мен Қазақстан арасындағы ынтымақтастық туралы жарияланымдарды талдау, олардың ұқсастықтары мен айырмашылықтарын анықтау арқылы автомобиль өнеркәсібіндегі ынтымақтастық саласындағы негізгі тақырыптар мен тенденцияларды анықтау болып табылады. Бұл зерттеу Қазақстан мен Қытай арасындағы, әсіресе экономикалық және саяси салалардағы ынтымақтастық пен диалогты тереңірек түсінуге және ілгерілетуге белсенді ықпал ету әлеуетіне ие.

Түйін сөздер: мазмұнды талдау, Қазақстан-Қытай қатынастары, Қазақстан, Қытай, БАҚ, автомобиль өнеркәсібіндегі ынтымақтастық, Белдеу және жол бастамасы.

CONTENT ANALYSIS OF CHINESE AND KAZAKH MEDIA: COOPERATION IN THE FIELD OF THE AUTOMOTIVE INDUSTRY

Azhar Serikkaliev^{1*}, Aidana Bapayeva², Liu Siyao³

¹ Doctor PhD, researcher at Almaty Management University, e-mail*: serikkaliyeva@gmail.com

² Master student of the Department of Chinese Studies of the al-Farabi Kazakh National University

³ Doctoral student at the Department of Chinese Studies, al-Farabi Kazakh National University

Abstract. In the last decade, with the increasing international status of China and its “exit”, namely the implementation of the geo-economic strategy “Belt and Road Initiative” on the Eurasian continent, as well as the increasing strategic importance of Kazakhstan, cooperation between our countries is dynamically developing in various fields. The interaction between Kazakhstan and China in the automotive industry is a new and most dynamically developing area of cooperation. The conducted content analysis of publications in Chinese and Kazakh media dedicated to cooperation in the automotive industry from 2015 to 2023 includes both qualitative and quantitative assessment of the content of news articles from countries, reviews, and interviews with press services of Chinese auto companies. The purpose of this study is to identify key topics and trends in the field of cooperation in the automotive industry through an analysis of publications about cooperation between China and Kazakhstan in state and non-state media of both countries, identifying their similarities and differences. This research has the potential to actively contribute to a deeper understanding and promotion of cooperation and dialogue between Kazakhstan and China, especially in the economic and political spheres..

Keywords: *content analysis, Kazakh-Chinese relations, Kazakhstan, China, media, cooperation in the automotive industry, Belt and Road Initiative.*

Введение

Китай является крупнейшим рынком автомобилей в мире, как по производству, так и по продажам. За последние десятилетия производство автомобилей в Китае значительно выросло, и страна стала важным мировым игроком в этой отрасли [1]. С тех пор как Китай вступил в ВТО, автомобильная промышленность КНР начала активное развитие. С 2009 года производство и продажи автомобилей в Китае вышли на первое место в мире [2]. Китай стал важным игроком в мировой автомобильной промышленности. Однако в последние годы, ввиду экономического спада в стране и за рубежом, перенасыщения глобального автомобильного рынка, трансформации и модернизации автомобильной промышленности и пандемии Covid - 19, производство и продажи в четырех основных областях производства автомобилей в мире серьезно сократились. Согласно данным Международной организации по производству автомобилей (OICA) в 2017 году в мире было произведено 97302534 автомобиля и коммерческих машин, а в 2022 году 85016728 [3].

В стратегии «Казakhstan-2050» и в третьем проекте модернизации Казахстана «ускорение модернизации автомобильной промышленности» упоми-

нается как наиболее приоритетное направление развития, и расширять сотрудничество с другими отраслями промышленности. Экспортная торговля страны обновляет модель экономического роста через автомобильную промышленность, повышает конкурентоспособность страны и обеспечивает более высокий, чем в среднем в мире, экономический рост. Кроме того, правительство Казахстана также сформулировало «Дорожную карту развития автомобильного производства на 2019–2024 годы», призванную оказать соответствующую поддержку отечественным автомобильным компаниям.

Вследствие переговоров между правительствами КНР и РК были заключены договоры в области совместного автомобильного строительства: «О подписании Рамочного соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики об укреплении сотрудничества в области индустриализации и инвестиций» 2015 г.; «Об утверждении Рамочного соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики об укреплении сотрудничества в области индустриализации и инвестиций» 2016 г.; Производство легковых автомобилей бренда JAC методами крупноузловой сборки (DKD/SKD) и мелкоузловой сборки (CKD) совместно со стратегическим партнером СМС – ТОО Сарыаркаавтопром & 1) Anhui Jianghuai Automobile Co., Ltd (JAC), 2) China Vehicles Import-Export Co. (СМС); Костанайская область, период введения в эксплуатацию – 2017 год; Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Казахстан 2023 г.; Автомобильная компания «Астана» и китайская автомобильная промышленная компания BYD заключили соглашение о дистрибуции транспортных средств на новых источниках энергии 2023 г.

Вышеназванные совместные казахстанско-китайские инициативы широко освещались в СМИ двух стран. В данной статье СМИ рассматриваются в качестве важного политического инструмента, посредством которого политически значимая информация часто передается посредством средств, не затрагивающих явную политику [4].

Методология исследования

В основе получения информации об освещении печатными СМИ вопросов взаимодействия Казахстана и Китая в области автомобильной промышленности лежит метод контент-анализа. По этой причине анализ публикаций, в том числе и научной направленности, в периодических изданиях является одним из наиболее распространенных видов научного анализа, в частности контент-анализа. Систематичность и строгость контент-анализа проявляется в том, что исследование проводится на основании методологически обоснованной программы по определенным процедурам и служит для получения информации, отвечающей некоторым критериям качества. Как неопрошенный метод исследования и представляет собой количественно-качественный метод сбора и анализа содержания текста как связной последовательности символов [5]. Контент-анализ представлен как строго количественный метод, фиксирующий подсчеты для измерения наблюдаемой частоты заранее определенных целей в исследованиях [6].

Временные рамки контент-анализа охватывают период с 2015 по 2023 год. Данные временные рамки связаны с политическими событиями в отношениях Казахстана и Китая, а именно, заключение вышеупомянутых соглашений, а также период начала их практической реализации. Были выявлено значительное количество публикаций, которые имели как декларативный, так и аналитический характер. Эти публикации во многом формируют общественное восприятие граждан двух стран казахстанско-китайских совместных проектов в области автомобильной промышленности. Китайское правительство и автомобильные компании стремились через СМИ повлиять на устоявшееся традиционное представление о том, что автомобили, производимые в Китае, в основном, недорогие и некачественные. Контент-анализ служит также методом выявления политической направленности двусторонних отношений, взаимовосприятия государств.

Контент-анализ материалов прессы (количественный подход) основывается на исчислении основных публикаций опубликованных в следующих СМИ КНР: People’s Daily, информационное агентство Синьхуа, правительственная сеть Китая, министерство торговли Китайской Народной Республики и т.д. Ключевыми словами для поиска публикаций выступили: План сотрудничества в области производства: автомобильное сотрудничество, Инициатива Пояса и Пути и Майский Сианьский саммит Китай- Центральная Азия. И нижеследующих СМИ РК: Zakon.kz, Казправда, Казинформ, Sputnik Казахстан, Tengri News, Nur.kz, Atameken.tv, Azattyk, Деловой Казахстан, Литер, Exclusive.kz, Orda, Forbes.kz. Ключевыми словами для поиска публикаций выступили: китайские автомобили, Chery, Naval, Changan, JAC, Пояс и Путь, мультибрендовый завод.

Результаты исследования и их обсуждение

Контент-анализ показал актуальность тематики для обеих стран. СМИ двух стран сходятся во мнении, что это перспективная отрасль сотрудничества двух стран. Количественный анализ выявил превалирование публикаций в государственных СМИ КНР, тогда как среди казахстанских СМИ значительно преобладают негосударственные. Авторы считают, что это связано с приходом китайских брендов именно на казахстанский рынок, это обусловлено маркетинговой стратегией автокомпаний. Примечателен тот факт, что государственные СМИ дают старт данной тематике в 2015, далее эстафету перенимают частные СМИ и, как следствие, печатают значительно больше детализированного материала на текущий момент (таблица 1).

Таблица 1. Количество публикаций в государственных и негосударственных СМИ КНР и РК, 2015-2023 гг.

№	Год	Статьи в государственных СМИ КНР	Статьи в государственных СМИ РК	Статьи в негосударственных СМИ КНР	Статьи в негосударственных СМИ РК

1	2015	2	1	-	-
2	2016	1	1	-	-
3	2017	-	-	-	2
4	2018	-	-	-	2
5	2019	-	-	2	4
6	2020	1	1	-	1
7	2021	4	-	3	15
8	2022	3	3	5	52
9	2023	11	1	18	50
10	Итого	22	7	28	128

Источник: составлено авторами

Количественный анализ публикаций в негосударственных СМИ двух стран также показал значительное преобладание публикаций в казахстанских изданиях –128, тогда как с китайской стороны было выявлено только 28 публикаций (таблица 2). В целом, наблюдается активация публикационной деятельности на тему сотрудничества Казахстана и Китая в области машиностроения в постпандемийный период, с 2021 года и по настоящее время. Отмечается, в целом, позитивный контекст публикации в рамках СМИ. Тем не менее, повестка и глубина рассмотрения данного вопроса в национальных СМИ КНР и РК значительно разнятся. Вследствие этого, целесообразно рассмотреть публикации двух стран более подробно.

Основные тезисы публикаций китайских СМИ

Несмотря на то, что сообщения китайских СМИ об экономическом сотрудничестве между Китаем и Казахстаном в автомобильной сфере появились в 2015 году, в период с 2015 по 2019 годы о сотрудничестве именно в автомобильной сфере вкратце упоминалось лишь на веб-сайте правительства КНР и официальной новостной сети Министерства иностранных дел КНР. [7] Важной темой стал план сотрудничества в области переноса производственных мощностей из Китая в Казахстан. Таким образом, наибольшую инициативность СМИ проявляют в отношении освещения Плана сотрудничества в области переноса производственных мощностей, предложенного бывшим премьер-министром Ли Кэцяном в 2014 году. В частности, отмечается, что в рамках этого сотрудничества Китай передает свой опыт индустриализации Казахстану. По этой причине между JAC Motors и казахстанской автомобильной компанией «AllurGroup» был заключен меморандум о сотрудничестве в области сборки и реализации автомобилей. В 2015-2016 годах на сайте правительства Китая и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики были опубликованы сообщения о путях углубления планов китайско-казахстанского сотрудничества в области автомобилестроения и обеспечения всестороннего развития сотрудничества в данной области. В 2015 году стороны обещают поддержать Меморандум о взаимопонимании между Китаем и Казахстаном по укреп-

плению производственного потенциала и инвестиционного потенциала государств, а также 33 проекта о переносе производственной мощности страны в различных сферах, включая автомобилестроение. Общая стоимость проекта составила 23,6 млрд долл. долларов США. А в 2016 году был официально запущен проект совместного китайско-казахстанского предприятия «Цзяньхуайский автомобильный завод» — проект инфраструктурного сотрудничества, которому правительства Китая и Казахстана придают большое значение. В том же году Китай и Казахстан поддерживают еще один документ «Об утверждении Рамочного соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики об укреплении сотрудничества в области индустриализации и инвестиций», в результате которого стороны договорились об осуществлении сотрудничества и инвестиций в автомобильной сфере. Китайские СМИ отметили в сообщениях, что Китай и Казахстан активно связывают китайскую инициативу «Один пояс, один путь» с казахстанским планом «Нурлы жол», чтобы обеспечить стимулирование производственного сотрудничества [8].

Хотя сотрудничество Китая и Казахстана в автомобильной сфере началось в 2015 году, отмечается, что китайские СМИ, как государственные, так и негосударственные, начали уделять больше внимания теме сотрудничества двух стран в автомобильной сфере только в 2020 году. Отмечается, что в этот период Казахстан постепенно стал одним из наиболее быстрорастущих государств в мировой автомобильной промышленности. Правительство Китая и многие китайские автомобильные компании начали уделять внимание пяти странам Центральной Азии, особенно Казахстану. С 2020 по 2022 год китайские негосударственные СМИ рассматривают казахстанско-китайское сотрудничество в автомобильной сфере сквозь призму следующих основных подтем: инициативы «Один пояс, один путь», автомобильный экспорт Китая в Казахстан, автомобильный рынок Казахстана.

С 2020 по 2023 годы Министерство коммерции КНР ежегодно отчитывается об уровне производства и продаж на казахстанском автомобильном рынке. Например, в 2020 году Министерство коммерции КНР отметило, что в начале 2020 года казахстанский автомобильный рынок добился хорошего старта: продажи автомобилей в январе значительно выросли, то есть на 20% по сравнению с прошлым годом, в 2021 году Министерство коммерции КНР еще раз отметило, что темпы роста в 2020 году превысили 50% [9]. В условиях пандемии автомобильная промышленность стала новой основной движущей силой роста экономики Казахстана в целом. В 2022 году Министерство коммерции КНР еще раз отметило, что Казахстан является наиболее потенциальным автомобильным рынком в Центральной Азии, в следствие было предложено китайским автомобильным компаниям расширить прямые иностранные инвестиции в автомобильную промышленность страны, перенести производственную базу, реконструировать бизнес и в то же время помочь развитию своей автомобильной промышленности в таких странах, которые имеют потенциал роста

данного сектора экономики [10]. В 2023 году Министерство коммерции КНР опубликовало информацию о том, что производство автомобилей в Казахстане выросло на 39,2% в годовом исчислении с января по сентябрь 2023 года. Спрос на автомобили в Казахстане высок, и перспективы казахстанского автомобильного рынка очень широки [11]. Некоторые негосударственные СМИ также провели предварительный анализ автомобильного рынка Казахстана. В 2022 году NetEase News в своем отчете отметил, что казахстанские отечественные автомобили относительно старые и на рынке подержанных автомобилей существует огромный спрос. Уровень охвата автомобилей в Казахстане также низок, хотя является самым большим среди пяти стран Центральной Азии. Согласно данным Мирового банка по количеству автомобилей на 1000 человек в основных странах мира за 2017 год, в Казахстане приходится 250 автомобилей на 1000 человек [12].

Сеть наблюдения за Шелковым путем также отметила в отчете: «Хотя Казахстан является крупнейшим автомобильным рынком в Центральной Азии, развитие автомобильной промышленности Казахстана в основном основано на сборке автомобилей и установке запасных частей. Обрабатывающая промышленность относительно слабо развита, и наблюдается отсутствие отечественных автомобильных марок» [13]. Чтобы изменить эту ситуацию, правительство Казахстана провело ряд корректировок политики и национальной реформы. Поэтому все больше китайских СМИ полагают, что стремление Казахстана к активному развитию автомобильной промышленности соответствует глобальной автомобильной стратегии Китая. Китай может оказать помощь Казахстану в строительстве автомобильных заводов, а китайские автомобильные компании смогут перенести цепочку промышленности с добавленной стоимостью и изменить структуру своего бизнеса.

Казахстан поощряет китайские компании продолжать создавать кластеры автомобильной промышленности в Казахстане [14]. Некоторые СМИ отметили, что инициатива «Один пояс, Один путь» принесла практическую пользу пяти странам Центральной Азии, благодаря сотрудничеству в автомобильной сфере: база местной автомобильной промышленности Казахстана была улучшена» [15]. Сеть наблюдения за Шелковым путем также отметила, что с продвижением инициативы «Один пояс, Один путь» сотрудничество между Китаем и Казахстаном в области автомобилестроения не только создаст 2200 новых рабочих мест для казахстанцев, но и заложит прочную основу для изучения Казахстаном технологий и создания собственного автомобильного бренда [16]. Успех Автомобильной группы Яс является важным результатом интеграции и стыковки новой экономической политики Казахстана «Нурлы жол» и инициативы «Один пояс Один путь» [17]. Экспорт готовых автомобилей наиболее выгоден для экономического развития Китая, но его способность противостоять рискам не так хороша, как строительство местного завода, поэтому локализованное производство также является общей тенденцией [18].

Подводя итог, нетрудно обнаружить, что правительство Казахстана

возлагает большие надежды на автомобильную промышленность, что совпадает со стремлением китайской автомобильной промышленности выйти на мировой уровень, поэтому перспективы сотрудничества между двумя странами очень широки. Наблюдая изменение политики и реформы, ряд китайских СМИ пришли к выводу, что стремление Казахстана активно развивать автомобильную промышленность совпадает с интересами Китая в рамках глобальной автомобильной стратегии. По этой причине Китай может предоставить техническую поддержку Казахстану, чтобы способствовать индустриализации Казахстана, в то же время китайские автомобильные компании смогут перенести цепочку автомобильной промышленности и оптимизировать структуру своего бизнеса.

Основные тезисы публикаций казахстанских СМИ

Результаты рассмотрения казахстанских СМИ позволяют провести категоризацию статей по типу и характеру публикаций: реклама, информационного характера, аналитика и смешанного типа (содержащие признаки вышеуказанных категорий). По результатам изучения публикаций из 132 изученных материалов 62 статьи (47%) имеют, по мнению авторов, рекламный характер: содержатся только указания особенностей отдельных моделей автомобилей (технические параметры, дизайн, условия гарантии, цена и т.д.). Публикации информационного характера имеют нейтральную коннотацию и сообщают читателю о произошедших событиях - 41 статья (31%) были отнесены авторами к данной категории. Аналитические публикации - 10 статей (7,5%) должны содержать элементы анализа: выделения положительных и отрицательных аспектов, их влияния на тему обсуждений и т.д. Остальные 17 (14,5%) статей были отнесены к публикациям смешанного типа, где, тем не менее, превалировало количество публикаций, обозначенных авторами как информационно - рекламные - 13 публикаций (9,8%).

По результатам анализа, авторы пришли к выводу, что количество публикаций, содержащих аналитический материал/ интервью с представителями отрасли/ экспертами, значительно уступает числу публикаций рекламного характера. Следует отметить, что публикации государственных СМИ РК носят более аналитический характер, в то время как публикации негосударственных СМИ - рекламный характер.

Медийная сторона играет значительную роль в узнаваемости бренда и, как следствие, увеличении доверия. По наблюдениям авторов, Астана Моторс активно задействует данный инструмент, в то время как Orbis Group и Allur Auto упоминаются в публикациях отечественных СМИ реже. Значительное число публикаций в СМИ обеих стран было отмечено в государственных СМИ КНР и негосударственных СМИ РК в 2022–2023 годах, что свидетельствует о росте интереса к совместным проектам и их освещению в СМИ. Тем не менее, в ближайшие годы предполагается рост активности, в связи со строительством мультибрендового завода Астана Моторс [19] и завода EXEED компании Orbis Manufacturing [20]. Следует отметить и характер данных производств - завод Астана Моторс является 100% собственностью компании, действующей по лицензионным со-

глашениям. Займ на строительство завода был выделен Фондом развития промышленности (ФРП) на 15 лет под 9% при гарантии Банка развития Казахстана (БРК) [21].

Другой кейс, СарыАркаАвтопром - пример государственно - частного производства с участием иностранного капитала - с 2019 года 51% крупнейшего автомобильного производителя Казахстана принадлежит СМС (China National Machinery IMP. & EXP. CORP). Проект является частью инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и входит в перечень казах-стано-китайского взаимодействия в области индустриализации и инвестиций (55 совместных с КНР индустриальных проектов), принесся 1,1 млрд. долларов инвестиций [22]. Китайские партнеры планируют наращивать объем инвестиций и привлекать новые бренды - с 2022 года ежегодный объем инвестиций будет составлять 40 млн. долларов и к 2025 году предполагается увеличить объем производства до 125,000 автомобилей в год [23]. Как отмечалось ранее, описание данных проектов имеет преимущественно положительный характер, однако присутствует и критика. Так, одним из моментов, который озвучивается в качестве критики в статье Азаттык, это то, что осуществление совместных с Китаем проектов проходит непрозрачно: затягиваются сроки, не озвучиваются действительно израсходованные средства, а эффективность проектов не соответствует заявлениям и данным обещаниям [24]. На фоне отсутствия прозрачности с расходованием средств, поступающих от «утилизационного сбора», критика подобной «меры поддержки» государства, невозможность получить полную и достоверную информацию по реализации проектов от государства вызывает недоверие и опасения населения.

Актуален и кейс попытки строительства второго завода Азия Авто по сборке автомобилей (до недавнего времени крупнейшего в Казахстане), которые не увенчались успехом, ввиду обвинений в мошенничестве, отмывании средств и невыполнении взятых обязательств в отношении инвесторов со стороны государства [25] и обвинения государственных функционеров Казахстана в коррупции, предвзятом отношении и возможном рейдерском захвате предприятия со стороны инвесторов [26]. Следует отметить, что Правительство предприняло меры для поддержки казахстанского автопрома: преференции по НДС, введение утилизационного сбора, разработка программы льготного кредитования и лизинга, меры поддержки экспорта продукции [27]. По словам руководителя управления автомобильной промышленности и сельскохозяйственной техники МИИР Руслана Хисамутдинова, степень локализации составляет от 30% до 40%, у некоторых моделей - до 50% [28]. При этом официальные сведения ставились под сомнение общественниками: «Нет ни одного автомобиля, половина запчастей которого произведена в Казахстане. Мы даже болтики и гайки не производим. Правительство продолжает вливать миллиарды в мифический автопром», при этом используются понятия «мифический» и «лжепроизводители» [29]. Локализация способствует развитию экономики путем создания новых рабочих мест и привлечения инвестиций. Так, например, благодаря строительству мультибрендового завода Астана Мо-

торс планируется создать порядка 2 200 высококвалифицированных рабочих мест, при этом каждое повлечет за собой создание до десяти рабочих мест в других отраслях [30]. Согласно сообщению Орда медиа, в результате запуска мультибрендового завода совместными усилиями компании «Астана Моторс» и трех китайских автомобильных брендов будет создано 2600 рабочих мест. Примечательным является и кейс СарыАрка Автопром - создано 1650 мест [31].

Следующим немаловажным пунктом является сокращение зависимости от импорта автомобилей и комплектующих, что, в свою очередь, содействует улучшению торгового баланса и способствует удешевлению цены конечного продукта [32]. Также к преимуществам локализации производства следует отнести возможность производителя адаптировать производство автомобилей под потребности рынка, а также контролировать и, при необходимости, улучшать производственные процессы. Говоря о возможных минусах, можно выделить связь между репутациями основного и локализованного производств. На сегодняшний день автомобили китайских брендов вызывают неоднозначную реакцию со стороны экспертов и потребителей [33]. Сомнения вызывают надежность автомобиля, качество его комплектующих, возможность в полной мере использовать заявленные технические нововведения, а также его ликвидность в последующем [34]. Данная тема является актуальной, но в то же время новой для казахстанского читателя, поскольку мы являемся свидетелями зарождения казахстанско-китайского сотрудничества и массового выхода китайских марок отечественного производства на казахстанский рынок.

Заключение (выводы)

В заключение, представленный контент анализ публикаций в СМИ Казахстана и Китая о сотрудничестве двух стран в области автомобильной промышленности в период с 2015 по 2023 год подчеркивает динамичный характер развития данного направления сотрудничества. В то же время содержание и основные темы публикаций Китая и Казахстана достаточно сильно отличаются. Если Китай рассматривает развития сотрудничества в автомобильной отрасли в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» и повышения стратегической важности китайского автопрома на мировой арене, то казахстанские СМИ уделяют значительное внимание изучению новых для нашего рынка автомобильных марок, политике ценообразования, а также локализации производства. Помимо вышесказанного, китайские СМИ отличает приверженность государственной политики, освещения национальных стратегий, а также позитивного влияния китайских технологий и инвестиций на автомобильную промышленность Центральной Азии в контексте «win-win cooperation». Контент-анализ материалов китайских и казахстанских СМИ позволяет выделить ключевые темы и тенденции, связанные с автомобильной промышленностью, а также выявить сходства и различия в их подходах к этому вопросу. Выявленные в ходе исследования совместные проекты, подписанные документы, инициативы и кейсы сотрудничества, освещенные в СМИ обе-

их стран, свидетельствуют о значительном прогрессе в развитии сотрудничества в области автомобильной промышленности между Казахстаном и Китаем. Этот сектор становится важным фактором их взаимодействия, способствуя укреплению экономических и политических связей. Исследование призвано не только предоставить более глубокий анализ текущего состояния сотрудничества, но и выделить потенциальные направления для дальнейшего улучшения взаимопонимания и партнерства между Казахстаном и Китаем в автомобильной отрасли. Подчеркивается, что такой обмен информацией и анализом могут способствовать более эффективному взаимодействию в будущем, не только в области автомобильной промышленности, но и в широком контексте экономического и политического сотрудничества между двумя странами. Ключевые слова и термины, такие как контент-анализ, казахстанско-китайские отношения, СМИ, автомобильная промышленность, инициатива Пояса и Пути, выделяют важные аспекты и направления, которые остаются актуальными для дальнейших исследований и обсуждений в контексте эволюции сотрудничества между Казахстаном и Китаем.

Данное исследование профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Казахстана: ИРН АР14972668

Список литературы

1. Бабаев, К. В., Сазонов, С. Л., & Ильинская, И. Д. (2023). Развитие автомобильной промышленности КНР и ее перспективы на международном рынке. Этап: экономическая теория, анализ, практика, (3), 21-38.
2. Tang, R. (2009). The rise of China's auto industry and its impact on the US motor vehicle industry. <https://ecommons.cornell.edu/items/9855c41c-0ee0-4576-8520-68a1e5a80e95>
3. <https://www.oica.net/category/production-statistics/2022-statistics/>
4. Dunaway, J., & Graber, D. A. (2022). Mass media and American politics. Cq Press; Steven H. Chaffee & Stacey Frank Kanihan (1997) Learning about Politics from the Mass Media, Political Communication, 14:4, 421-430, DOI: 10.1080/105846097199218).
5. Faggiano, M. P. (2022). Content Analysis in Social Research: A Methodological Point of View. In Content Analysis in Social Research (pp. 7-57). Brill.
6. Kolbe, R. H., & Burnett, M. S. (1991). Content-analysis research: An examination of applications with directives for improving research reliability and objectivity. Journal of consumer research, 18(2), 243-250.
7. 中国政府网 李克强一年来三见马西莫夫，中哈产能合作如何“步步高” 2015. 12. 15; 中华人民共和国外交部新闻网 李克强同哈萨克斯坦总理马西莫夫举行会谈决定全面开展产能合作并推动取得重要成果 2015. 04. 03
8. 中华人民共和国中央政府 李克强“旋风”访问哈萨克斯坦，为了这件事 2016. 11. 04
9. 中华人民共和国商务部 疫情之下哈萨克斯坦汽车市场持续走高 2020. 12. 24; 中华人民共和国商务部 汽车行业成为哈萨克斯坦经济新的增长点 2021. 01. 03
10. 中华人民共和国商务部 哈萨克斯坦计划2023年将汽车年产量提高到13.5万辆 2022. 12. 10
11. 中华人民共和国商务部 哈萨克斯坦计划2023年将汽车年产量提高到13.5万辆 2022. 12. 10; 中华人民共和国商务部1-9月哈萨克斯坦汽车产量同比增长39.2% 2023. 11. 03

12. 网易网 未来三年哈国汽车产量50万辆/年|总统要求中国公司进行产业投资 2023. 05. 20
13. 丝路新观察 中国汽车畅销中亚, 原因有三 2023. 02. 17
14. 中华人民共和国国家发展和改革委员会 十年共建结硕果 携手共进向未来 扎实推进高质量共建“一带一路”行稳致远 2023. 09. 08
15. 哈萨克斯坦国际通讯社 托卡耶夫总统为中亚-中国合作指明方向 2023. 05. 19
16. 丝路新观察 “一带一路”十年: 哈萨克斯坦收获哪些实实在在的好处? 2023. 01. 24
17. Jac 官网 共建“一带一路”进入新阶段, 江淮汽车成功参与收购哈萨克斯坦最大汽车工业集团 2019. 05. 22; Jac 官网 全方位对外开放, 江淮汽车做的都挺好! 2019. 03. 14 ; Jac 官网 “一带一路”上的江汽集团 | 江汽集团助力哈萨克斯坦汽车工业 2023. 10. 20
18. 新华社 坚定自主创新, 加快新能源转型 打造具有全球竞争力的中国汽车品牌 2023. 09. 03; 中国新闻网 中国新能源汽车加速走向中亚 2023. 06. 26
19. <https://astana-motors.kz/ru/production/multibrendoviy-zavod-kitayskih-avtomobiley-4>
20. <https://exeed.kz/ru/news/72/>
21. <https://inbusiness.kz/ru/news/astana-motors-lokalizuet-avtokomponenty>
22. <https://kstnews.kz/newspaper/710/item-48068>
23. https://forbes.kz/auto/k_2025_godu_saryiarkaavtoprom_planiruet_vyipuskat_125_tyis_avtomobiley_v_god/
24. <https://rus.azattyq.org/a/chinas-growing-involvement-kazakhstan-interview-jonathan-hillman/30414222.html>
25. <https://kz.kursiv.media/2023-07-04/lbrt-avtozavod/>
26. <https://orda.kz/narushili-vse-processualnye-normy-kak-v-sude-zashhishhayut-vosmeryh-top-menedzherov-aziya-bipek-avto/>
27. https://www.inform.kz/ru/avtomobil-naya-promyshlennost-kazahstana-razvitiye-i-perspektivy_a3616372
28. <https://autoreport.kz/opinion/uroven-lokalizacii-avtomobilej-kazahstanskoy-sborki-dostigaet-50>
29. <https://rus.azattyq.org/a/31346077.html>; <https://rus.azattyq.org/a/31346077.html>
30. <https://liter.kz/chery-changan-haval-eti-marki-avto-budut-proizvodit-namultibrendovom-zavode-v-almaty-1663423148/>
31. <https://orda.kz/kazahstan-obedinil-treh-liderov-kitajskogo-avtoproma-na-odnom-zavode/>; <http://investinkostanay.kz/kz/success-stories/9>
32. https://forbes.kz/auto/milliard_izpodnesnoy_1559558183/; <https://www.zakon.kz/ekonomika-biznes/6410309-smagulov-rasskazal-pochemu-nebudet-kazahstanskogo-brenda-avtomobilya.html>
33. <https://exclusive.kz/k-chemu-vedet-kitajskoe-vtorzhenie-v-avtoprom/>
34. https://www.inform.kz/ru/kitayskie-avtomobili-v-kazahstane-stoit-li-pokupat_a4011666

References

1. Babaev, K. V., Sazonov, S. L., & Ilyinskaya, I. D. (2023). Razvitiye avtomobilnoi promyshlennosti KNR i ee perspektivy na mezhdunarodnom rynke [Development of the Automotive Industry of the PRC and Its Prospects in the International Market]. *Etap: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, (3), 21-38.
2. Tang, R. (2009). The rise of China's auto industry and its impact on the US motor vehicle industry. URL: <https://ecommons.cornell.edu/items/9855c41c-0ee0-4576-8520-68a1e5a80e95> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
3. URL: <https://www.oica.net/category/production-statistics/2022-statistics/> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
4. Dunaway, J., & Graber, D. A. (2022). *Mass media and American politics*. Cq Press; Steven H. Chaffee & Stacey Frank Kanihan (1997) *Learning about Politics from the Mass Media*, *Political Communication*, 14(4), 421-430, DOI: 10.1080/105846097199218.

5. Faggiano, M. P. (2022). Content Analysis in Social Research: A Methodological Point of View. In *Content Analysis in Social Research* (pp. 7-57). Brill.
6. Kolbe, R. H., & Burnett, M. S. (1991). Content-analysis research: An examination of applications with directives for improving research reliability and objectivity. *Journal of consumer research*, 18(2), 243-250.
7. Zhongguo zhengfu wang, Li Keqiang yinian lai san jian Masimofu, Zhongha chan neng hezuo ruhe "bubugao" [Chinese Government Network, Li Keqiang Met Masimov Three Times in One Year, How Is China-Kazakhstan Capacity Cooperation "Getting Higher"] 2015.12.15; Zhonghua Renmin Gongheguo waijiaobu xinwen wang, Li Keqiang tong Hasakesitan zongli Masimofu juxing huitan jue ding quanmian kaizhan chan neng hezuo bing tuidong qude zhongyao chengguo [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China News Network, Li Keqiang Held Talks with Kazakhstan's Prime Minister Masimov, Decided to Fully Develop Capacity Cooperation and Promote Important Achievements] 2015.04.03.
8. Zhonghua Renmin Gongheguo zhongyang zhengfu, Li Keqiang "xuanfeng" fangwen Hasakesitan, weile zhe jian shi [Central Government of the People's Republic of China, Li Keqiang "Whirlwind" Visit to Kazakhstan, For This Matter] 2016.11.04.
9. Zhonghua Renmin Gongheguo shangwu bu, Yiqing zhixia Hasakesitan qiche shichang chixu zou gao [Ministry of Commerce of the People's Republic of China, Kazakhstan's Auto Market Continues to Rise Amid the Epidemic] 2020.12.24; Zhonghua Renmin Gongheguo shangwu bu, Qiche hangye chengwei Hasakesitan jingji xin de zengzhang dian [Ministry of Commerce of the People's Republic of China, The Automotive Industry Becomes a New Growth Point in Kazakhstan's Economy] 2021.01.03.
10. Zhonghua Renmin Gongheguo shangwu bu, Hasakesitan jihua 2023 nian jiang qiche nian chanliang tisheng dao 13.5 wan liang [Ministry of Commerce of the People's Republic of China, Kazakhstan Plans to Increase Annual Car Production to 135,000 Units in 2023] 2022.12.10.
11. Zhonghua Renmin Gongheguo shangwu bu, Hasakesitan jihua 2023 nian jiang qiche nian chanliang tisheng dao 13.5 wan liang [Ministry of Commerce of the People's Republic of China, Kazakhstan Plans to Increase Annual Car Production to 135,000 Units in 2023] 2022.12.10; Zhonghua Renmin Gongheguo shangwu bu, 1-9 yue Hasakesitan qiche chanliang tongbi zengzhang 39.2% [Ministry of Commerce of the People's Republic of China, Kazakhstan's Car Production Increased by 39.2% Year-on-Year in January-September] 2023.11.03.
12. Wangyi wang, Weilai san nian Ha guo qiche chanliang 50 wan liang/nian | Zongtong yaoqiu Zhongguo gongsi jinxing chanye touzi [NetEase, In the Next Three Years, Kazakhstan's Car Production Will Reach 500,000 Units/Year | The President Urges Chinese Companies to Invest in the Industry] 2023.05.20.
13. Silu xin guan cha, Zhongguo qiche changxiao Zhongya, yuanyin you san [Silk Road New Observation, Chinese Cars Are Popular in Central Asia for Three Reasons] 2023.02.17.
14. Zhonghua Renmin Gongheguo guojia fazhan he gaige weiyuanhui, Shinian gongjian jie shuoguo, xieshou gongjin xiang weilai, zhashi tuijin gao zhiliang gongjian "Yidai Yilu" xingwen zhiyuan [National Development and Reform Commission of the People's Republic of China, Ten Years of Joint Construction Has Yielded Fruitful Results, Working Together Towards the Future, Steadily Promoting the High-Quality Joint Construction of the "Belt and Road"] 2023.09.08.
15. Hasakesitan guoji tongxunshe, Tuo Ka ye fu zongtong wei Zhongya-Zhongguo hezuo zhiming fangxiang [Kazakhstan International News Agency, President Tokayev Points the Way for Central Asia-China Cooperation] 2023.05.19.
16. Silu xin guan cha, "Yidai Yilu" shinian: Hasakesitan shouhuo naxie shishizai zai de haochu? [Silk Road New Observation, "Belt and Road" Ten Years: What Practical Benefits Has Kazakhstan Reaped?] 2023.01.24.
17. Jac guanwang, Gongjian "Yidai Yilu" jinru xin jieduan, Jianghuai qiche

chenggong canyu shougou Hasakesitan zui da qiche gongye jituan [Jac Official Website, The Joint Construction of the "Belt and Road" Has Entered a New Stage, JAC Motors Successfully Participated in the Acquisition of Kazakhstan's Largest Automotive Industry Group] 2019.05.22; Jac guanwang, Quan fangwei duiwai kaifang, Jianghuai qiche zuo de dou ting hao! [Jac Official Website, Fully Open to the Outside World, JAC Motors Is Doing Very Well!] 2019.03.14; Jac guanwang, "Yidai Yilu" shang de Jiangqi jituan | Jiangqi jituan zhuli Hasakesitan qiche gongye [Jac Official Website, JAC Group on the "Belt and Road" | JAC Group Assists Kazakhstan's Automotive Industry] 2023.10.20.

18. Xinhuashe, Jianding zizhu chuangxin, jiakuai xinnengyuan zhuanxing, dacao juyou quanqiu jingzhengli de Zhongguo qiche pinpai [Xinhua News Agency, Firmly Independent Innovation, Accelerate New Energy Transformation, and Build a Globally Competitive Chinese Automobile Brand] 2023.09.03; Zhongguo xinwenwang, Zhongguo xinnengyuan qiche jiakuai zouxiang Zhongya [China News Network, Chinese New Energy Vehicles Accelerate to Central Asia] 2023.06.26.
19. URL: <https://astana-motors.kz/ru/production/multibrendoviy-zavod-kitayskih-avtomobiley-4> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
20. URL: <https://exeed.kz/ru/news/72/> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
21. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/astana-motors-lokalizuet-avtokomponenty> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
22. URL: <https://kstnews.kz/newspaper/710/item-48068> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
23. URL: https://forbes.kz/auto/k_2025_godu_saryiarkaavtoprom_planiruet_vyipuskat_125_tyis_avtomobiley_v_god (data obrashcheniya: 12.03.2024).
24. URL: <https://rus.azattyq.org/a/chinas-growing-involvement-kazakhstan-interview-jonathan-hillman/30414222.html> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
25. URL: <https://kz.kursiv.media/2023-07-04/lbrt-avtozavod/> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
26. URL: <https://orda.kz/narushili-vse-procressualnye-normy-kak-v-sude-zashhishhayut-vosmeryh-top-menedzherov-aziya-bipek-avto/> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
27. URL: https://www.inform.kz/ru/avtomobil-naya-promyshlennost-kazahstana-razvitie-i-perspektivy_a3616372 (data obrashcheniya: 12.03.2024).
28. URL: <https://autoreport.kz/opinion/uroven-lokalizacii-avtomobilej-kazahstanskoj-sborki-dostigaet-50> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
29. URL: <https://rus.azattyq.org/a/31346077.html> (data obrashcheniya: 12.03.2024); URL: <https://rus.azattyq.org/a/31346077.html> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
30. URL: <https://liter.kz/chery-changan-haval-eti-marki-avto-budut-proizvodit-na-multibrendovom-zavode-v-almaty-1663423148> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
31. URL: <https://orda.kz/kazahstan-obedinil-treh-liderov-kitajskogo-avtoproma-na-odnom-zavode/>; URL: <http://investinkostanay.kz/kz/success-stories/9> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
32. URL: https://forbes.kz/auto/milliard_izpodnebesnoy_1559558183/; URL: <https://www.zakon.kz/ekonomika-biznes/6410309-smagulov-rasskazal-pochemu-ne-budet-kazahstanskogo-brenda-avtomobilya.html> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
33. URL: <https://exclusive.kz/k-chemu-vedet-kitajskoe-vtorzhenie-v-avtoprom/> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
34. URL: https://www.inform.kz/ru/kitayskie-avtomobili-v-kazahstane-stoit-li-pokupat_a4011666 (data obrashcheniya: 14.03.2024).

Материал поступил в редакцию 12.03.2024

МРНТИ:
06.54.07
02.41.21

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ КАК АТТРАКТОР ЭВОЛЮЦИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Владимир Дунаев¹
Шолпан Джаманбалаева^{2*}
Валентина Курганская³

¹ Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, e-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz

² Заместитель Генерального директора Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор социологических наук, профессор, e-mail*: dsholpan1971@gmail.com

³ Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, e-mail: vkurganskaya@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-2.06>

Аннотация. Под технологической сингулярностью понимается приобретение техносферой качества самоорганизации, самоуправления – своего рода трансформация техносферы в ноосферу. Суть концепции технологической сингулярности заключается в том, что такие процессы и события, как цифровизация, создание общего искусственного интеллекта, развитие робототехники, успехи геномной инженерии, совершенствование конвергентных НБИКС-технологий, интеграция человеческого организма и интеллекта с техникой и т.д. с фатальной неизбежностью повлекут за собой фазовый переход к качественно новому уровню реальности. Аттрактором этой эволюции цифрового мира и выступает технологическая сингулярность. Необычность этого аттрактора заключается в том, что актуально, эмпирически он отсутствует, но вместе с тем (по мнению авторов и сторонников концепции технологической сингулярности) необходимость его появления определяет траектории встраивания цифровых технологий в природные и социальные процессы, играет роль регулятивной идеи для большинства концептуальных

моделей развития цифрового общества.

В статье проводится философский и теоретико-методологический анализ принципиальных аспектов концепции технологической сингулярности, а также рассматриваются последствия оборачивания её выводов и положений в область социально-политического процесса.

Ключевые слова: цифровизация, сингулярность, технология, риски, саморегуляция, постгуманизм, постчеловек.

ТЕХНОЛОГИЯЛЫҚ СИНГУЛЯРЛЫҚ ЦИФРЛЫҚ ҚОҒАМ ЭВОЛЮЦИЯСЫНЫҢ АТТРАКТОРЫ РЕТІНДЕ

Владимир Дунаев¹, Шолпан Джаманбалаева^{2*}, Валентина Курганская³

¹ ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz

² ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтын Бас директордың ғылым жөніндегі орынбасары, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, e-mail*: dsholpan1971@gmail.com

³ ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: vkurganskaya@mail.ru

Аңдатпа. Технологиялық сингулярлық дегеніміз – техносфераның өзін-өзі ұйымдастыру, өзін-өзі басқару сапасын игеруі-техносфераның ноосфераға айналуының бір түрі. Технологиялық сингулярлық тұжырымдамасының мәні мынада: цифрландыру, жалпы жасанды интеллект құру, робототехниканы дамыту, гендік инженерияның жетістіктері, конвергентті НБИКС-технологияларды жетілдіру, адам ағзасы мен интеллектті техникамен интеграциялау және т.б. сияқты процестер мен оқиғалар шынайылықтың сапалы жаңа деңгейіне фазалық көшуге әкеледі. Бұл цифрлық Әлем эволюциясының аттракторы технологиялық сингулярлық болып табылады. Бұл аттрактордың ерекшелігі-бұл өзекті, эмпирикалық тұрғыдан жоқ, дегенмен (авторлар мен технологиялық сингулярлық тұжырымдамасын жақтаушыларының пікірінше) оның пайда болу қажеттілігі цифрлық технологияларды табиғи және әлеуметтік процестерге енгізу траекториясын анықтайды, цифрлық қоғам дамуының көптеген тұжырымдамалық модельдері үшін реттеуші идея рөлін атқарады.

Мақалада технологиялық сингулярлық тұжырымдамасының негізгі аспектілеріне философиялық және теориялық-әдіснамалық талдау жасалады, сонымен қатар оның тұжырымдары мен ережелерін әлеуметтік-саяси процесс саласына айналдырудың салдары қарастырылады.

Түйін сөздер: цифрландыру, сингулярлық, технология, тәуекелдер, өзін-өзі реттеу, постгуманизм, постадам.

TECHNOLOGICAL SINGULARITY AS AN ATTRACTOR FOR THE EVOLUTION OF DIGITAL SOCIETY

Vladimir Dunaev¹, Sholpan Dzamanbalayeva^{2*}, Valentina Kurganskaya³

¹ Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophy Sciences, Professor, e-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz

² Deputy General Director of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the National Science Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sociological Sciences, Professor, e-mail*: dsholpan1971@gmail.com

³ Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophy Sciences, Professor, e-mail: vkurganskaya@mail.ru

Abstract. Technological singularity is understood as the acquisition by the techno-sphere of the quality of self-organization, self-government - a kind of transformation of the techno-sphere into the noo-sphere. The essence of the concept of technological singularity lies in the fact that such processes and events as digitalization, the creation of general artificial intelligence, the development of robotics, the success of genetic engineering, the improvement of convergent NBICS technologies, the integration of the human body and intelligence with technology, etc. will fatally inevitably entail a phase transition to a qualitatively new level of reality. The technological singularity is the attractor of this evolution of the digital world. The uniqueness of this attractor lies in the fact that it is relevant, empirically absent, but at the same time (according to the authors and proponents of the concept of technological singularity) the need for its appearance determines the trajectories of embedding digital technologies in natural and social processes, plays the role of a regulatory idea for most conceptual models of the development of a digital society.

The article provides a philosophical, theoretical, and methodological analysis of the fundamental aspects of the concept of technological singularity, and examines the consequences of wrapping its conclusions and provisions in the field of socio-political process.

Keywords: *digitalization, singularity, technology, risks, self-regulation, posthumanism, posthuman.*

Введение

Цифровые технологии, стремительно ворвавшиеся в последние десятилетия XX века во все сферы жизни общества, стали точкой отсчёта перехода к новой модели мира. Аттрактором этого фазового перехода выступает феномен технологической сингулярности. В парадигме современных междисциплинарных исследований под аттрактором понимается некая точка, линия, подмножество внутреннего пространства самоорганизующейся системы, притягивающие к себе все возможные траектории её эволюции. «...Когда мы говорим о технологической сингулярности, мы, конечно, говорим о некотором таком событии-складке, которое формируется в пределах цифровой революции» [1], но, сформировавшись,

становится её аттрактором.

Сингулярность – это точка перехода на новую траекторию эволюции, к новому агрегатному состоянию, к качественно новому состоянию системы. Переход системы к новому типу саморегуляции, или появление в ней нового уровня организации трансформирует все генетически предшествующие, ранее сложившиеся элементы и структуры. В фазовом переходе происходит становление нового состояния реальности, а также сдвиг, семантические мутации, качественное преобразование всех категорий, законов, принципов её восприятия и осмысления. Цифровая трансформация ведёт к образованию сложных конструкций информационной и нормативной среды, искусственной и смешанной генеалогии с множеством возможностей и патологий и растущим уровнем неопределённости. «Все старые модели мира, возможно даже некоторые физические законы должны будут остаться в части «до» сингулярности; в новом же мире «после» будут построены новые модели, многие из которых будут непонятны человеку» [2, с. 75].

Многие исследователи процессов цифровизации рисуют довольно мрачные перспективы её воздействия на человечество вследствие необратимо деградирующей (с той или иной интенсивностью) антропосферы. Вместе с тем они призывают «формировать у растущих поколений реалистичное мировоззрение, необходимое для вывода планетарной цивилизации на оптимальные, хотя и далеко не безоблачные сценарии развития» [3, с. 122].

Методология и методы исследования

Своеобразный алгоритм деконструкции концептуального каркаса картины мира модерна и его перевода в понятия картины мира, строящейся в парадигме сингулярности, предложен рядом направлений междисциплинарных исследований: синергетикой, нелинейной динамикой, теорией диссипативных структур. В синергетике описывается особый тип эволюции открытых нелинейных систем с положительной обратной связью – режим с обострением. Возрастание сложности ускоряет эволюцию, сокращая стадии фазовых переходов. Концепция технологической сингулярности является экстраполяцией эмпирической кривой экспоненциального ускорения темпов технического развития. В этом контексте следует рассматривать релевантность методов, или даже методологических паттернов философского анализа феномена сингулярности. Фундаментом методологического инструментария может служить система парадигм классической, неклассической и постнеклассической научной рациональности. Базовые характеристики цифрового общества и технологической сингулярности как аттрактора его эволюции раскрываются на основе применения междисциплинарной методологии синергетики как парадигмы постнеклассического типа рациональности, как метода нелинейного моделирования процессов самоорганизации сложных динамических систем.

Результаты исследования и их обсуждение

Феномен сингулярности

Обострённый интерес к феномену сингулярности возник во многом благодаря известной статье профессора математики и писателя-фантаста Вернора Винджа «Грядущая технологическая сингулярность. Как выжить в постчеловеческую эпоху» [4], а также книге технического директора Google, сооснователя (наряду с руководителем корпорации Google Ларри Пейджем) Университета Сингулярности, одного из ведущих идеологов трансгуманизма Рэймонда Курцвейля [5]. В. Виндж полагает, что создание искусственного интеллекта, намного превосходящего возможности человеческого, коренным образом изменит мир. Возникновение этого постчеловеческого мира В. Виндж характеризует как грядущую технологическую сингулярность. «Это та самая точка, где наши прежние модели перестают работать и в свои права вступает новая реальность» [4, с. 9]. Р. Курцвейл даёт следующее определение сингулярности: «Singularity – это английское слово, означающее уникальное в своём роде событие с крайне специфическими последствиями. Это слово используется математиками для обозначения значения, которое превосходит любое конечное ограничение, такое как взрывообразный рост величины, который возникает при делении константы на переменную, значение которой всё больше приближается к нулю» [5, р. 22]. Р. Курцвейл отобразил основные вехи глобального макроэволюционного развития с помощью гиперболической кривой ускорения сдвига парадигм или частоты фазовых переходов, описываемой уравнением с явно выраженной математической сингулярностью. Различные версии этой кривой [5, р. 17, 20] и являются построением графика «Обратного отсчёта времени до Сингулярности».

Согласно этому графику, в период около 2030 г. произойдёт ускорение технологического развития на несколько порядков, а около середины XXI века кривая превратится в вертикаль. То есть скорость технологического прогресса устремится к бесконечности, а интервалы между фазовыми переходами – к нулю. В этой точке фазового перехода возникает принципиально новая реальность, новая фаза эволюции, кардинально изменяющая все аттракторы, все правила и законы развития. Вся предыдущая история культур и цивилизаций «схлопнется» в одну точку, и станут ненужными все выработанные человечеством формы организации жизнедеятельности – политика, экономика, право, мораль, и все фундаментальные принципы и ценности.

Разумеется, не следует излишне доверчиво воспринимать математические выкладки, основанные на экстраполяции в будущее обозначившихся тенденций глобальной макроэволюции. Принципиальный смысл имеет утверждение Р. Курцвейля о том, что наступление эры технологической сингулярности столь же неотвратимо, как восход солнца. Таким образом, особенностью картины мира, формирующейся в парадигме технологической сингулярности, является детерминированность этой картины будущим и имманентной логикой эволюции техники.

«Сингулярность указывает на то, что в реальности должен появиться

новый феномен, новый процесс, для описания которого необходима другая логика» [2, с. 63]. В математике сингулярностью называется точка, в которой функция стремится к бесконечности, а решение уравнения становится неопределённым. В астрофизике сингулярность обозначает состояние Вселенной в момент Большого взрыва, а также феномен чёрных дыр – точек сингулярности пространства (его бесконечно возрастающей кривизны) и времени. Картину мира современной физики невозможно построить без сингулярностей – зон, в которых физика становится совершенно иной.

Под технологической сингулярностью подразумевается подготовленное экспоненциальным ростом передовых технологий наступление такого момента, когда технический прогресс переходит на стадию возникновения положительной обратной связи. В астрофизике используется понятие сфера Шварцшильда или Горизонт событий – поверхность сферической области вокруг чёрной дыры, в которой силы гравитации не позволяют никаким сигналам достичь внешнего наблюдателя. Дальнейшее развитие техносферы, согласно концепции технологической сингулярности, происходит за горизонтом событий, становится недоступно пониманию и контролю человека. Техноэволюция совершается по модели «многоступенчатой непредсказуемости», которая, например, описывает динамическую кривую «взрыва в культуре» (Ю.М. Лотман) [6, с. 186].

Широкое распространение идеи сингулярности получили в философии постмодерна. Сингулярность – один из важнейших концептов в тексте Ж. Делёза «Логика смысла». Логика смысла формируется распределением особых событий – сингулярностей – во взаимодействии серий означающих и означаемого. Сингулярность – это событие в его единичности, уникальности, неповторимости, не поддающихся описанию номотетическими методами. Сингулярности или «идеальные события» – это «поворотные пункты и точки сгибов; узкие места, узлы, преддверия и центры; точки плавления, конденсации и кипения; точки слёз и смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния...» [7, с. 80].

Переход к новому типу философии определяется как «сингулярный зигзаг» платонизма: «Только события идеальны. Пересмотр платонизма означает, прежде всего и главным образом, замену сущностей на события как потоки сингулярностей» [7, с. 82]. В соответствии с этим принципом картина мира выстраивается как трансцендентальное поле, «кишащее» безличными, до-индивидуальными сингулярностями. Это поле не имеет формы сознания, а потому не определяется формой Я или синтетическим единством апперцепции. Трансцендентальное поле необходимо очистить от следов подобия сознанию и когито – такова задача философии. Тем самым концепция сингулярности является способом преодоления альтернативы метафизики и трансцендентальной философии, поскольку преодолевает их общую предпосылку. В обновлённой философии субъектом «странного дискурса» смысла как события, а не как предиката или свойства, «выступает свободная, анонимная и номадическая сингулярность» [7, с. 151].

Технологическая сингулярность

Технологическая сингулярность является экстраполяцией имманентной логики лавинообразного развития конвергентных NBICS-технологий. NBICS-технологии, согласно установкам трансгуманизма, решают задачу совершенствования или преобразования не только среды обитания человека (environment), но и его природы, сущности. Ведущая роль в этом мегапроекте преобразования цивилизации отводится конвергенции прорывных естественнонаучных (Hi-tech) и социогуманитарных (Hi-Hume, Human Enhancement Technologies) технологий, поскольку именно человек объявляется целью и основным объектом приложения конвергирующих технологий. При этом парадоксальным образом применение Human Enhancement Technologies как технологий управляемой биосоциальной эволюции человека, направленных на расширение его физических и умственных возможностей, продление жизни, избавление от болезней и т.д., вплоть до технологий практического иммортализма (Р. Курцвейл прогнозирует появление этих технологий в середине текущего столетия [5, p. 236]), «соответствует новой стадии развития человеческой цивилизации – трансгуманизму» [7, с. 34], то есть постчеловеческой цивилизации.

Планетарное господство (М. Хайдеггер) высоких естественнонаучных и социально-гуманитарных технологий идеологически легитимизируется трансгуманизмом. Причины, по которым биотехнологии Human Enhancement рассматриваются в парадигме трансгуманистического дискурса [9], кроются в том, что из задач усовершенствования человека, как и в целом из философско-мировоззренческого фундамента конвергентных технологий, изымается духовно-онтологическая доминанта. Алгоритмы и математические матрицы не содержат в себе этических измерений и импликаций, как и те структуры, которые этими алгоритмами формируются. Тем самым цифровые технологии превращаются в субстанцию-субъект становления пост- или трансгуманистического мира, фазового перехода человеческой истории и цивилизации в постчеловеческий формат.

К. Шваб и Н. Дэвис пишут: «Границы между технологиями и человеческими существами размываются» [10, с. 91]. Трансгуманизм связывает наступление постчеловеческого будущего с технологической сингулярностью. Техногуманизм предполагает взаимообусловленность, конвергенцию техноэволюции с духовным развитием человека. Но тем самым утверждается их изначальная, сущностная гетерономия.

По поводу именно такого рода концепций М. Хайдеггер утверждает: слепыми к существу техники мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней нечто нейтральное – нейтральное по отношению к мировоззрению, этике, духовности [11, с. 221]. Вместе с тем та же тенденция к обретению автономии и утверждению техникой своего собственного, имманентного «логоса», теоретическим освоением и практической реализацией которого выступает научно-технологический прогресс, расценивалась адептами технократии как уникальная возможность внесения порядка в социальную и политическую сферы.

На парадигме транс- и постгуманизма вырастают соответствующие философские концепции: не/человеческие философии: спекулятивный

реализм Ника Ланда и Реза Негарестани, не-философия Франсуа Ларюэля, спекулятивный реализм Квентина Мейясу и Грэма Хармана, Новый реализм М. Феррариса, доминирующие в современной западной философии объектно-ориентированные онтологии с их идеей освобождения мира от людей для открытия мира объектов как таковых.

Р. Негарестани говорит о «полной уместности инжиниринга в отношении философии» [12], о переработке фундаментальных философских вопросов в инжиниринговые проблемы. На этом основании вся история философии, в особенности немецкая классическая философия, может и должна рассматриваться как разработка программы создания искусственного интеллекта. Однако реализация этой установки грозит обернуться демонстрацией философской несостоятельности картины мира, выстраиваемой в парадигме объектно-ориентированной онтологии.

Метафизический план восприятия техники как имеющей в своих истоках нечто нуминозное, священно-опасное, демоническое возник едва ли не вместе с самим феноменом техники. Аналогично тому, как сетования на падение общественной нравственности возникли чуть ли не с возникновением её самой. «Техника и те, кто ею занимаются, в древности не пользовались доброй славой» [13, с. 258]. В традиционном обществе технические нововведения принимались или отвергались не по критериям технико-экономической целесообразности, но на основании того, интегрировались ли они в установившиеся рамки сословной стратификации и цеховых моральных кодексов, или выходили за эти границы.

Технологические тренды и цифровое неравенство

В наше время ситуация изменилась. «В быстро меняющемся мире технологий быть на шаг впереди имеет решающее значение как для бизнеса, так и для частных лиц» [14], – считает аналитик А. Сони. По его прогнозу в 2024 году 10 преобразующих тенденций будут формировать ландшафт технологической индустрии (таблица 1) [14]:

Таблица 1. Технологические тренды 2024 года

№	Технологии	Сферы применения
1	Эволюция искусственного интеллекта (ИИ)	Искусственный интеллект продолжает лидировать в технологических достижениях. В 2024 году мы можем ожидать дальнейшего развития ИИ, расширения его возможностей в области обработки естественного языка, распознавания изображений и решения проблем. Интеграция ИИ в различные отрасли, от здравоохранения до производства, приведёт к повышению эффективности и инновационным решениям.
2	Расширение и интеграция 5G	Развёртывание сетей 5G будет продолжать расширяться, обеспечивая более быстрое и надёжное соединение. Увеличение пропускной способности и снижение задержки 5G откроют двери для широкого внедрения таких технологий, как дополненная реальность (AR), виртуальная реальность (VR) и Интернет вещей (IoT), что произведёт революцию в том, как мы взаимодействуем с цифровым миром.

3	Революция децентрализованных финансов (DeFi)	Децентрализованные финансы, или DeFi, призваны разрушить традиционные финансовые системы. Технология блокчейн обеспечивает децентрализованные и прозрачные финансовые услуги, включая кредитование, заимствования и торговлю, без необходимости использования традиционных банковских посредников. Ожидается, что революция DeFi демократизирует доступ к финансовым услугам во всём мире.
4	Интеграция расширенной реальности (XR)	Расширенная реальность, включающая дополненную реальность (AR), виртуальную реальность (VR) и смешанную реальность (MR), станет более интегрированной в нашу повседневную жизнь. От захватывающих игровых возможностей до виртуального сотрудничества на рабочем месте – технологии XR будут продолжать стирать границы между физической и цифровой сферами.
5	Инновации в области кибербезопасности	По мере развития технологий растут и угрозы кибербезопасности. В 2024 году повышенное внимание будет уделяться инновационным решениям в области кибербезопасности, включая обнаружение угроз на основе искусственного интеллекта, протоколы безопасности на основе блокчейна и архитектуры с нулевым доверием. Поскольку киберугрозы становятся всё более изощрёнными, для защиты цифровых активов необходимы превентивные меры.
6	Достижения в области квантовых вычислений	Квантовые вычисления находятся на грани прорыва. Обладая потенциалом решать сложные проблемы в геометрической прогрессии быстрее, чем классические компьютеры, квантовые вычисления будут играть ключевую роль в таких областях, как криптография, открытие лекарств и проблемы оптимизации. Следует ожидать значительных успехов в исследованиях и разработках в области квантовых вычислений в 2024 году.
7	Периферийные вычисления для обработки в реальном времени	Периферийные вычисления, которые предполагают обработку данных ближе к источнику, а не полагаются на централизованные облачные серверы, будут приобретать всё большее значение. Эта тенденция важна для приложений, требующих обработки в реальном времени, таких как автономные транспортные средства, умные города и устройства IoT. Периферийные вычисления сокращают задержки и повышают эффективность задач с интенсивным использованием данных.
8	Устойчивые технологические решения	Устойчивость развития вызывает растущую озабоченность, и технологии не застрахованы от этого сдвига. В 2024 году будет уделяться повышенное внимание разработке экологически чистых технологических решений. От энергоэффективных центров обработки данных до экологически чистых продуктов – технологическая отрасль будет стремиться минимизировать свой углеродный след.
9	Интеграция робототехники и автоматизации	Интеграция робототехники и автоматизации в различные отрасли будет продолжать свой рост. От производства и логистики до здравоохранения и обслуживания клиентов – роботы и автоматизированные системы расширят человеческие возможности, что приведёт к повышению эффективности и производительности.

10	Расширение цифрового здравоохранения и телемедицины	Пандемия COVID-19 ускорила внедрение решений в области цифрового здравоохранения, и эта тенденция сохранится в 2024 году. Телемедицина, носимые медицинские технологии и диагностика на основе искусственного интеллекта будут играть решающую роль в предоставлении доступных и персонализированных медицинских услуг.
----	---	---

Источник: составлено авторами по [14].

Страны мирового сообщества имеют большой технологический разрыв, обусловленный цифровым неравенством, которое ограничивает доступ к новым технологиям. На аналитической платформе Analytics Insight выделены 10 стран, которые опередили другие страны в области искусственного интеллекта в различных сферах, поскольку вкладывали большие средства в его развитие: Китай, США, Великобритания, Канада, Россия, Германия, Норвегия, Швеция, Франция, Индия [15].

Несмотря на успешное продвижение Казахстана по пути цифровизации, в стране сохраняется цифровое неравенство. Социологическое исследование социальной структуры казахстанского общества, проведённое в 2022 году ТОО «BRIF Research Group» по заказу Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, показало, что цифровое неравенство становится для отдельных страт казахстанского общества критичным, поскольку всё больше видов социального взаимодействия на всех уровнях (человек-человек, человек-организация, человек-государство, организация-государство и т.д.) переводятся в онлайн пространство. Образование, повышение квалификации, доступ к различным информационным каналам, особенно после локдаунов, стали возможны только через цифровые платформы и сервисы.

Существующее цифровое неравенство влияет и на изменение социальной стратификации внутри социума: неравный доступ и неравное владение цифровыми технологиями из-за нехватки инфраструктуры, отсутствия гаджетов и оборудования, знания и навыков в использовании цифровых гаджетов и технологий ограничивает экономические, культурные, образовательные возможности людей и выталкивает их в ряды бедных. Поэтому владение цифровыми технологиями становится жизненной необходимостью.

«Я даже не знаю, есть ли в этом какое-то неравенство, потому что, в принципе, этим нужно просто владеть. Если говорить про цифровые технологии, то молодёжь сейчас этим владеет лучше. Цифровые технологии доступнее людям интеллектуального труда, нежели людям физического труда».

«Имеет место межпоколенческий разрыв в плане пользования гаджетами: людям пенсионного возраста тяжело даётся данная деятельность, в силу этого для них единственно верная и доступная информация – информация, которую транслируют по телевизору».

«В настоящее время, безусловно, доступ к Интернету и владение информационно-коммуникационными технологиями, программированием являются также возможностью социальных лифтов. Это очень важно в настоящее время».

Заключение (выводы)

Оценка технологических новаций как двигателя прогрессивных социальных перемен становится доминирующей с наступлением эпохи Просвещения. В конце XIX в. сформировались и идеологические установки консервативно-романтической, антимодернистской критики техники. Её главным аргументом было подчинение человека машине, превращение его в придаток и раба приобретающих автономию технологических процессов. Самопроизвольное развитие техногенной сферы, технологическая сингулярность, ведущая к апокалиптическому кошмару «бунта машин», – сюжет, бесконечное число раз обыгранный в книгах и фильмах в жанре science fiction. Разработка этого сюжета была не чужда и философии. Н.А. Бердяев предрекал: «Настанет время, когда будут совершенные машины, которыми человек мог бы управлять миром, но человека больше не будет. Машины сами будут действовать в совершенстве и достигать максимальных результатов. Последние люди сами превратятся в машины, но затем и они исчезнут за ненужностью» [16, с. 157].

Ни остановить технологический прогресс, ни обрести надёжных критериев избавления от рисков деструктивных последствий вмешательства технологий в природные и социальные процессы невозможно. Ценой веры в технологический прогресс является радикальность страха перед будущим, «футурошок» (О. Тоффлер). Юваль Ной Харари замечает: «Когда гениальная инженерия и искусственный интеллект раскроют весь свой потенциал, либерализм, демократия и свободные рынки могут так же выйти из употребления, как кремниевые ножи, ленточные магнитофоны, ислам и коммунизм» [17, с. 325]. Ведь системы искусственного интеллекта, знающее через обработку массива данных о нас всё лучше нас самих, смогут намного эффективнее, рациональнее управлять и нашим поведением как потребителя, и формированием наших политических взглядов и убеждений, чем правительства, свободные рынки, и чем мы сами. «Такие устройства, как Amazon Kindle, собирают сведения о своих пользователях, пока те читают. Ваш Kindle, например, запоминает, какие части книги вы прочитываете быстро, а какие медленно; на какой странице вы сделали перерыв и на каком месте перестали читать и больше не возвращались... как каждое прочитанное предложение повлияло на ваши пульс и давление. Он будет знать, что вас рассмешило, что опечалило и что разозлило. Очень скоро книги будут читать вас, пока вы читаете их. И если вы быстро забываете большинство деталей прочитанного, то Amazon не забудет никогда и ничего. Такая осведомлённость... позволит ему точно знать, кто вы и как вас включать и выключать» [там же, с. 403]. Попытка людей реализовать гуманистические идеалы и мечты посредством передоверия задач управления своими социальными отношениями алгоритмам высоких технологий («техногуманизм») подорвёт сами основы гуманизма как идеи автономии, свободного законодательства человека.

В сетях ИИ субъект конфигурируется «дэйта-детерминированной техноинфраструктурой», в которой архитектура принятия решений выстраивается в соответствии не с трансцендентальной моделью самоопределения

субъекта и репрезентации социально-политического мира, но подчинена алгоритмам исчисления вероятностей на основе выявления корреляций в массиве больших данных. «Некоторые люди пребывают в ужасе. Вместе с тем миллионы принимают происходящее с радостью. Уже сегодня многие из нас отказываются от своих конфиденциальности и индивидуальности, выставляя в интернете напоказ всю свою жизнь, записывая каждое своё действие и впадая в истерику, если связь на несколько минут прервалась. Переход прав от людей к алгоритмам совершается повсеместно, и не по постановлениям правительств, а в результате того выбора, который каждый день делают многие из нас» [там же]. Но монополизация технологической сингулярностью статуса единственного аттрактора социотехнической эволюции и адаптация человека, общества и государства к всезнающей и всемогущей системе цифровой обработки информации не являются фатально неизбежными. Поэтому в равной степени нет причин присоединяться ни к сотериологическим упованиям технократов, ни к апокалиптическим пророчествам технофобов.

В ряде своих работ, в том числе в докладе, посвящённом философии техники, М. Хайдеггер цитирует строки Гёльдерлина: «Но где опасность, там вырастает и спасительное» [11, с. 234]. Формирование картины мира, неуклонно стремящегося к точке технологической сингулярности, происходит и будет происходить под знаком неустранимой необходимости со вмещения этой поэтической сентенции с её инвертированной формой: «Оттуда, где видится спасительное, надвигается и опасность».

Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (BR21882302 «Казахстанский социум в условиях цифровой трансформации: перспективы и риски»).

Список литературы

1. Оксана Мороз. Технологическая и цифровая сингулярность // ПостНаука. 26.10.2017. URL: <https://postnauka.org/video/81694>
2. Соколов Ю.И. Экзистенциальный риск технологической сингулярности // Проблемы анализа риска. 2019. Т. 16. № 3. С. 62-77.
3. Назаретян А.П. Кошмары и надежды Сингулярности // Историческая психология и социология истории. 2018. № 2. С. 113-123. DOI: 10.30884/ipsi/2018.02.03
4. Виндж В.С. Сингулярность [сборник] / Вернор Виндж; [пер. с англ. М. Левина, В. Гришечкина]. М.: Издательство АСТ, 2019.
5. Kurzweil R. The Singularity Is Near. When Humans Transcend Biology. New York, 2005.
6. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, Издат. Группа «Прогресс», 1992.
7. Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. Theatrum philosophicum: Пер. с фр. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
8. Кричевский Г.Е. Введение в НБИКС-технологии // НБИКС – Наука. Технологии. 2017. № 1. С. 27-54.

9. Буйнякова И.С. Биотехнологии Human Enhancement в парадигме трансгуманистического дискурса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. № 44 (2). С. 294-304.
10. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвёртой промышленной революции. М.: Эксмо, 2022.
11. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 221-238.
12. Реза Негарестани: Философия Реинжиниринга // <https://s357a.blogspot.com/2018/12/blog-post.html>
13. Зиферле Р.П. Исторические этапы критики техники // Философия техники в ФРГ: Пер. с нем. и англ. / Составл. и предисл. Ц.Г. Арзаканяна и В.Г. Горохова. М.: Прогресс, 1989. С. 257-272.
14. Ashi Soni. Top 10 Strategic Technology Trends of 2024 // Analytics Insight. November 27, 2023. <https://www.analyticsinsight.net/top-10-strategic-technology-trends-of-2024/>
15. Smriti Srivastava. Top 10 Countries Leading the Artificial Intelligence Race // Analytics Insight. June 27, 2019. URL: <https://www.analyticsinsight.net/top-10-countries-leading-the-artificial-intelligence-race/>
16. Бердяев Н.А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147-162.
17. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018.

References:

1. Moroz, Oksana. "Tekhnologicheskaya i tsifrovaya singulyarnost' [Technological and Digital Singularity]." *PostNauka*, 26 October 2017, URL: <https://postnauka.org/video/81694/>(<https://postnauka.org/video/81694/>). (in Russian).
2. Sokolov, Yu.I. "Jekzistentsial'nyj risk tekhnologicheskoy singulyarnosti [The Existential Risk of Technological Singularity]." *Problemy analiza riska*, vol. 16, no. 3, 2019, pp. 62-77. (in Russian).
3. Nazaretyan, A.P. "Koshmary i nadezhdy Singulyarnosti [Nightmares and Hopes of Singularity]." *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, no. 2, 2018, pp. 113-123. DOI: 10.30884/ipsi/2018.02.03. (in Russian).
4. Vindzh, V.S. Singulyarnost' [Singularity]. Translated by M. Levina and V. Grishechkina, Izdatel'stvo AST, 2019. (in Russian).
5. Kurzweil, R. *The Singularity Is Near. When Humans Transcend Biology*. New York, 2005.
6. Lotman, Yu.M. *Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]*. Gnozis, Izdat. Gruppya «Progress», 1992. (in Russian).
7. Deleuze, J. *Logika smysla: [The Logic of Meaning]*. Translated by Foucault, M., *Theatrum philosophicum. Raritet, Delovaya kniga*, 1998. (in Russian).
8. Krichevskiy, G.E. "Vvedenie v NBIKS-tekhnologii [Introduction to NBIKS Technologies]." *NBIKS - Nauka. Tekhnologii*, no. 1, 2017, pp. 27-54. (in Russian).
9. Bujnyakova, I.S. "Biotekhnologii Human Enhancement v paradihme transgumanisticheskogo diskursa [Biotechnologies of Human Enhancement in the Paradigm of Transhumanistic Discourse]." *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, no. 44 (2), 2019, pp. 294-304. (in Russian).

10. Schwab, K., and Davis, N. Tekhnologii ChetvYortoj promyshlennoj revolyutsii. [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. Eksmo, 2022. (in Russian).
11. Heidegger, M.M. "Vopros o tekhnike [The Question of Technology]." In Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: Translated from German. Respublika, 1993, pp. 221-238. (in Russian).
12. Negarestani, Reza. "Filosofiya Reinzhiniringa [Philosophy of Reengineering]." URL: [<https://s357a.blogspot.com/2018/12/blog-post.html>] (<https://s357a.blogspot.com/2018/12/blog-post.html>). (in Russian).
13. Ziferle, R.P. "Istoricheskie jetapy kritiki tekhniki [Historical Stages of Criticism of Technology]." In Filosofiya tekhniki v FRG: Translated from German and English, edited by Ts.G. Arzakanyana and V.G. Gorokhova, Progress, 1989, pp. 257-272. (in Russian).
14. Soni, Ashi. "Top 10 Strategic Technology Trends of 2024." Analytics Insight, 27 November 2023. URL: <https://www.analyticsinsight.net/top-10-strategic-technology-trends-of-2024/>.
15. Srivastava, Smriti. "Top 10 Countries Leading the Artificial Intelligence Race." Analytics Insight, 27 June 2019. URL: <https://www.analyticsinsight.net/top-10-countries-leading-the-artificial-intelligence-race/>.
16. Berdyaev, N.A. "Chelovek i mashina. Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki [Man and Machine. The Problem of Sociology and Metaphysics of Technology]." Voprosy filosofii, no. 2, 1989, pp. 147-162. (in Russian).
17. Harari, Yu.N. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego. [Homo Deus. A Brief History of the Future]. Sindbad, 2018. (in Russian).

Материал поступил в редакцию 12.03.2024

НА ГОРИЗОНТЕ УСТОЙЧИВОСТИ: РОЛЬ ВОДОРОДА В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Айгерим Ибраева

Доктор PhD, международный университет «Астана»,
e-mail: aigerimibrayeva7@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-2.07>

Аннотация. Водородная энергетика представляет собой перспективное направление в области энергетической промышленности будущего. Статья представляет обзор исследований, в которых, анализируя актуальность развития водородной энергетике в мире и в Казахстане, выявляется ее значимость в контексте современных вызовов, таких как изменение климата, необходимость устойчивого развития и диверсификации энергетического сектора. Анализируется международный опыт внедрения водородной энергетике, с фокусом на США и Европейский союз. Рассматриваются национальные программы и проекты, разработанные для стимулирования развития водородных технологий, создания инфраструктуры и привлечения инвестиций. Основываясь на проведенном анализе, выделяются некоторые проблемные вопросы, которые требуют дальнейших исследований и разработок. Они включают в себя разработку более эффективных и экономически выгодных технологий производства водорода, создание надежной системы хранения и транспортировки, а также развитие соответствующего законодательства и политики. В заключении делаются рекомендации для развития водородной энергетике в Казахстане. Они включают в себя необходимость усиления международного сотрудничества, образовательных программ и информационных кампаний, а также поддержки со стороны правительств и финансовых организаций.

Ключевые слова: водородная энергетика, энергетическая промышленность, США, Европейский союз, национальные программы, устойчивое развитие, экологическое равновесие.

**ТҰРАҚТЫЛЫҚ КӨКЖИЕКТЕРІ: ӘЛЕМДІК
ЭНЕРГЕТИКАДАҒЫ СУТЕГІНІҢ РӨЛІ ЖӘНЕ ОНЫҢ
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ДАМУ БОЛАШАҒЫ**

Әйгерім Ібраева

PhD докторы, Астана халықаралық университеті, e-mail: aigerimibraeva7@gmail.com

Аңдатпа. Сутегі энергетикасы болашақтың энергетикалық өнеркәсібі саласындағы перспективалы бағытты білдіреді. Мақала Қазақстандағы және жалпы әлемдегі өзектілігін талдай отырып, зерттеулерге шолу жасайды, климаттың өзгеруі, энергетика секторын орнықты дамыту және әртараптандыру қажеттілігі сияқты қазіргі заманғы сын-қатерлер контекстінде сутегі энергетикасының маңыздылығы анықталады. АҚШ пен Еуропалық Одаққа назар аударып отырып, сутегі энергетикасын енгізудің халықаралық тәжірибесі талданады. Сутегі технологияларының дамуын ынталандыру, инфрақұрылым құру және инвестициялар тарту үшін әзірленген ұлттық бағдарламалар мен жобалар қарастырылуда. Жүргізілген талдауға сүйене отырып, қосымша зерттеулер мен әзірлемелерді қажет ететін кейбір проблемалық мәселелер ерекшеленеді. Олар тиімдірек және үнемді сутегі өндіру технологияларын әзірлеуді, сенімді сақтау және тасымалдау жүйесін құруды және тиісті заңнама мен саясатты дамытуды қамтиды. Мақаланың қорытындысында сутегі энергетикасын одан әрі дамыту бойынша ұсыныстар жасалады. Олар халықаралық ынтымақтастықты, білім беру бағдарламалары мен ақпараттық науқандарды, сондай-ақ үкіметтер мен қаржы ұйымдарының қолдауын күшейту қажеттілігін қамтиды.

Түйін сөздер: сутегі энергетикасы, энергетика өнеркәсібі, АҚШ, Еуропалық Одақ, ұлттық бағдарламалар, тұрақты даму, экологиялық теңестірілу.

HORIZONS OF SUSTAINABILITY: THE ROLE OF HYDROGEN IN THE WORLD ENERGY AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT IN KAZAKHSTAN

Aigerim Ibraeva

Doctor PhD, Astana International University, e-mail: aigerimibraeva7@gmail.com

Abstract. Hydrogen energy is a promising direction in the field of the energy industry of the future. The article presents a review of research, analyzing the relevance in Kazakhstan and in the world as a whole, reveals the importance of hydrogen energy in the context of modern challenges, such as climate change, the need for sustainable development and diversification of the energy sector. The international experience of the introduction of hydrogen energy is analyzed, with a focus on the USA and the European Union. National programs and projects designed to stimulate the development of hydrogen technologies, create infrastructure, and attract investment are being considered. Based on the analysis, some problematic issues are highlighted that require further research

and development. They include the development of more efficient and cost-effective hydrogen production technologies, the creation of a reliable storage and transportation system, as well as the development of appropriate legislation and policies. In conclusion, the article makes recommendations for the further development of hydrogen energy. They include the need to strengthen international cooperation, educational programs and information campaigns, as well as support from Governments and financial organizations.

Keywords: *hydrogen energy, energy industry, USA, European Union, national programs, sustainable development, ecological balance.*

Введение

В последние десятилетия энергетическая отрасль сталкивается с проблемами, связанными с исчерпанием традиционных источников энергии и растущими проблемами, связанными с изменением климата. В этом контексте водородная энергетика становится все более привлекательным и многообещающим направлением для энергетического сектора будущего. Водород обладает уникальными характеристиками, которые делают его привлекательным источником энергии, а также многообещающим вариантом для хранения и передачи энергии.

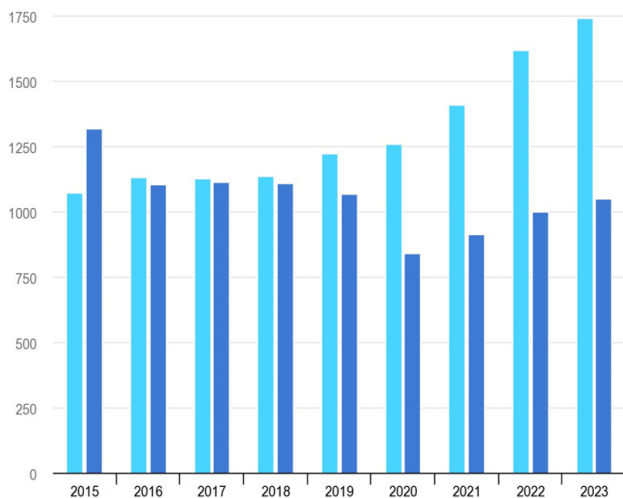
Целью данной статьи является комплексное исследование потенциала водородной энергетики и ее перспектив в энергетической отрасли будущего. Автор проводит анализ основных принципов, преимуществ и проблем, связанных с водородной энергетикой, а также рассматривает различные технологии производства и использования водорода. В статье также представлен обзор успешных проектов, демонстрирующих практическую реализацию водородной энергетики. Анализируются стратегии развитых стран и предлагаются рекомендации по дальнейшему развитию этой инновационной области.

Водород – самый распространенный химический элемент, но его использование в качестве источника энергии стало предметом широкого внимания только в последние годы. Водородная энергетика предлагает чистое и устойчивое решение для удовлетворения различных энергетических потребностей, основанное на производстве и использовании водорода в качестве энергоносителя. Одним из главных преимуществ водорода является его высокая плотность энергии и возможность производства с использованием возобновляемых источников энергии. Ожидается, что к 2023 году глобальные инвестиции в чистую энергетику вырастут до 2,8 трлн долларов США [1].

Согласно отчету МЭА «Мировые энергетические инвестиции за 2023 год», инвестиции в технологии экологически чистой энергетики значительно опережают расходы на ископаемое топливо, поскольку проблемы доступности и безопасности, вызванные глобальным энергетическим кризисом, увеличивают спрос на более устойчивые варианты. Ожидается, что ежегодные инвестиции в экологически чистую энергетику в период с 2021 по 2023 год вырастут на 24% за счет возобновляемых источников энергии и электромобилей, по сравнению с 15% увеличением инвестиций

в ископаемое топливо за тот же период [2].

Рисунок 1. Глобальные энергетические инвестиции в чистую энергетику и ископаемое топливо, 2015–2023 годы

Источник: <https://www.iea.org/data-and-statistics>

Однако, несмотря на высокий потенциал, водородная энергетика также сталкивается с рядом проблем, таких как сложность производства, хранения и транспортировки водорода, высокие затраты на инфраструктуру и технологии, а также необходимость разработки эффективных систем безопасности. Кроме того, важным аспектом развития водородной энергетики является разработка политических, правовых и экономических мер по содействию ее внедрению и расширению.

Несмотря на эти проблемы, мировое сообщество все чаще признает водородную энергетику важным направлением для достижения устойчивого развития и снижения воздействия на окружающую среду. Многие страны уже проводят активные исследования и инновационные проекты, направленные на развитие водородной энергетики и ее применение в различных отраслях промышленности, включая производство электроэнергии, транспорт и промышленность.

В свете этих обстоятельств целью нашего исследования является критическая оценка потенциала и перспектив водородной энергетики в энергетической отрасли, в частности в Казахстане. Мы рассмотрим технологические инновации, экономические факторы, политическую поддержку и регулирование, а также риски и вызовы, связанные с этим направлением развития. Наш анализ будет основан на широком спектре исследований: гайд интервью, научных статьях и практическом опыте, собранном из различных источников.

Методы и методология исследования

Статья основана на таких общенаучных методах, как абстрагирование, сравнительный анализ, синтез, аналогия, обобщение, формализация, систематизация, логический метод. Также было проведено гайд интервью, тематическое исследование и изучение вторичных источников, включая академические публикации, отчеты, монографии, книги, онлайн-статьи, веб-сайты международных организаций и предоставляемые ими базы данных, научная и специализированная литература, связанная с развитием водородной энергетики.

Обзор литературы

В настоящее время энергетическая отрасль сталкивается с рядом вызовов, требующих разработки новых источников энергии, способных обеспечить устойчивое развитие и снизить негативное воздействие на окружающую среду. В этом контексте водородная энергетика становится все более актуальной и перспективной областью исследований и разработок.

Первым фактором, определяющим актуальность водородной энергетики, является исчерпание традиционных ископаемых источников энергии, таких как нефть, газ и уголь. Эти ресурсы не только ограничены, но и связаны с серьезными проблемами для экологии, включая выбросы парниковых газов и изменение климата. Водород, как энергоноситель, является альтернативой традиционным ископаемым источникам, поскольку его производство основано на возобновляемых источниках энергии, таких как солнечная энергия и энергия ветра. Вторым важным аспектом актуальности водородной энергетики является ее потенциал в решении проблемы изменения климата. Водородная энергетика дает возможность сократить выбросы парниковых газов, поскольку при сжигании или использовании водорода в качестве топлива не выделяется углекислый газ или другие вредные вещества. Это может значительно снизить негативное воздействие на окружающую среду и способствовать достижению международных целей по сокращению выбросов парниковых газов. Третий аспект, подтверждающий актуальность водородной энергетики, связан с развитием новых технологий и инноваций. Водород предлагает широкий спектр возможностей для использования в различных отраслях промышленности, включая производство электроэнергии, транспорт, промышленность и даже энергоснабжение дома. Разработка новых технологий производства, хранения и использования водорода является активной областью исследований и инноваций. Водород может быть использован в топливных элементах для выработки электроэнергии, водородных двигателях для автомобилей, а также в процессах химического и промышленного синтеза. Эти технологии позволяют повысить энергоэффективность, сократить выбросы загрязняющих веществ и повысить независимость от нестабильных рынков ископаемого топлива. Кроме того, использование водорода в качестве энергоносителя может способствовать развитию новых инфраструктурных систем. Это включает в себя создание сетей заправочных станций для водородных автомобилей, систем хранения и транспортировки водорода, а также интеграцию водородной энергетики с существующими энер-

гетическими сетями.

Таким образом, в последние годы водородная энергетика привлекает все больше внимания исследователей, инженеров и экспертов в области энергетики. Анализ зарубежных источников, стратегий в энергетической сфере обусловлен исключительной необходимостью использования и внедрения водородной энергетике в качестве основного вида энергии. В исследовании «Возможности водородной экономики, затраты, барьеры и потребности в исследованиях и разработках» [4] авторы высоко оценили потенциал водородной энергетике для достижения устойчивого развития. Ими были изучены различные источники водорода, методы производства, транспортировки и использования, а также преимущества и ограничения используемых технологий. Результаты исследования показали, что водородная энергетика обладает значительным потенциалом для сокращения выбросов парниковых газов и диверсификации источников энергии.

Не менее интересным является обзор «Текущие и прогнозируемые разработки в области производства водорода: технологический обзор» [5], где авторы исследовали различные технологии производства водорода. В обзоре были рассмотрены такие методы, как паровой риформинг углеводородов, электролиз, солнечный и ветровой электролиз, биологическая ферментация и другие. Результаты показали, что существует широкий спектр технологий, способных эффективно производить водород, и выбор конкретного метода зависит от наличия ресурсов и экономической целесообразности.

В статье «Будущее водородной экономики: светлое или мрачное?» [6] более подробно рассматриваются проблемы и вызовы, связанные с развитием инфраструктуры для водородной энергетике. В этом обзоре исследователи обсудили такие вопросы, как создание инфраструктуры заправки, хранения и транспортировки водорода, а также безопасность его использования. В результате исследования были предложены решения и рекомендации по эффективному развитию инфраструктуры водородной энергетике.

В книге «Водородные топливные элементы для дорожных транспортных средств» [7] основное внимание уделяется использованию водорода в транспортном секторе. Авторы рассмотрели различные виды транспорта, включая автомобильный, авиационный, морской и железнодорожный транспорт, и оценили перспективы использования водорода в каждой области. Обсуждаются преимущества водородного транспорта, такие как нулевые выбросы и дальность поездки, а также такие проблемы, как ограниченная инфраструктура и высокие затраты. В результате подчеркиваются перспективы внедрения водородного транспорта и необходимость дальнейших исследований в этой области.

Эти исследования подтверждают растущий интерес к водородной энергетике и раскрывают ее потенциал для энергетической отрасли будущего. Они также освещают такие важные аспекты, как технологические инновации, экономическая целесообразность, инфраструктурные проблемы и применение в различных отраслях промышленности, которые требуют дальнейших исследований и разработок для успешного внедрения

водородной энергетики.

Российские ученые и инженеры также активно занимаются изучением и разработкой технологий, связанных с водородной энергетикой, и публикуют свои работы в научных журналах, издают учебные пособия. Основное внимание уделяется различным аспектам водородной энергетики, таким как методы производства, хранения, транспортировки водорода, его применение и инфраструктурные решения.

В.С. Литвиненко, П.С. Цветков, М.В. Двойников, Г.В. Буслаев в своей статье «Барьеры на пути реализации водородных инициатив в контексте устойчивого развития глобальной энергетики» анализируют различные барьеры, с которыми сталкиваются водородные инициативы, связанные с производством, хранением и транспортировкой водорода [8].

В.Н. Фатеев, С.А. Григорьев, Е.А. Серегина в работе «История развития водородной энергетики в СССР и России» рассматривают новые тенденции и перспективы развития водородной энергетики и обобщают основные достижения в области производства, хранения и транспортировки водорода, а также его применения в энергетике и других областях. Основное внимание уделяется аспектам применения наноматериалов и нанотехнологий [9].

Р.В. Радченко, А.С. Мокрушин, В.В. Тульпа в учебной литературе «Водород в энергетике» рассматривают методы получения водорода, его хранения и транспортировки, анализируют различные технологии и системы, используемые в этих процессах, их преимущества, недостатки и потенциал применения в энергетической отрасли [10].

Казахстанские ученые и эксперты также вносят свой вклад в исследование и развитие водородной энергетики, подчеркивая особенности и перспективы этого направления в Казахстане.

В работе «На пути к водородной экономике в Казахстане» (С. Жолдаякова и др.) [11] авторы анализируют перспективы водородной экономики в Казахстане, оценивают водородные технологии в национальном масштабе с акцентом на политические, технологические и экономические аспекты. Авторы оценивают потенциал Казахстана в производстве водорода, включая использование возобновляемых источников энергии, и подчеркивают важность развития инфраструктуры и технологических решений для успешного внедрения водородной энергетики.

Р.С. Жанбулатова в научной работе «Энергетическая дипломатия ЕС в Центральной Азии на примере сотрудничества Франции и Казахстана» [12] исследует вопросы взаимодействия ЕС со странами Центральной Азии в контексте энергетической политики. В частности, в статье анализируется взаимодействие Казахстана и Франции в рамках энергетической дипломатии Европейского союза. Основное внимание уделяется механизмам энергетической политики ЕС, которые играют ключевую роль в сотрудничестве со странами Центральной Азии. В статье исследуются различные аспекты этого взаимодействия и обсуждаются вопросы, связанные с развитием энергетической инфраструктуры, обменом опытом и технологиями, а также содействием внедрению экологически чистых и эффективных энергетических решений.

М. Жиенбаев в статье «Генезис энергетической политики Европейского союза» [13] рассматривает приоритеты общей энергетической политики Европейского союза и исследует такие вопросы, как обеспечение надежными источниками энергии, диверсификацию маршрутов транспортировки углеводородов, повышение энергоэффективности и развитие возобновляемых источников энергии, а также прогресс в области новых технологий и обеспечение энергетической безопасности.

Результаты исследования и их обсуждение

Казахстанские ученые и эксперты активно внедряют водородную энергетику, фокусируясь на исследованиях и проектах с уникальными особенностями страны. Технологии производства и использования водорода подвергаются интенсивному анализу, а успешные проекты служат образцом для более широкого внедрения. Эксперты подчеркивают важность стратегий развития и предостерегают о необходимости учесть специфику Казахстана в контексте водородной энергетики.

На основании проведенного гайд интервью сделан вывод, что использование природного газа в производстве голубого водорода экономически обосновано. Существующая инфраструктура для добычи природного газа в Казахстане облегчает интеграцию голубого водорода в энергетический сектор, а зеленый водород, произведенный с использованием возобновляемых источников, способствует снижению выбросов углерода. Оба вида водорода важны для обеспечения энергетической безопасности и устойчивого развития в Казахстане. Переход к чистым источникам энергии, включая зеленый водород, будет способствовать уменьшению экологического воздействия и содействовать глобальным стратегиям снижения выбросов углерода. В свою очередь, голубой водород может обеспечить плавный переход, учитывая уже существующие ресурсы страны.

Основываясь на анализе источников и проведенного гайд интервью, автор исследовала прогресс в этой области и выявила проблемы и потенциальные пути дальнейшего совершенствования этой технологии, принимая во внимание глобальные вызовы, связанные с изменением климата и устойчивым развитием. Можно уверенно заявить, что водородная энергетика является необходимостью для устойчивого развития Казахстана. Это важный сектор энергетической отрасли, который связан с производством, хранением, транспортировкой и использованием водорода в качестве источника энергии. Водород может быть использован в качестве чистого топлива, особенно в водородных топливных элементах, и является важным аспектом для диверсификации энергетического баланса и сокращения выбросов парниковых газов [14].

Водород обладает высокой плотностью энергии, что позволяет накапливать большое количество энергии в небольшом объеме, обеспечивая удобную транспортировку и хранение. Водород может быть использован в различных промышленных процессах, таких как производство аммиака, металлургические операции (например, восстановление металла), производство метанола и других химических веществ. Это служит формой накопления энергии, особенно в тех случаях, когда другие методы накопле-

ния энергии ограничены или неэффективны. Водород, также используется для временного хранения энергии из возобновляемых источников, таких как солнечная энергия и энергия ветра. Используется в качестве чистого топлива для транспортных средств, включая легковые автомобили, автобусы, поезда и даже самолеты. Водородные транспортные системы обеспечивают низкие выбросы парниковых газов и отсутствие загрязнения воздуха [16].

Однако при использовании водорода существуют некоторые существенные проблемы, такие как высокие затраты на внедрение водородной энергетики и сложность хранения и транспортировки. Вопрос безопасности остается важным, поскольку водород является легковоспламеняющимся газом, который требует соблюдения строгих мер безопасности при его использовании и хранении [17].

В настоящее время можно выделить следующие инициативы, связанные с развитием водородной энергетики в зарубежных странах, чей опыт может оказаться полезным для Казахстана:

- США, Япония и ЕС приняли и реализуют национальные и международные программы по разработке элементов водородной энергетики, включая возобновляемые источники энергии (ВИЭ).

- Национальная инициатива по водороду и топливным элементам США (NHFCI) [18]. Эта инициатива, запущенная в 2003 году, направлена на разработку и внедрение технологий использования водорода и топливных элементов в различных секторах, таких как автомобилестроение, стационарная энергетика и промышленность.

- Программа «Водород и топливные элементы и инициативы в области распределенной энергии» (Hydrogen and Fuel Cell and Distributed Energy Initiatives) [19]. Эта программа, запущенная Министерством энергетики США, направлена на разработку и демонстрацию передовых технологий использования водорода и топливных элементов, а также на строительство инфраструктуры для водородной энергетики

- Программа «Водородная инициатива для чистой энергетики будущего» (Hydrogen Initiative for a Clean Energy Future). Эта программа, запущенная Международным энергетическим агентством ОЭСР направлена на поощрение инноваций и исследований в области водородной энергетики с целью создания устойчивой и экологически чистой энергетической системы [20].

- ЕС также активно разрабатывает и реализует национальные водородные программы и проекты. «Водородная Европа» [21] – европейская инициатива, объединяющая членов ЕС для развития водородной энергетики и технологий топливных элементов. Она направлена на создание конкурентоспособного рынка водородной энергетики в Европе и развитие инфраструктуры для водородных технологий.

- «Чистая энергия для всех европейцев» [22] – это пакет мер и директив, предложенных Европейской комиссией, направленных на устойчивую энергетику в Европе. В рамках этой инициативы существуют программы и проекты, которые включают водородную энергетику и технологии топливных элементов.

- «Совместное предприятие по топливным элементам и водороду» (FCH JU) [23] – это совместная инициатива ЕС и промышленных партнеров, которая финансирует и поддерживает исследовательские, опытно-конструкторские и демонстрационные проекты в области водородной энергетики и технологий топливных элементов.

- США и ЕС активно инвестируют в исследования, разработки и инфраструктуру для развития этой перспективной области. Однако, несмотря на значительные достижения, еще предстоит проделать большую работу для того, чтобы водородная энергетика получила широкое распространение и стала экономически конкурентоспособной.

Казахстан обладает богатыми природными ресурсами, включая возможности для производства водорода. Внедрение водородной энергетики в энергетический комплекс Казахстана способствовало бы диверсификации и снижению зависимости от традиционных источников энергии. Такой подход может не только обеспечить энергетическую безопасность страны, но и создать новые возможности для экономического роста и инновационного развития.

Для достижения желаемых изменений в казахстанской энергетической инфраструктуре и реализации концепции водородных энергетических систем необходимо усовершенствовать технологии водородной энергетики таким образом, чтобы они стали конкурентоспособными с точки зрения технических и экономических аспектов. Это требует преодоления пути от исследований и разработок до создания новой водородной инфраструктуры, включающей производственные мощности по производству водорода, системы его хранения, транспортировки, распределения, а также высокоэффективные стационарные и транспортные электростанции.

Реализация такого подхода требует не только технического совершенствования технологий водородной энергетики, но и создания соответствующей инфраструктуры. Это включает в себя разработку производственных мощностей для производства водорода, систем его хранения и транспортировки, а также высокоэффективных электростанций для различных применений.

В результате для успешной реализации концепции водородной энергетики Казахстана необходимо продолжать исследования и разработки, совершенствовать технологии и инвестировать в создание новой водородной инфраструктуры. Это позволит превратить водородную энергетику в конкурентоспособное и устойчивое направление энергетической отрасли будущего. Работа в этом направлении требует как тщательного планирования и координации, так и крупных инвестиций в национальном и международном масштабе.

Водородная энергетика предлагает решение для поддержания экологического баланса. Развитие водородной промышленности в Казахстане имеет потенциал не только снизить воздействие на окружающую среду, но и стать примером экологического лидерства в регионе.

Являясь одним из крупнейших экспортеров углеводородов, Казахстан, тем не менее, заинтересован в переходе экономики на экологически чистые источники энергии. Заявленная с конца 90-х годов заинтересован-

ность страны в сокращении выбросов парниковых газов в атмосферу была реализована, в том числе, в формате участия Казахстана в Киотском протоколе, Парижском соглашении 2016 года и других перспективных направлениях международного сотрудничества.

Реальная работа, направленная на сокращение выбросов угарного газа в атмосферу, уже ведется. Принципиальное значение в этом отношении имеет использование системы квот на выбросы CO и CO₂, а также увеличение ставок соответствующих платежей в бюджет. Если объективно невозможно сократить выбросы в атмосферу, предприятиям рекомендуется использовать низкоуглеродные технологии. Реализация мер внутренней политики в этой области обобщена, среди прочего, национальной стратегией «Казахстан 2050», которая предусматривает, что к 2050 году до половины потребляемой в стране энергии будет вырабатываться с использованием альтернативных и «зеленых» технологий. А 2060 год определен как год достижения полной углеродной нейтральности экономики.

В этом смысле водородная энергетика является многообещающей альтернативой традиционным видам топлива. Водород может использоваться не только в водородных двигателях, но и в различных отраслях промышленности, особенно там, где требуется большое количество энергии. Это направление, являясь наиболее экологичным (обычная вода выступает в качестве отходов производства энергии), находит широкую поддержку со стороны государства, с чем связано распоряжение Президента страны К.Токаева о создании Центра компетенций по водородной энергетике при Национальной компании «КазМунайГаз».

Водород, используемый в промышленности и энергетике, производится несколькими основными способами. Основными ресурсами для производства «голубого» водорода являются природный газ, попутный нефтяной газ и уголь. Это еще один весомый фактор в пользу перехода на водородную энергетiku – все это сырье доступно на территории Казахстана. В связи с этим данное направление в энергетической отрасли является достаточно перспективным, однако оно содержит ряд технологических вопросов, которые потребуют детального изучения для внедрения данной технологии. Первое, на что обращают внимание эксперты, это наличие фракций CO и CO₂ в синтез-газе, получаемом из первичного сырья. Второе – проблема наличия запасов природного газа, потребление которого, особенно на переходном этапе, значительно возрастет. Правительству Казахстана и отечественным специалистам следует обратить внимание на то, как подобные задачи решаются в мировой практике, в частности в рамках реализации основанного на аналогичной концепции проекта по производству «голубого» водорода в городе Порт-Артур, штат Техас, США.

Но наиболее перспективным и экологически эффективным методом является получение «зеленого» водорода путем электролиза воды с использованием возобновляемых источников энергии. В действующем Экологическом кодексе Казахстана к ним относятся солнечная энергия, энергия ветра, гидроэнергия, энергия биомассы и энергия отходов. Следует отметить, что доля этих видов ресурсов в энергетическом секторе Казахстана постоянно растет: так, если в 2021 году, по данным Kaz Energy, из общей

мощности в 23,6 ГВт, потребляемой в Казахстане, доля ветровой и солнечной энергии в 2022 году составила 1,47 ГВт (около 6%), то в 2028 году мощность возобновляемых источников энергии, по данным Министерства энергетики, должна достичь 4,5 ГВт. Согласно Концепции зеленой экономики, принятой в рамках вышеупомянутой национальной стратегии, к середине 21 века 50% от общего объема производимой в стране электроэнергии должно приходиться на возобновляемые ресурсы [11].

Сезонно возникающие излишки энергии в системе могут быть использованы в качестве источников электроэнергии для производства «зеленого» водорода, но более надежным способом является создание автономных источников энергии для электролизных устройств. Проект немецко-шведской компании Svevind, которая подписала меморандум с Правительством Казахстана, основан на этой концепции, среди прочего, на стадии разработки и утверждения. Проект предполагает строительство солнечной и ветряной электростанции мощностью 45 ГВт для производства «зеленого» водорода в Мангистауской области. Учитывая, что, по оценкам Международной энергетической ассоциации, в ближайшем будущем миру потребуется от 500 до 800 миллионов тонн экологически чистого водорода для обеспечения углеродной нейтральности, трудно переоценить важность этого проекта [24, 25].

На данный момент ожидается, что реализация этого проекта будет осуществляться полностью за счет иностранных инвестиций, несмотря на то, что республика имеет право участвовать в его финансировании наравне с другими организациями и учреждениями. Предварительные оценки указывают на сумму от 40 до 50 миллиардов долларов в качестве стоимости проекта, включая создание необходимой инфраструктуры. Завершение проектных работ запланировано на конец 2026 года, начало поэтапного строительства - на 2027 год, а производство первого «зеленого» водорода ожидается в 2030 году, выход на полную мощность - в 2032 году [24, 25].

Развитие водородной энергетики в Казахстане является перспективным направлением для будущего развития энергетической отрасли. Она сочетает в себе экономические преимущества, устойчивость и активное участие в глобальных усилиях по борьбе с изменением климата. Научные исследования, технологические инновации и международное сотрудничество играют важную роль в успешном осуществлении этого перехода.

Выводы

Водородная энергетика является перспективным направлением развития энергетической отрасли благодаря ее потенциалу в сокращении выбросов парниковых газов и обеспечении энергетической устойчивости. Водородная энергетика обладает рядом преимуществ, включая высокую плотность энергии, возможность хранения и транспортировки, а также использования в различных отраслях промышленности, включая транспорт, стационарные и переносные электростанции. Принимая во внимание глобальные вызовы, связанные с изменением климата и устойчивым развитием, у Казахстана есть шанс стать лидером в области водородной энергетики не только в регионе, но и на мировой арене. Для успешной реализации

этого перспективного направления необходимо сосредоточить усилия на научных исследованиях, инновациях, создании инфраструктуры и международном партнерстве.

В заключение необходимо ответить, что развитие водородной энергетики в Казахстане обещает принести новые технологии, экономический рост и устойчивое будущее для страны, а также внести важный вклад в сохранение экологического баланса. Водородная энергетика в Казахстане способствует сохранению экологического баланса и открывает новые перспективы для страны в области энергетики.

Уникальное положение Казахстана между двумя крупнейшими рынками водородного топлива, Китаем и Европейским союзом, предоставляет стране возможность не только использовать этот вид топлива, но и выступать в качестве его экспортера в эти регионы в будущем. Важным фактором повышения роли водорода как альтернативного и экологически нейтрального источника энергии является существующая нестабильность на рынке нефти и газа. В связи с этим перспективным будет использование возобновляемых источников энергии для производства и экспорта водорода, что обязательно должно быть отражено в специальной стратегии или дорожной карте.

Однако водородная энергетика также сталкивается с некоторыми проблемами, такими как высокие производственные затраты, ограниченная инфраструктура и безопасное хранение и использование. США и ЕС являются лидерами в развитии водородной энергетики. Оба региона активно реализуют национальные программы и проекты, проводят исследования и инвестируют в развитие водородной инфраструктуры. Необходимы более глубокие исследования в Казахстане в области экологических, экономических и социальных аспектов водородной энергетики. Это поможет лучше понять его воздействие на окружающую среду, стоимость и конкурентоспособность. Таким образом, можно заключить:

- Развитие инфраструктуры для производства, хранения, транспортировки и использования водорода является важным шагом. Стандартизация технологий и безопасности также является неотъемлемой частью этого процесса.

- Используя международный опыт, страны могут обмениваться передовыми технологиями в области производства, хранения и использования водорода. Это ускорит разработку и коммерциализацию водородных технологий, а также снизит затраты на исследования и разработки.

- Необходимо усилить образовательные программы и информационные кампании для повышения осведомленности общественности о водородной энергетике. Это поможет создать позитивный настрой и поддержку со стороны общества, и инвесторов.

- Правительство и финансовые организации должны оказывать финансовую поддержку и стимулы для развития водородной энергетики. Это может включать налоговые льготы, гранты на исследования и разработки, а также инвестиции в создание необходимой инфраструктуры.

В целом, чтобы успешно реализовать потенциал водородной энергетики в Казахстане, необходимо объединить усилия в области исследований,

развития технологий, инфраструктуры и политической поддержки. Это позволит создать устойчивую и экологически чистую энергетическую систему, способствующую устойчивому развитию и снижающую негативное воздействие на окружающую среду. Также по мере развития данной отрасли РК необходимо параллельное совершенствование законодательства в области экологических норм и поддержки развития альтернативной энергетики, включая водородную.

Статья подготовлена по результатам исследований, финансируемых Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19175789 «Развитие водородной энергетики в Казахстане и международная энергетическая безопасность: опыт стран Европейского Союза»).

Список литературы

1. Мировые инвестиции в энергетику по итогам 2023 года вырастут на 7,7% — до \$2,8 трлн. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/284618030> (дата обращения: 18.08.2023).
2. Analysis. URL: <https://www.iea.org/analysis?type=report> (дата обращения: 25.10.2023).
3. IEA. Data and statistics. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics> (дата обращения: 25.10.2023).
4. The Hydrogen Economy Opportunities, Costs, Barriers, and R&D Need. National Research Council and National Academy of Engineering, 2004, 210 стр.
5. Nnabuife, S. Godfrey, Ugbeh-Johnson, J., Okeke, N., Ogbonnaya, Ch. Present and Projected Developments in Hydrogen Production: A Technological Review. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2772656822000136> (дата обращения: 25.10.2023).
6. Bossel, U., Eliasson, B., Taylor, G. The future of the hydrogen economy: bright or bleak?, 2004, pp. 87-111.
7. Corbo, Pasquale, Migliardini, Fortunato, Veneri, Ottorino. Hydrogen Fuel Cells for Road Vehicles, 2013, 246 p.
8. Литвиненко, В.С., Цветков, П.С., Двойников, М.В., Буслаев, Г.В. Барьеры реализации водородных инициатив в контексте устойчивого развития глобальной энергетики // Записки Горного института, 2020, т. 244, с. 428-438. DOI:10.31897/PMI.2020.4.5.
9. Российские нанотехнологии, 2020, т. 15, № 3, с. 262-279.
10. Радченко, Р.В., Мокрушин, А.С., Тюльпа, В.В. Водород в энергетике: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014, 229 с.
11. Zholdayakova, S., Abuov, Y., Zhakupov, D., Suleimenova, B., Kim, A. Toward hydrogen economy in Kazakhstan // ADBI Working Paper Series, 2022, 20 с.
12. Жанбулатова, Р.С. Энергетическая дипломатия ЕС в Центральной Азии на примере сотрудничества Франции и Казахстана // CONCORDE, 2018, № 5, с. 66-72.
13. Кожухова, М., Жанбулатова, Р., Жиенбаев, М. Генезис энергетической политики Европейского Союза // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право, 2019, т. 84, № 4, с. 27-34.
14. U.S. Department of Energy. (2020). Hydrogen and Fuel Cells. URL: www.energy.gov/eere/fuelcells/hydrogen-and-fuel-cells (дата

- обращения: 25.10.2023).
15. National Renewable Energy Laboratory. Hydrogen and Fuel Cells. URL: <https://www.nrel.gov/hydrogen/> (дата обращения: 25.10.2023).
  16. Fuel Cells and Hydrogen Joint Undertaking. (2020). Hydrogen Applications. URL: www.fch.europa.eu/page/hydrogen-applications (дата обращения: 25.10.2023).
  17. Fellah, A. M., Masmoudi, M., Mhiri, R., Hidouri, N. (2021). A review on hydrogen energy: production, storage, and applications // *International Journal of Hydrogen Energy*, 46(11), 8827-8852. doi:10.1016/j.ijhydene.2021.01.076.
  18. U.S. Department of Energy. (2020). Hydrogen and Fuel Cells. URL: www.energy.gov/eere/fuelcells/hydrogen-and-fuel-cells (дата обращения: 25.10.2023).
  19. U.S. National Clean Hydrogen Strategy and Roadmap. URL: <https://www.hydrogen.energy.gov/pdfs/us-national-clean-hydrogen-strategy-roadmap.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).
  20. Hydrogen Patents for a Clean Energy Future. URL: <https://www.iea.org/reports/hydrogen-patents-for-a-clean-energy-future> (дата обращения: 25.10.2023).
  21. Hydrogen Europe. URL: www.hydrogeneurope.eu/ (дата обращения: 25.10.2023).
  22. EU Commission. Energy. URL: https://ec.europa.eu/energy/topics/renewable-energy/hydrogen-and-fuel-cells_en (дата обращения: 25.10.2023).
  23. Clean Hydrogen Energy. 15 European regions will receive Project Development Assistance. URL: https://www.clean-hydrogen.europa.eu/media/news/15-european-regions-will-receive-project-development-assistance-2023-01-15_en (дата обращения: 25.10.2023).
  24. Abuov, Y., Zhakupov, D., Suleimenova, B., et al. (2024). Realizing the benefits of a hydrogen industry in Kazakhstan // *International Journal of Hydrogen Energy*, 54, 37-48. <https://doi.org/10.1016/j.ijhydene.2023.05.259>.
  25. Tieubergenova, A., Abuov, Y., et al. (2023). Resource assessment for green hydrogen production in Kazakhstan // *International Journal of Hydrogen Energy*, 48(43), 16232-16245. <https://doi.org/10.1016/j.ijhydene.2023.01.113>.

References:

1. Mirovye investitsii v energetiku po itogam 2023 goda vyrastut na 7,7% — do \$2,8 trln. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/284618030> (accessed: 18.08.2023).
2. Analysis. URL: <https://www.iea.org/analysis?type=report> (accessed: 25.10.2023).
3. IEA. Data and statistics. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics> (accessed: 25.10.2023).
4. The Hydrogen Economy Opportunities, Costs, Barriers, and R&D Need. National Research Council and National Academy of Engineering, 2004, 210 pages.
5. Nnabuiife, S. Godfrey, Ugbeh-Johnson, J., Okeke, N., Ogbonnaya, Ch. Present and Projected Developments in Hydrogen Production: A Technological Review. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2772656822000136> (accessed: 25.10.2023).
6. Bossel, U., Eliasson, B., Taylor, G. The future of the hydrogen economy: bright or bleak?, 2004, pp. 87-111.
7. Corbo, Pasquale, Migliardini, Fortunato, Veneri, Ottorino. Hydrogen Fuel Cells for Road Vehicles, 2013, 246 pages.

8. Litvinenko, V.S., Tsvetkov, P.S., Dvoynikov, M.V., Buslaev, G.V. Bar'ery realizatsii vodorodnykh initsiativ v kontekste ustoychivogo razvitiya global'noi energetiki. Zapiski Gornogo instituta, 2020, vol. 244, pp. 428-438. DOI:10.31897/PMI.2020.4.5.
9. Rossijskie nanotekhnologii, 2020, vol. 15, no. 3, pp. 262-279.
10. Radchenko, R.V., Mokrushin, A.S., Tyul'pa, V.V. Vodorod v energetike: ucheb. posobie. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2014, 229 pages.
11. Zhodayakova, S., Abuov, Y., Zhakupov, D., Suleimenova, B., Kim, A. Toward hydrogen economy in Kazakhstan. ADBI Working Paper Series, 2022, 20 pages.
12. Zhanbulatova, R.S. Energeticheskaya diplomatiya ES v Tsentral'noi Azii na primere sotrudnichestva Frantsii i Kazakhstana. CONCORDE, 2018, no. 5, pp. 66-72.
13. Kozhukhova, M., Zhanbulatova, R., Zhiyenbaev, M. Genezis energeticheskoi politiki Evropeiskogo Soiuza. Vestnik KazNU. Seriya mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo, 2019, vol. 84, no. 4, pp. 27-34.
14. U.S. Department of Energy. (2020). Hydrogen and Fuel Cells. URL: www.energy.gov/eere/fuelcells/hydrogen-and-fuel-cells (accessed: 25.10.2023).
15. National Renewable Energy Laboratory. Hydrogen and Fuel Cells. URL: <https://www.nrel.gov/hydrogen/> (accessed: 25.10.2023).
16. Fuel Cells and Hydrogen Joint Undertaking. (2020). Hydrogen Applications. URL: www.fch.europa.eu/page/hydrogen-applications (accessed: 25.10.2023).
17. Fellah, A. M., Masmoudi, M., Mhiri, R., Hidouri, N. (2021). A review on hydrogen energy: production, storage, and applications. International Journal of Hydrogen Energy, 46(11), 8827-8852. doi:10.1016/j.ijhydene.2021.01.076.
18. U.S. Department of Energy. (2020). Hydrogen and Fuel Cells. URL: www.energy.gov/eere/fuelcells/hydrogen-and-fuel-cells (accessed: 25.10.2023).
19. U.S. National Clean Hydrogen Strategy and Roadmap. URL: <https://www.hydrogen.energy.gov/pdfs/us-national-clean-hydrogen-strategy-roadmap.pdf> (accessed: 25.10.2023).
20. Hydrogen Patents for a Clean Energy Future. URL: <https://www.iea.org/reports/hydrogen-patents-for-a-clean-energy-future> (accessed: 25.10.2023).
21. Hydrogen Europe. URL: www.hydrogeneurope.eu/ (accessed: 25.10.2023).
22. EU Commission. Energy. URL: https://ec.europa.eu/energy/topics/renewable-energy/hydrogen-and-fuel-cells_en (accessed: 25.10.2023).
23. Clean Hydrogen energy. 15 European regions will receive Project Development Assistance. URL: https://www.clean-hydrogen.europa.eu/media/news/15-european-regions-will-receive-project-development-assistance-2023-01-15_en (accessed: 25.10.2023).
24. Abuov, Y., Zhakupov, D., Suleimenova, B., et al. (2024). Realizing the benefits of a hydrogen industry in Kazakhstan. International Journal of Hydrogen Energy, 54, 37-48. <https://doi.org/10.1016/j.ijhydene.2023.05.259>.
25. Tleubergenova, A., Abuov, Y. et al. (2023). Resource assessment for green hydrogen production in Kazakhstan. International Journal of Hydrogen Energy, 48(43), 16232-16245. <https://doi.org/10.1016/j.ijhydene.2023.01.113>.

Материал поступил в редакцию 26.02.2024

**Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ)
Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы
16 маусымдағы Жарлығына сәйкес құрылған
мемлекеттік болжамдық-талдау мекеме.**

Талдау орталықтарының 2020 жылғы Дүниежүзілік индекс-рейтингіне сәйкес (Global Go To Think Tank Index Report, University of Pennsylvania) ҚСЗИ Кавказ, Орталық және Оңтүстік Азияның жетекші талдау орталықтарының үштігіне кіреді (58 орталықтан), сондай-ақ «Covid-19-ға ең үздік саясат және институционалдық жауап» номинациясы бойынша әлемнің топ ақыл-ой орталықтарының қатарына кірді. Бұл номинацияға әлемнің түкпір-түкпірінен 83 талдау орталығы кірді, олардың ішінде ҚСЗИ Орталық Азия елдерінен кірген жалғыз құрылым болды.

Институттың негізгі қызметі – Қазақстан Республикасы Президентінің қызметін мемлекеттің ішкі және сыртқы саясатының стратегиялық бағыттары бойынша талдамалық, зерттеу және сараптамалық қамтамасыз ету.

ҚСЗИ мекен-жайы мен байланыс телефоны:

Қазақстан Республикасы, 010000

Астана қ., Бейбітшілік к-сі 4

Тел.: +7(7172) 75-20-20

Факс: +7(7172) 75-20-21

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz

kisi_kz

kisi_kz

kisi.kz

kaz_iss

kisi_kz

